

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология.
Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology.
Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2022

There are 4 issues of printed version of the journal a year
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

5.7 Philosophy:

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social philosophy

5.10 Art Studies:

5.10.1 Theory and history of art

5.10.3 Film, television and other screen arts

5.4 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of culture

Goals of the journal

Representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включена: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7 Философия:

5.7.2 История философии

5.7.7 Социальная и политическая философия

5.10 Искусствоведение и культурология:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства)

5.4 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала

Представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала

Осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zveigintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Alexandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executive editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тоценко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Вилле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Зевинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калужина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кельнский университет, Кельн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Молчанов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Ратиц*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупшерталья, Вупшерталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Ситовская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, РГГУ

Content

Philosophy. History of Philosophy

<i>Elena V. Kosilova</i> Understanding in mathematics: From classics to non-classics and post-non-classics. Part One	10
<i>Eva V. Ilyushchenko, Maksim A. Pylaev</i> Ontological argument by S. Frank and K. Barth	23
<i>Renata S. Okorokova</i> The conception of anthropotechnics by Peter Sloterdijk	36
<i>Alla P. Dubinina</i> Transformation in the deep foundations of time, space, knowledge in the concept of E. Toffler's "Revolutionary Wealth"	52

Sociology: theoretical and empirical researches

<i>Irina A. Polyakova</i> Transformation of Russian healthcare in population estimates	66
<i>Ekaterina V. Fadeeva</i> Social and economic status of mid-level medical personnel during the coronavirus pandemic	75
<i>Galina V. Baranova</i> Paradoxes and contradictions of family relations in a transforming society	86
<i>Marina Yu. Milovanova</i> Social interests of young people. Current party-political discourse and gender analysis	97
<i>Olesya A. Bazhutova</i> Forms of the leisure and health improvement of the elderly in a stationary institution	107

Art Studies

<i>Anastasiya A. Gorbunova, Rimma A. Timofeeva</i> Costumed images à la turque in Russian painting of the 18 th century	116
<i>Alla A. Vasil'chenko</i> Orsk jasper (jashma) as an object of ecology of culture of Orenburg	143

Содержание

Философия. История философии

<i>Елена В. Косилова</i> Понимание в математике: от классики к неклассике и пост-неклассике. Статья первая	10
<i>Ева В. Ильющенко, Максим А. Пылаев</i> Онтологическое доказательство у С. Франка и К. Барта	23
<i>Рената С. Окорокова</i> Концепция антропотехник Петера Слотердайка	36
<i>Алла П. Дубинина</i> Трансформация глубинных оснований времени, пространства, знания в концепции «революционного богатства» Э. Тоффлера	52

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Ирина А. Полякова</i> Трансформация российского здравоохранения в оценках населения	66
<i>Екатерина В. Фадеева</i> Социально-экономическое положение среднего медицинского персонала в ситуации пандемии коронавирусной инфекции	75
<i>Галина В. Баранова</i> Парадоксы и противоречия семейных отношений в трансформирующемся обществе	86
<i>Марина Ю. Милованова</i> Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ	97
<i>Олеся А. Бажутова</i> Формы организации досуга и оздоровления пожилых людей в условиях стационарного учреждения	107

Искусствоведение

<i>Анастасия А. Горбунова, Римма А. Тимофеева</i> Костюмированные изображения à la turque в русской живописи XVIII века	116
<i>Алла А. Васильченко</i> Орская яшма как объект экологии культуры Оренбуржья	143

Понимание в математике: от классики к неклассике и постнеклассике

Статья первая

Елена В. Косилова

*Московский университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, implicatio@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания в классической, неклассической и пост-неклассической традиции на примере понимания математики. В первой части статьи рассматривается проблема классической и постнеклассической науки и ставится проблема понимания. Сама математика может быть классической и неклассической, как и логика. Для классической логики и математики была характерна интуитивная понятность и связь с миром, будь то окружающий мир или мир мысли. Неклассические логика и математика являются науками-в-себе, единственным требованием к которым – непротиворечивость. Проводится связь между идеей Дж. Грея о модернистской математике и идеей неклассической математики. Понимание математики рассматривается на примере работ Э. Гуссерля. Гуссерль описывает логические переживания и конституирование математического смысла в актах созерцания и «осуществления смысла», реактивации смысла при его передаче в традиции. Важным является вопрос о соотношении интуиции и логики в новой математике. Пуанкаре противопоставляет интуицию и логику, а Гуссерль говорит о специфическом логическом усмотрении, что может быть названо логической интуицией. Вводится идея двух познавательных способностей: интуитивно-логической и формально-логической.

Ключевые слова: неклассическая математика, неклассическая логика, понимание в математике, осуществление смысла, реактивация смысла, Гуссерль

Для цитирования: Косилова Е.В. Понимание в математике: от классики к неклассике и постнеклассике. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-10-22

Understanding in mathematics: From classics to non-classics and post-non-classics. Part One

Elena V. Kosilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, implicatio@yandex.ru

Abstract. The article deals with an issue of understanding in the classical, non-classical and post-non-classical tradition by the example of understanding mathematics. The prime part of the article looks at the matter of classical and post-non-classical science and poses an issue of understanding. Mathematics itself can be classical or non-classical, as well as logic. Classical logic and mathematics were characterized by intuitive clarity and connection with the world, whether it be the surrounding world or the world of thought. Non-classical logic and mathematics are “sciences-in-themselves”, the only requirement for which is consistency. A connection is made between the idea of J. Gray about modernist mathematics and non-classical mathematics. The understanding of mathematics is considered on the example of the works of E. Husserl. Husserl describes logical experiences and the constitution of mathematical meaning in the acts of intuition, realization and reactivation of sense in passing it on in tradition. An important question is the relationship between intuition and logic in the new mathematics. Poincaré contrasts intuition and logic, while Husserl speaks of a specific logical discernment, which can be called logical intuition. The idea of two cognitive abilities is introduced: intuitive-logical and formal-logical.

Keywords: non-classical mathematics, non-classical logic, understanding in mathematics, realization of sense, reactivation of sense, Husserl

For citation: Kosilova, E.V. (2022), “Understanding in mathematics: From classics to non-classics and post-non-classics. Part One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 10-22, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-10-22

Неклассика и модернизм

Возможно ли разделение на классическую и неклассическую математику? В философии, – прежде всего отечественной, – бытует разделение даже на три периода: классическая, неклассическая и постнеклассическая философия, в основе чего лежат работы М.К. Мамардашвили и В.С. Степина. Мысли Мамардашвили широко известны¹. В.Ю. Кузнецов связывает переход в философии от классики к неклассике и далее к постнеклассике с наращиванием порядков рефлексии [Кузнецов 2016]. В.С. Степин относительно

¹ См.: Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 283 с.

разницы между классикой и неклассикой в науке говорит о важности роли наблюдателя [Степин 2009]. И.Т. Касавин и З.А. Сокулер при анализе неклассической рациональности обращают внимание на релятивизацию представлений об истине [Касавин, Сокулер 1989].

Все это касается философии. Согласно В.С. Степину, деление на классику и постнеклассику применимо и к другим наукам. Нечто подобное неклассике мы видим в физике, когда появляются теория относительности и особенно квантовая механика. Однако про математику в этом смысле пока никто из отечественных философов подробно не писал. Как можно выделить классическую и неклассическую математику?

Что математика, начиная с XX в., выглядит совсем не так, как выглядела раньше, трудно отрицать. Недавно на русском языке вышла замечательная книга Дж. Грея «Призрак Платона: модернистская трансформация математики» [Грей, 2021]. Он оперирует не понятием «неклассика», а понятием «модернизм», однако по сути это именно то, о чем речь в нашей традиции. В начале XX в. произошла какая-то трансформация. Как ее можно кратко описать?

Неклассическая логика

Метаморфозы, которые произошли с математикой при переходе к неклассике, легко видны, если рассмотреть особенности неклассических логик.

Что такое классическая логика? Она предлагала изучать типы высказываний и рассуждений, чтобы выделить среди них формально правильные и в дальнейшем использовать их для доказательства и для нахождения ошибок в аргументации оппонентов. Именно с этой целью логику развивал Аристотель. В некотором смысле такова была логика до конца XIX в. В частности, для классической логики характерно то, что она двужначна. Но самое главное, на мой взгляд, – она имела непосредственную связь с реальностью рассуждений, она не была оторвана от внелогической стихии, не была, так сказать, «логикой в себе». Пример: когда речь шла о конъюнкции, о том, что она ложна, когда ложен один из конъюнктов, – мы это понимали. А дизъюнкция истинна, когда истинен хотя бы один из компонентов, – это мы тоже понимали. Что импликация истинна, когда ложен антецедент, – мы это не понимали, хотя аргументы для этого есть и для этого случая. Хотя уже здесь ясно, что определения связок первичнее, чем их понимание: как определить импликацию, такой она и будет. И вот тут уже есть проблема с пониманием: как

определим, так и будет. Произвольно ли определение? Очевидно, не вполне. По-видимому, определение импликации как истинной при ложности антецедента – пример относительно произвольно-го определения, определения по соглашению, но таких примеров в классической логике мало. Натуральный вывод описывает вполне логичные в интуитивном смысле рассуждения. Логика высказываний в целом не противоречит интуиции и, более того, можно сказать, что она формализует интуицию.

Первые неклассические логики появились в начале XX в. Это малоизвестная «воображаемая логика» русского логика Н.А. Васильева и более известная недвоичная логика польского логика Я. Лукасевича. Васильев обогнал свое время, его логику можно рассматривать как предшественницу паранепротиворечивых логик [Мотрошилова 1998]. Что же касается трехзначной, она, хотя и является неклассической, еще не уходит далеко от интуитивного понимания. Ее просто можно рассматривать как формализацию рассуждений с тремя значениями истинности «да, нет, не знаю».

Однако эволюция логик (логических систем) была такова, что со временем стали появляться новые системы, которые были все меньше связаны с естественными рассуждениями и все больше напоминали «игру в бисер». Они отрывались от интуиции, становились аксиоматическими системами с произвольной аксиоматикой. Произвольность аксиоматики (и в меньшей степени правил вывода), как мне кажется, представляет главную черту неклассических логик. Они уже не требуют, чтобы аксиомы были очевидны, чтобы вывод был формализацией естественного рассуждения. Они являются «логиками-в-себе». Фактически, под названием «Игра в бисер» Гессе описал именно это явление.

Неклассическая математика

Мне представляется, что математика примерно в то же время совершила примерно тот же переход. Прежде всего, конечно, он был связан с появлением неэвклидовых геометрий. Это первое, что приходит на ум, когда ставят вопрос о неклассической математике. Но что, собственно, произошло? В чем глубинное отличие неклассических геометрий от эвклидовой?

До сих пор считалось как бы по умолчанию, что аксиомы должны быть очевидными, что математика каким-то образом связана с реальностью. Это, может быть, не обязательно окружающий мир, может быть, это платонический мир идеальных объектов, но этот мир как-то очевиден для умозрения. И даже более того: что этот

мир, мир математических объектов, существует. Математика была связана с интуицией. Как выразил это Декарт, математик должен усматривать аксиомы ясно и отчетливо, и так же он должен оценивать каждый свой дедуктивный шаг.

Начиная с неэвклидовых геометрий, с вариаций пятого постулата, математика стала выдвигать практически единственное требование: непротиворечивость. Как и неклассические логики, она больше не ставила себе задачу описать некий мир. Потом оказывалось, что новые теории применимы к физике, что они так же имеют отношение к миру, как классические теории, но это было постфактум, они на это не были рассчитаны. Не случайно Вигнер говорит, что эффективность математики в естественных науках – это чудо². В его время математика была уже герметичной – «математика в себе», такая же, как «логика в себе».

Конечно, не во всей математике переход к неклассике совершался так же заметно, как это было с неклассическими логиками и неэвклидовыми геометриями. Скажем, введение комплексных чисел тоже было сначала достаточно контринтуитивно, считалось продуктом воображения, чем-то «мнимым». Оно было продиктовано исключительно внутренними потребностями самой математики, необходимостью решать уравнения. Потом, как это часто бывает, оказалось, что комплексные числа широко применимы в физике, но на это никто не рассчитывал. Математика всегда была достаточно автономна. В этом смысле она всегда была «неклассической», математикой в себе. И все же до эпохи модернизма, как ее называет Дж. Грей [Грей 2021], она опиралась на некую математическую интуицию. В ней был довольно большой пласт естественности, «осадок смыслов», как называет это Гуссерль в «Начале геометрии»³. Предметы математического мышления были достаточно близкими воображению человека, что дало возможность Канту утверждать, что математика оперирует созерцаниями.

Вот как описывает Грей «модернизм» в математике:

...в то время как в 18 веке простота правил исчисления компенсировала тот факт, что не было удовлетворительного объяснения того, почему исчисление работало, то когда, наконец, были достигнуты строгость и интеллектуальная ясность, *интуитивные аспекты исчисления были утеряны*. <...> Это парадигмальный образец модернизма. Он удовлетворяет значимой цели, он готов поставить строгость выше не-

² Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. № 94 (3). С. 535–546.

³ См.: Гуссерль Э. Начало геометрии / Пер. с нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996. 267 с.

посредственной постижимости, он отделяет элиту, которая ценит его, от широкой публики, которая этого не делает, он спасает то, что считает лучшим из предыдущей традиции. Прежде всего, *он похваляется тем, что не полагается на интуицию* [Грей 2021, с. 84].

Наступление неклассики в математике можно рассмотреть начиная с XIX в., с появления проективной геометрии. Сначала в ней речь шла о простых проекциях. Но потом выяснилось, что различные проекции далеко не просты. Дж. Грей [Грей 2021, с. 57] подробно рассматривает именно проективную геометрию. В ней уже много формальности, представить новые фигуры сложно. В ней не сохраняются виды фигур, изменяются углы и расстояния.

Потом следует остановиться на теории множеств и на программе формализма Гильберта. Сама теория множеств кажется поначалу интуитивно понятной. В самом деле, весь мир состоит из множеств. Даже странно, что эта теория не появилась раньше, во времена средневековых споров номиналистов с реалистами. Ведь, в сущности, номиналисты говорят об элементах множества, в то время как реалисты говорят о принципе собирания элементов в одно множество (Кантор тоже говорил об «идее»).

Однако теория множеств развивалась, уходя от созерцания. Были поставлены вопросы о бесконечных множествах, поскольку этого требовали простейшие свойства чисел – то, что натуральный ряд бесконечен, как и многие другие множества. Было установлено, что все счетные множества имеют одинаковую мощность, что часть множества может иметь такую же мощность, как и все множество, и совсем странные вещи, как например, возможность приравнять между собой множества точек отрезка и квадрата. Были введены кардинальные числа, и между ними вводятся операции – сложение, умножение, возведение в степень и так далее. Все это делается на в высшей степени формальном уровне.

Сведение всей математики, даже и простой арифметики, к теории множеств тоже происходило формально. Здесь центральная фигура – Гильберт. Кроме того, что он предложил формальную программу обоснования математики (в ней, как представляется, главенствует идея не столько формальности, сколько финитизма), он еще и яркий адепт крайнего формализма. Вейль писал о нем:

В наши дни Давид Гильберт довел аксиоматический метод до горького конца, когда суждения математики, включая аксиомы, превратились в формулы и игра в дедукцию свелась к выводу из аксиом тех или иных формул по правилам, не учитывающим смысла формул⁴.

⁴ Вейль Г. Математическое мышление. М.: Наука, 1989. С. 23.

Грей пишет:

...таким образом, даже примитивное понятие расстояния было растворено Гильбертом в методологии систем аксиом и неявных определений – определений, согласно которым *значение получается через употребление, а не употребление получается от значения* [Грей 2021, с. 234] (курсив мой. – Е. К.)

– почти словами Витгенштейна. И еще:

Это отражает дальнейший модернистский поворот, поскольку изучение систем аксиом стало самостоятельной темой математики. И Гильберт неоднократно использовал этот прием выбора системы аксиом с различными моделями, чтобы показать, что такая-то теорема не следует из аксиом [Грей 2021, с. 231]

– т. е. неклассическая математика всегда является строго аксиоматизируемой, не полагающейся на очевидность. Стала крылатой фраза Гильберта, что «точки, прямые и плоскости можно заменить на столы, стулья и пивные кружки». Мы будем видеть совершенно другое, но теория будет работать на автомате. Совершенно не стоит спрашивать себя о том, «что такое прямая» (и тем более пытаться это увидеть, «узреть»). Ей не дается определения – все ее свойства вытекают из аксиом, в которые она включена, то есть значение, как по Витгенштейну, вытекает из употребления.

Классическая теория понимания в математике: Гуссерль

Вместе с классической математикой развивалось классическое учение о понимании в математике. О нем писал еще Кант. Здесь мы встречаем главный концепт математического понимания – интуицию или созерцание. Это внедискурсивное представление математических сущностей. Оно может быть достаточно наглядным, как в евклидовой геометрии, а может быть далеко от простой наглядности, но при этом все-таки оставаться умозрением. Так, например, Декарт приводит в пример тысячеугольник: мы не можем представить его наглядно, но он доступен «умозрению», в нем нет ничего контринтуитивного.

Если мы зададим себе вопрос, что такое понимание в классической математике – т. е. что такое созерцание и умозрение, – то определения мы, скорее всего, дать не сможем. В некотором смысле

ле оно остается близким к наглядности. Тысячеугольник нельзя вообразить с точностью, но мы понимаем, что это многоугольник, у которого просто «очень много» углов. Однако это очень простой случай. Такой же простой случай – математический анализ, в котором производная определяется как скорость изменения функции, и связанное с ним понятие предела последовательности. Конечно, нельзя сказать, что в классической математике все случаи такие же простые. Однако все-таки большинство из них апеллирует к интуиции.

Я буду основывать свое видение классического понимания в математике на основе идей Э. Гуссерля. Он писал больше о логике, чем о математике, однако имел в виду и то, и другое. В «Логических исследованиях» он вводит понятие *логического переживания*⁵. Переживание смысла основано на созерцании, причем на воспроизводимом созерцании. Когда мы мыслим в области логики и математики, мы *переживаем смысл*. Не бывает понимания без этого внутреннего переживания. Логические переживания Гуссерля и его указания на созерцание близки к кантовским. Кант также писал о том, что математика апеллирует к созерцанию:

...математика ничего не может добиться посредством одних лишь понятий и тотчас спешит [перейти] к созерцанию, в котором она рассматривает понятие *in concreto*...⁶.

Здесь можно вспомнить Пуанкаре и сравнить его с Гуссерлем. Пуанкаре⁷ противопоставляет интуицию и логику: интуиция дает относительно наглядные представления, он указывает на ее близость геометрическому мышлению, а логика – это формальные выкладки. Для этих формальных выкладок не нужно глубокого понимания. Сейчас мы сказали бы, что их может делать искусственный интеллект. Мы знаем, что сейчас созданы программы, доказывающие теоремы. Как известно, слово «интуиция» сильно изменило свое значение со времени Декарта, у которого оно значило «умозрение, созерцание» до современного употребления, где оно стало значить примерно «озарение» или даже «нерациональная догадка».

⁵ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. С. 11.

⁶ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. С. 424.

⁷ См.: Пуанкаре А. Интуиция и логика в математике / Пер. с фр. под ред. Л.С. Понтрягина // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1989. С. 205–218.

Насколько я понимаю Пуанкаре, у него значение понятия интуиции примерно среднее между двумя вариантами: иногда он имеет в виду созерцание, иногда – догадку. Однако и то, и другое противопоставляется формальной логике. Пуанкаре подробно разбирает интуицию и, кроме геометрической, говорит об интуиции чистого числа. О современных ему тенденциях в развитии математики Пуанкаре говорит, что математика движется от интуиции к абсолютной строгости.

Для Гуссерля же логика также требует глубокого понимания, созерцания и, мы можем сказать, именно интуиции в смысле Пуанкаре. Логика также можно понимать поверхностно или глубоко, как бы «по-настоящему». Все, что мы понимаем «по-настоящему», по Гуссерлю, проходит через глубину наших переживаний.

Говоря о формальном мышлении, Гуссерль вводит два типа интенциональных актов, то есть, в сущности, понимания: *придание* смысла и *осуществление* смысла. Здесь же он пишет, что осмысленное выражение может не иметь фундирующего созерцания, дающего предмет: это «пустая интенция» значения. Созерцательно пустые и наполненные интенции значения фундаментально различны:

...следует различать еще два акта или два рода актов: с одной стороны, те, которые существенны для выражения, поскольку оно вообще еще должно быть выражением, т. е. звучанием слова, которое наделено смыслом. Эти акты мы называем актами, придающими значение, или также интенциями значения. С другой стороны, акты, которые, хотя и несущественны для выражения как такового, находятся с ним в логически фундаментальной связи, а именно: они осуществляют его интенцию значения в большей или меньшей соразмерности (подтверждают, усиливают, иллюстрируют) и при этом как раз актуализируют его предметное отношение. Эти акты, которые в познании и осуществлении слиты воедино с актами придания значения, мы называем актами осуществления значения⁸.

В другом месте Гуссерль говорит, что понимание не тождественно знакомству: может быть знакомо, но непонятно (он приводит в пример выученное наизусть греческое стихотворение):

...к характерному свойству знакомого теперь присоединяется характерное свойство понимания как нечто очевидно новое, не меняя чувственно содержания и все же придавая ему новый психический характер⁹.

⁸ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 41.

⁹ Там же. С. 70.

Есть забавная фраза: «осенило банальностью». В ней как раз говорится, что в качестве банальности некоторое утверждение, – ну хотя бы «жизнь сложная штука», – всегда было нам известно, и только в какой-то момент мы по-настоящему понимаем, что тут имеется в виду.

Другими словами, мы можем оперировать значениями выражений по формальным правилам. Мы «придаем» им смысл, мы можем действовать с ними. Однако это не полное понимание. Полное понимание, то есть переживание – это «осуществление смысла». В нем наше мышление как бы полностью сливается с мыслимым. Не остается чувства, что что-то не понято. Именно это и является созерцанием: мы созерцаем внутри себя полный смысл логического выражения. Мы «живем в смысле», говорит Гуссерль: «мы все же совершенно не живем в представлении слова, но исключительно в реализации его смысла, его значения»¹⁰. То есть мы, наше мышление живет в смысле, оно охвачено переживанием смысла. Причем именно такое полное переживание является познавательно ценным, полупонимание, даже если оно ведет к формальным результатам, лишено именно ценности¹¹.

Впрочем, Гуссерль не отрицает, что можно понимать и выражения, в которых созерцание не является полным или даже совсем отсутствует¹². Гуссерль не приводит примеров, но мы можем предложить такой пример: формула Эйлера $e^{i\pi} = -1$. В ней фигурируют два иррациональных трансцендентных числа и одно мнимое. Невозможно созерцание левой части, поскольку наглядно нельзя понять, что такое число, возведенное в комплексную степень. Мы только формально, мне кажется, можем понять, как положительное число при возведении в степень дает отрицательное число. Тем не менее, мы понимаем, по крайней мере, что такое знак равенства. Мы можем принять данное равенство к сведению, оперировать им в выкладках. Это равенство несомненно относится к классической математике. Мы понимаем его, мы понимаем его вывод. Мы законно восхищаемся им, как потрясающим свидетельством единства и красоты математики. Конечно, мы можем считать, что здесь также имеет место понимание, хотя полного наглядного созерцания, как кажется, нет. И все же в этом же пункте Гуссерль снова повторяет: всякое познание в строгом смысле «предполагает созерцательно осуществленные значения»¹³.

¹⁰ Там же. С. 42.

¹¹ Там же. С. 45, 56.

¹² Там же. С. 64–67.

¹³ Там же. С. 68.

Здесь мы видим разные взгляды на природу логики. Природа логики вообще мало исследована в философии математики и в гносеологии. Пуанкаре противопоставляет логику интуиции, Гуссерль говорит о логическом переживании. Неклассические логики, как уже было сказано, делают аксиомы практически произвольными. Витгенштейн считал, что никакого логического усмотрения истинности быть не может, поскольку, например, все связки могут быть выражены через штрих Шеффера, а это совершенно интуитивно не очевидно. Логику можно понимать или как строго конвенциональную «игру в бисер», или как основанную на некоем хотя бы первичном интуитивном понимании. Эта противоположность в логике даже более отчетливо выражена, чем в математике. По-видимому, можно говорить, что есть и то, и другое. Возможно, следует ввести понятия двух различных познавательных способностей: интуитивно-логической и формально-логической. Однако при попытке продумать эту возможность, по-видимому, всегда придется сталкиваться с витгенштейнианской проблемой следования правилу: требуется ли для следования правилу какое-либо созерцание этого правила, его постижение, отличное от формальных операций? По-видимому, имеет смысл говорить, что определенное созерцание для следования правилу нужно, хотя, вероятно, не во всех случаях. Во всяком случае, как будет видно во второй части статьи, фикционалисты в философии математики, полностью отрицающие математическое созерцание и считающие математику конвенциональной, не релятивизируют логику.

Нужно также вспомнить другую работу Гуссерля: «Начало геометрии»¹⁴. Говоря о «первогеометре», о самом зарождении геометрии как науки, Гуссерль указывает, что тогда имело место непосредственное понимание, умозрение, созерцание. Однако смыслы, которые рождаются в голове первогеометра (а первогеометром можно назвать любого, кто доходит до геометрических истин собственным путем), надо передать – как другим людям, так и следующим поколениям. Поэтому любая наука всегда завязана на язык, и геометрия не исключение. Возникает запрос на языковую строгость, в которой может уже не быть место наглядности. Там, где господствует язык, возникает «искушение языком», т. е. как раз то самое развитие науки без созерцания, о котором шла речь и в Логических исследованиях. В «Начале геометрии» Гуссерль видит ситуацию трагически. В «Логических исследованиях» он не сокрушался по поводу понимания без созерцания, хотя и не считал его ценным. В «Начале геометрии» он говорит, что из науки ушло понимание. Раньше было

¹⁴ См.: Гуссерль Э. Начало геометрии / Пер. с нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996. 267 с.

«осаждение смысла», его «реактивация» при традировании (передаче следующим поколениям). Теперь вместо реактивации смысла, то есть вместо понимания, мы имеем развитие языка, внутри которого развивается сама геометрия. Для Гуссерля важно, чтобы наука служила познанию мира. Она должна нам открывать мир, должна помогать понимать его. Это ценность и достоинство науки. Современная наука приносит нам технический прогресс, но это для Гуссерля не главное. Главное то, что она перестала помогать нам понимать. А теперь нам трудно понять ее саму. Именно об этом с горечью говорил и Г. Вейль в высказывании, упомянутом выше и направленном против бесконечной формализации.

Наука больше не ставит себе целью понимание мира. Это относится в меньшей мере к физике, в большей мере к математике. Ее идеалом теперь является абсолютная строгость, в ущерб интуитивной ясности и безотносительно к миру вещей.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Acknowledgements

The work was carried out with the support of Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University “Brain, Cognitive sciences and Artificial intelligence”.

Источники

- Вейль Г. Математическое мышление. М.: Наука, 1989. 400 с.
- Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. № 94 (3). С. 535–546.
- Гуссерль Э. Начало геометрии / Пер. с нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996. 267 с.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2011. 565 с.
- Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 283 с.
- Пуанкаре А. Интуиция и логика в математике / Пер. с фр. под ред. Л.С. Понtryаги-на // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1989. С. 205–218.
- Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания / Пер. А. Кричевского // Логос 2003. № 2 (37). С. 86–121.

Литература

- Грей 2021 – *Грей Дж.* Призрак Платона: модернистская трансформация математики. М.: Канон-Плюс, 2021. 624 с.
- Касавин, Сокулер 1989 – *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике: Критический очерк. М.: Наука, 1989. 191 с.
- Кузнецов 2016 – *Кузнецов В.Ю.* Единство мира в постнеклассической перспективе. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2016. 286 с.
- Мотрошилова 1998 – *Мотрошилова Н.В.* «Воображаемая логика» Н.А. Васильева и вклад В.А. Смирнова в ее исследование // *Философия науки.* Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 192–201.
- Степин 2009 – *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // *Постнеклассика: философия, наука, культура* / Под ред. Л.П. Киященко, В.С. Степина. СПб.: Миръ, 2009. С. 249–295.

References

- Gray, J. (2021), *Prizrak Platona: modernistskaya transformatsiya matematiki* [Plato's Ghost. The Modernist Transformation of Mathematics], Kanon-Plus, Moscow, Russia.
- Kasavin, I.T. and Sokuler, Z.A. (1989), *Ratsional'nost' v poznanii i praktike. Kriticheskii ocherk* [Rationality in Knowledge and Practice. Critical essay], Nauka, Moscow, Russia.
- Kuznetsov, V.Yu. (2016), *Edinstvo mira v postneklassicheskoi perspektive* [The Unity of the World in the Post-Non-Classical Perspective], Institut obshhegumanitarnykh issledovaniy, Moscow, Russia.
- Motroshilova, N.V. (1998), "N.A. Vasil'ev's imaginary logic and V.A. Smirnov's contribution to its investigation", *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], iss. 4, IF RAN, Moscow, Russia, pp. 192–201.
- Stepin, V.S. (2009) "Classics, Non-Classics and Post-Non-Classis. The Criteria of Distinguishing", *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-Non-Classics. Philosophy, Science, Culture], Kiyashchenko, L.P. and Stepin, V.S. (eds.), Mir, Saint Petersburg, Russia, pp. 249–295.

Информация об авторе

Елена В. Косилова, доктор философских наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Москва, Ленинские горы, Учебный корпус «Шуваловский»; implicatio@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Kosilova, Dr. of Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Shuvalovsky building, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; implicatio@yandex.ru

Онтологическое доказательство у С. Франка и К. Барта

Ева В. Ильющенко

Высшая школа экономики, Москва, Россия, eilyushchenko@hse.ru

Максим А. Пылаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия, maximpylaev@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу роли онтологического доказательства в философии всеединства С. Франка и в теологии Слова Бога К. Барта. Исследуя общее и особенное в интерпретации онтологического аргумента у Франка и К. Барта, авторы пытаются ответить на вопрос о разграничении понятийной природы философского и теологического дискурсов. Статьи и позиция К. Барта и позиция С. Франка в онтологическом доказательстве эксплицируют преодоление установки антропоцентризма (либеральной теологии) у К. Барта и субъективизма (нововременной философской традиции, начиная от Декарта) у Франка. Их общность прослеживается в своеобразных формах теоцентризма, теологического у К. Барта и философско-метафизического у С. Франка. Но выделяя одно и то же свойство абсолютной реальности, а именно невозможность помыслить ее небытие, они в рамках разных дискурсов по-разному это свойство анализируют. Франк оперирует целым спектром философских стратегий. Наряду с метафизическим мышлением в его творчестве присутствует методология диалогической философии, персонализма, феноменологии. К. Барт, в свою очередь, в своем антиметафизическом проекте использует такие формы философского дискурса, как диалогизм (событие Откровения, понимаемое в том числе в качестве трансцендирующей речи), экзистенциализм (христология, описываемая в категориях коммуникативной природы человека), неокантианство (через онтологизацию понятий чувственности и рассудка Г. Когена Хенриком Бартом), немецкий идеализм (все аспекты диалектики К. Барта) и другие. Онтологическое доказательство и в трактовке С. Франка, и в интерпретации К. Барта следует отнести к типу «неклассических».

Ключевые слова: онтологическое доказательство, всеединство, диалектическая теология, абсолютная реальность, теоцентризм, С.Л. Франк, К. Барт, Ансельм Кентерберийский

Для цитирования: Ильющенко Е.В., Пылаев М.А. Онтологическое доказательство у С. Франка и К. Барта // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 23–35. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-23-35

The ontological argument by S. Frank and K. Barth

Eva V. Ilyushchenko

Higher School of Economics, Moscow, Russia, eilyushchenko@hse.ru

Maksim A. Pylaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, maximpylajew@mail.ru*

Abstract. The article deals with a comparative analysis of the ontological argument role in S. Frank's philosophy of all-unity and in K. Barth's theology of God's Word. Studying the common and particular in interpretations of the ontological argument by Frank and K. Barth, the authors try to answer the question of how to distinguish the conceptual nature of philosophical and theological discourses. The articles and the position of Barth and the position of S. Frank in the ontological argument both explicate the overcoming an attitude of anthropocentrism (liberal theology) by Barth and subjectivism (modern philosophical tradition, starting with Descartes) by Frank. Therefore, their commonality can be traced in some original forms of theocentrism. In theological one by K. Barth and in philosophical-metaphysical one by Frank. Highlighting the same property of absolute reality, namely the impossibility to conceive its non-existence, they analyze that property in different ways within different discourses. Frank operates with a whole spectrum of philosophical strategies. Namely, along with metaphysical thinking in his works there is a methodology of dialogical philosophy, personalism and phenomenology. K. Barth, in his turn, in his antimetaphysical project uses such forms of philosophical discourse as dialogism (the event of Revelation understood also as transcending speech), existentialism (Christology described in categories of human communicative nature), neo-Kantianism (through Henrik Barth's ontologization of sense's and reason's notions according to H. Kogen), German idealism (all aspects of K. Barth's dialectics) and others. The ontological argument in the interpretation of Frank as well as in the interpretation of Barth should be attributed to the type of "non-classical" arguments.

Keywords: ontological argument, all-unity, dialectical theology, absolute reality, theocentrism, S. Frank, K. Barth, Anselm of Canterbury

For citation: Ilyushchenko, E.V. and Pylaev, M.A. (2021), "Ontological argument by S. Frank and K. Barth", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 23-35, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-23-35

Введение

Проблематика доказательств бытия Бога является центральной темой как метафизической, так и неметафизической философии религии. Кроме того, она в значительной степени определяет морфологию теологического дискурса. Об этой двойной значимости проблемы рационального обоснования бытия Абсолюта как для философии, так и для теологии пойдет речь в статье.

Фигуры русского религиозного философа С. Франка и швейцарского протестантского теолога К. Барта выбраны неслучайно. На первый взгляд, они демонстрируют своим творчеством два во многом противоположных подхода на одно из важнейших доказательств бытия Бога, названного И. Кантом онтологическим. С. Франк в максимальной возможной степени философизует онтологический аргумент, удаляя его как от понятия Бога, так и от теологии как таковой. К. Барт, напротив, анализирует теистически-теологическое измерение онтологического аргумента на примере его трактовки у Ансельма Кентерберийского, противопоставляя в значительной мере антропологическому смыслу онтологического доказательства у Р. Декарта¹. Но более детальное исследование онтологического доказательства у Франка и К. Барта (о чем пойдет речь ниже), скорее, демонстрирует элементы сходства в его понимании у русского философа и швейцарского теолога. Мы постараемся не только зафиксировать общее и особенное в интерпретации онтологического аргумента у Франка и К. Барта, но и ответить на более универсальный вопрос. А именно: вопрос о разграничении понятийной природы философского и теологического дискурсов.

Онтологическое доказательство у Франка и Барта. Общее и особенное

Вначале следует обратить внимание на то, что, в отличие от К. Барта, С. Франк обращался к теме онтологического доказательства на протяжении многих лет. У ряда исследователей творчества русского философа сложилось впечатление о принципиальном различии в подходах к онтологическому аргументу у Франка, например, в «Предмете знания» (1915) и в «Непостижимом» (1939). Не настаивая на полной когерентности различных версий онтологического доказательства у Франка, мы тем не менее склонны усматривать скорее развитие в нем не противоречащих друг другу установок. Поэтому имеет смысл говорить о единой сущности онтологического доказательства у Франка. Другой вопрос, что нет и, наверное, не может быть у франковедов единства в понимании этой сущности. Не ставя перед собой цель типологизировать сложившиеся в историко-философской науке интерпретации онтологического доказательства у Франка, мы приведем для примера некоторые

¹ Подробнее об антропологическом смысле онтологического доказательства у Р. Декарта в трактовке К. Барта см.: [Душин 2014]; см. также: [Пылаев 2021, с. 102–103].

из них, чтобы более рельефно представить собственную версию². Большую роль в франковедении сохраняет феноменологическое прочтение онтологического аргумента у автора «Непостижимого». Так, Г.Е. Аляев пишет:

Осмысливая онтологическое доказательство, которое в его формулировке становится фактически феноменологическим «бытие, усматриваемое через его сомообнаружение»... [Аляев, 2009, с. 10].

Обращаясь к новым материалам по онтологическому доказательству из Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Т. Оболевич и А.С. Цыганков, по сути, высказывают аналогичную точку зрения:

Франк утверждает, что так называемое онтологическое доказательство имеет ценность потому, что «оно не есть доказательство как умозаключение, а наведение сознания на усмотрение самоочевидности» [Оболевич, Цыганков 2017, с. 106].

Обратимся к непосредственному сопоставлению трактовок онтологического доказательства у С. Франка и К. Барта.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении концепций, так это кажущееся различие задач, решаемых при обращении к онтологическому аргументу. Франк, на наш взгляд, в первую очередь вписывает (в том числе используя онтологическое доказательство) традицию субъективизации метафизики Декартом в философию всеединства³. Можно констатировать, что русский философ интерпретирует основные открытия европейской философии (прежде всего метафизической) в контексте истины философии всеединства. Обращаясь к онтологическому доказательству, Франк соединяет все основные вехи в истории прорыва европейской философии к трансцендентному от античности и до Нового времени. А саму функцию онтологического доказательства у Франка Г. Аляев справедливо определяет как открытие «формы откровения абсолютного бытия» [Аляев 2017, с. 69].

К. Барт сохраняет религиозный и во многом теологический смысл онтологического аргумента. Швейцарский теолог акценти-

² Она будет продемонстрирована как в ходе сравнительного анализа онтологического доказательства у Франка и К. Барта, так и непосредственно по ходу статьи.

³ На вопрос о соотношении метафизики и неметафизических форм философии в философии всеединства Франка мы постараемся ответить по ходу статьи.

рует внимание на уникальном, единственном в своем роде способе присутствия Бога, открытом в его Слове, его имени. Только через имя Бога, понимаемое К. Бартом как событие его Слова, возможно Откровение и теология. Таким образом эксплицирует себя проект теоцентристской теологии, в котором Слово Бога превращается в событие его возведения в речи, действительности и тайне Бога. Мы писали о том, что К. Барт тем самым выводит реальность Бога за границы метафизического мышления, делает независимой от любой логики становления космоса и истории, а также от природы человека⁴. Однако при более внимательном сопоставлении концепций онтологического доказательства у С. Франка и К. Барта все в большей мере открывается их внутреннее сродство и общность.

Для С. Франка в онтологическом доказательстве нечего было бы осмыслять без своеобразного духовного опыта, религиозного опыта. Русский философ пишет: «Именно в уяснении этого своеобразия духовного опыта заключается существо онтологического доказательства»⁵. Оно выполняет, по Франку, роль рациональной схемы, способа опознавания «достоверности религиозного опыта». Приоритет, первичность по отношению к рациональному осмыслению переживания абсолютной очевидности абсолюта не вызывает сомнений у Франка.

У К. Барта необходимость реального существования предмета веры предшествует необходимости его мысленного представления. Он называет эту необходимость онтической. В ее основе лежит «онтический разум, то есть разум, который является предметом веры»⁶. Ноэтический разум, по К. Барту, разум как мыслительная способность следует за онтическим разумом, как ноэтическая необходимость следует за онтической необходимостью (S. 85). Онтологическое доказательство не только предполагает веру в бытие его объекта, но и осуществляется только в рамках понимания веры. При этом описание опыта «духовной реальности» у Франка и опыта события Слова Бога у К. Барта имеют как черты сходства, так и фундаментальные отличия.

Сходство позиций К. Барта и С. Франка определяется демонстрацией ускользания «подлинной реальности» (у С. Франка), Бога (у К. Барта) от всех форм бытия. Предмет онтологического доказательства всегда трансцендирует для них, то есть выходит за границы действительности, не является ее частью. У К. Барта ил-

⁴ См.: [Пылаев 2021, с. 97–113].

⁵ Франк С. Онтологическое доказательство бытия Бога // Франк С. По ту сторону правого и левого. Paris: Ymca-Press, 1972. С. 151.

⁶ Barth K. Fides quaerens intellectum. Zürich: Theologischer Verlag, 1931. S. 85 (далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

люстрацией подобного ускользания выступает образ касательной к окружности в качестве примера взаимодействия «мира плоти» и «мира духа». В «Непостижимом» русский философ озвучивает особый способ бытия подлинной реальности: «...Божество не есть, а божеству, “святит” и творит само бытие»⁷.

В принятии онтологического доказательства К. Барта и С. Франка объединяет обесценивание апостериорных доказательств бытия Бога. Мы согласны с К. Антоновым в том, что

...этот же ход мысли выводит такую аргументацию из-под огня кантовской критики онтологического доказательства и хайдеггеровской аргументации против возможности «онто-теологии» поскольку возражения обоих направлены именно против понимания Бога как части «действительности»... [Антонов 2020, с. 136].

У К. Барта в апостериорных доказательствах бытия Бога Бог мыслится по аналогии с миром. Для швейцарского теолога *analogia fidei* должна предшествовать *analogia entis*. Мир есть, чтобы был Христос. Не мир выступает у К. Барта источником познания Бога, но Бог становится предпосылкой познания мира. В отличие от С. Франка, К. Барт неразрывно связывает онтологический аргумент с христологией, понимаемой в значении события Слова Бога.

Небезынтересным выглядит сопоставление природы опытного постижения предмета онтологического доказательства у С. Франка и К. Барта. Русский философ настаивает на «непосредственном усмотрении искомого»⁸, т. е. на возможности и необходимости мистического опыта, возможности и необходимости мистической метафизики. Как правило, мистика и метафизика предполагают друг друга. Вне контекста метафизики сложно, на наш взгляд, понять философию Франка. Так, К. Антонов отмечает, что

...содержание «Непостижимого», – это не метафизическая теория Абсолютного, но экзистенциально-феноменологическое описание религиозного отношения вообще [Антонов 2020, с. 108].

Эти суждения, на наш взгляд, выглядят спорным в контексте первой, наиболее оригинальной, части «Непостижимого». Что можно найти экзистенциально-феноменологического в понятиях трансфинитности или трансдефинитности предметного бытия? И почему первая часть «Непостижимого» не следует из метафизики Николая Кузанского и метода «ученого незнания»?

⁷ Франк С. Непостижимое // Франк С.Л. Соч. М.: Правда, 1990. С. 454.

⁸ Там же. С. 457.

* * *

Но вернемся к вопросу о соотношении онтологического доказательства и мистического опыта у Франка.

«Живое знание» у русского философа, скорее, является противоположностью диалектики веры К. Барта. Для С. Франка: «живое знание есть целостное, живое, интимно-внутреннее всеединство души, нерасколотая целостность нашей жизни – целомудрие»⁹. Она открывает себя в диалектике С. Франка, т. е. в установке антиномистического монодуализма. В другом месте С. Франк пишет:

...Мы есть сверхвременное единство, мы пребываем в нем, и оно в нас. Первое, что есть, и что, следовательно, непосредственно очевидно, есть не сознание, а само сверхвременное бытие¹⁰.

Диалектика веры К. Барта восходит к пониманию веры у Мартина Лютера. Однако теология К. Барта была бы невозможна без немецкого идеализма и его диалектики. Лютеровский императив веры переводится К. Бартом на язык философии неокантианства (понятие “Ursprung”) и «бесконечного качественного различия» Кьеркегора. С одной стороны, Бог оправдывает грешного человека в вере. С другой – человек остается грешным. Это противоречие К. Барт может объяснить, но не снять его. Оно снимается только через «эсхатологическое действие Бога». Диалектика веры К. Барта оказывается не когерентной мистическому опыту, снимающему противоречия между субъектом (мистиком) и объектом (абсолютом) у С. Франка.

Сущность онтологического доказательства у Франка и К. Барта

Суть онтологического доказательства, по С. Франку, заключается в невозможности мыслить некоторое всеобъемлющее содержание, как только сознаваемое¹¹.

Тем самым, любой переход при помощи понятий к единству бытия и понятия, то есть к абсолютной реальности, называется русским философом онтологическим доказательством. Вполне вероятно, что Франк, схватывая ядро онтологического аргумента Ансельма (абсолютная реальность не может быть только понятием),

⁹ Франк С. Непостижимое. С. 459.

¹⁰ Франк С. Предмет знания. СПб.: Наука, 1995. С. 115.

¹¹ Там же. С. 124.

превращает его в инструмент интерпретации фундаментальных установок европейской философии (от Платона до философии XIX в.), принижая и прямо оспаривая (в работе «Онтологическое доказательство») роль автора “Proslogion” в создании онтологического доказательства. Таким образом, метафизика Франка становится обратной стороной мистического опыта на онтологическом доказательстве. Причем акцент русский философ делает не на очевидности сознания, а на несомненности «сверхвременного единства»: «Первое, что есть, и что, следовательно, непосредственно очевидно, есть не сознание, а само сверхвременное бытие»¹².

В духе своей онтологии Франк, например, навязывает Шлейермахеру спинозизм и отход от основоположения Декарта. В статье о Шлейермахере русский философ отмечает:

...основоположение Декарта: “cogito ergo sum”, заменяется у Шлейермахера иным принципом, который можно было бы отлить в формулу: “sum in infinito, ergo scio et ago”¹³.

О «мнимом спинозизме» Шлейермахера справедливо писала Р.М. Габитова¹⁴. На наш взгляд, достаточно очевидно, что *Sinn* или *Unmittelbarenbewußtsein* у Шлейермахера в качестве формы допонятийного, интуитивного, целостного познания типологически ближе к очевидности *cogito* Декарта, чем к *sum in infinito*, вменяемого Франком немецкому романтику. И уж тем более сложно согласиться с инверсией онтологической тавтологии и онтологического доказательства Декарта, которую осуществляет Франк незадолго перед смертью (по словам его сына Виктора): на место “cogito ergo sum” приходит “cogito ergo est esse absolutum” как его необходимая предпосылка¹⁵.

Для К. Барта онтологическое доказательство обладает религиозной природой, нивелирует в себе метафизическое измерение и когерентно диалектике веры. Швейцарский теолог в своей трактовке онтологического доказательства отталкивается от понимания Бога в качестве события его Слова. Для К. Барта Слово Бога является событием, в котором открывается невозможность несуществования субъекта этого события. Слово Бога, по К. Барту, указывает

¹² Там же. С.115.

¹³ Франк С. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Шлейермахер Ф. Речи о религии. М.; К.: RELF-book: ИСА, 1994. С. 20.

¹⁴ Габитова Р. Философия немецкого романтизма. М.: Наука, 1989. С. 98.

¹⁵ Более подробно см.: [Буббайер 2001, с. 103–104]. Детальный анализ и полную публикацию текста беседы в контексте изучения последних месяцев и дней жизни философа см.: [Аляев, Резвых, с. 245–246].

на уникальность события Бога: «Dasein (бытие-тут) Бога становится масштабом для Dasein вообще» (S. 158).

Как справедливо указывает А.А. Горин, «для Барта само наличие веры зависит от события откровения» [Горин 2010, с. 187]. В онтологическом доказательстве, полагает швейцарский теолог, онтический разум, т. е. разум, который является частью когнитивного разума человеческого концептуального понимания и суждения, после того как объект веры был дан в откровении, соотносится со словом Бога и с самим божественным разумом (*ratio Gottes*) (S. 45). К. Барт пишет:

По сути, ни как онтическое, ни как ноэтическое *ratio* не стоит выше истины, но вне оппозиции онтического и ноэтического сама истина является господином любого *ratio* (S. 47).

В событии познания (*Ereignis des Erkennens*), по К. Барту,

...всегда и во все времена происходит так, что с онтическим также и ноэтическое *ratio* истинно в соответствии и постольку, поскольку *vera ratio* является или не является или является в некоторой степени... (S. 47)

Как и для С. Франка, для К. Барта необходимость реально-го существования предмета веры предшествует необходимости его мысленного представления. К. Барт называет эту необходимость онтической. В отличие от С. Франка, К. Барт фокусирует онтологическое доказательство на имени Бога (*Name Gottes*).

Между именем Бога и другим Откровением его существования и его сущностью существует... строгая взаимосвязь. Только через это Имя может быть представлено доказательство (S. 77).

В другом месте К. Барт настаивает на том, что «по Ансельму, все, что мы знаем о сущности Бога, происходит из веры и в вере» (S. 82). А.А. Горин интересно сопоставляет теологическое осмысленные события Откровения в акте веры у К. Барта с феноменологией Э. Гуссерля. Он пишет:

В целом проект Барта в интеллектуальной истории можно сопоставить с работой Э. Гуссерля, разумеется, с учетом специфики теологии как региональной онтологии. Как для феноменологии важны не факты, а сущности, так и здесь анализу подвергаются не факты, но «акты веры». «Принятие» в вере дано непосредственно, оно имеет аподиктический характер для теологического познания, пронизывает его прогресс на всех этапах, необходимо для любых отношений с Богом, иными словами, богопознания откровения [Горин 2010, с. 188].

Нам кажется, что указание на аналогию веры и ее очевидность вполне уместны. Но этого недостаточно. Таким образом, теология К. Барта выглядит антропоцентрично. Это как бы теология веры. В трактовке К. Барта акцент следует, на наш взгляд, сделать на понимании Откровения как события и события Слова Бога:

Имя Бога должно быть услышано и понято. Оно сообщает не только о невозможности небытия Бога, но о невозможности даже мышления подобного предположения (S. 52).

В доказательстве Ансельма, по К. Барту, бытие Бога выводится из самого себя. Имя Бога, вера в Бога, сам Бог понимаются им в качестве данностей (S. 80). Доказательство становится одновременно целью и средством. Отсутствие «хода» в онтологическом доказательстве, то есть выведение результата из посылок, отличает его классическую форму (Ансельм) от неклассической (Гегель).

Интерпретируя Ансельма, К. Барт полагает,

...что могущество (Machtigkeit, potentia) Бога и его действительность (Wirklichkeit, actus) относятся к его присутствию (existens sive subsistens, er da ist), как внутренний круг к внешнему: одно заключает в себе другое (S. 92).

К. Барт видит также у Ансельма третий, крайний круг. Это реальное бытие Бога (das Sein in Wahrheit), которое заключает в себе его присутствие, свойства и возможность пребывать в мышлении (das Gedachtsein). «Движение» в онтологическом доказательстве осуществляется, по К. Барту, от внутреннего круга к внешнему. Из реального бытия Бога следует его присутствие (es ist da) и возможность его помыслить (S. 93).

Итак, внутреннее сродство в интерпретации онтологического доказательства у С. Франка и К. Барта заключается в констатации невозможности помыслить небытие абсолютной реальности.

Заключение

Следует отметить, что и позиция К. Барта, и позиция С. Франка в онтологическом доказательстве эксплицируют преодоление установки антропоцентризма (либеральной теологии) у К. Барта и субъективизма (новременной философской традиции, начиная от Декарта) у С. Франка. Их общность, тем самым, прослеживается в своеобразных формах теоцентризма – теологического у К. Барта и философско-метафизического у С. Франка.

Но, выделяя одно и то же свойство абсолютной реальности, а именно, невозможность помыслить ее небытие, они в рамках разных дискурсов по-разному это свойство анализируют. С. Франк оперирует целым спектром философских стратегий. А именно, наряду с метафизическим мышлением в его творчестве присутствует методология диалогической философии, персонализма, феноменологии. К. Барт, в свою очередь, в своем антиметафизическом проекте использует такие формы философского дискурса, как диалогизм (событие Откровения, понимаемое в том числе в качестве трансцендирующей речи), экзистенциализм (христология, описываемая в категориях коммуникативной природы человека), неокантианство (через онтологизацию понятий чувственности и рассудка Г. Когена Хенриком Бартом), немецкий идеализм (все аспекты диалектики К. Барта) и другие. По всей видимости, онтологическое доказательство и в трактовке С. Франка, и в интерпретации К. Барта следует отнести к типу «неклассических».

В завершении статьи хотелось бы обратить внимание на невероятную живучесть онтологического доказательства в философии и богословии, несмотря на его критику, а также на его когерентность разным формам философского и теологического дискурса. Именно онтологический аргумент сыграл такую важную роль в творчестве самого выдающегося русского философа. И этот же аргумент послужил отправной точкой одного из крупнейших теологических проектов XX в.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44030 «Мышление бытия и вера Откровения: пути соотношения в немецкоязычной протестантской теологии и русской религиозной философии XX века».

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No. 21-011-44030 "Thinking of Being and Faith of Revelation. Ways of Correlation in German-speaking Protestant Theology and Russian Religious Philosophy in the 20th Century".

Источники

- Barth 1931 – *Barth K. Fides quaerens intellectum*. Zürich: Theologischer Verlag, 1931. 220 s.
- Франк 1972 – *Франк С.Л.* Онтологическое доказательство бытия Бога // Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. Paris: Ymca-Press, 1972. С. 107–151.
- Франк 1990 – *Франк С.Л.* Непостижимое // Франк С.Л. Соч. М.: Правда, 1990. 607 с.
- Франк 1994 – *Франк С.Л.* Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Шлейермахер Ф. Речи о религии / Пер., вступит. ст., коммент. С.Л. Франка. М., К.: RELF-book, ИСА, 1994. 417 с.
- Франк 1995 – *Франк С.* Предмет знания. СПб.: Наука, 1995. 656 с.

Литература

- Аляев 2009 – *Аляев Г.Е.* Декартовское cogito как онтологическое доказательство в системе абсолютного реализма С. Франка // *Духовный континент русской философии: Сб. науч. ст. / Под ред. проф. В.А. Фриауфа*. Саратов: Саратовский источник, 2009. С. 150–159.
- Аляев 2017 – *Аляев Г.Е.* С. Франк. СПб.: Наука, 2017. 255 с.
- Аляев, Резвых 2020 – *Аляев Г.Е., Резвых Т.Н.* Интуиция первоосновы бытия: последние записи С.Л. Франка // *Историко-философский ежегодник*. 2020. Т. 35. С. 245–246.
- Антонов 2020 – *Антонов К.М.* Как возможна религия?: В 2 ч. Ч. 2. М.: ПСТГУ, 2020. 367 с.
- Буббайер 2001 – *Буббайер Ф.* С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа: 1877–1950. М.: РОССПЭН, 2001.
- Габитова 1989 – *Габитова Р.М.* Философия немецкого романтизма. М.: Наука, 1989. 160 с.
- Горин 2010 – *Горин А.А.* Онтологический аргумент у И. Канта и К. Барта. Элементы типологизации // *X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации: Материалы междунар. конф.: В 2 ч. / Под ред. В.Н. Брюшкина*. Ч. 2. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2010. С. 175–189.
- Душин 2014 – *Душин О.Э.* «Онтологический» аргумент в интерпретации С.Л. Франка // *Мысль. Журнал Петербургского философского общества*. Вып. 16. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2014. С. 53–57.
- Оболевич, Цыганков 2017 – *Оболевич Т., Цыганков А.С.* Философия религии С.Л. Франка в свете новых материалов // *Философский журнал*. 2017. Т. 10. № 1. С. 99–115.
- Пылаев 2021 – *Пылаев М.А.* Философские начала немецкоязычной теологии XIX–XX веков. М.: ПСТГУ, 2021. 151 с.

References

- Alyayev, G.E. (2009), “Descartes’ cogito as ontological argument in S. Frank’s system of absolute realism”, Friauf, V.A. (ed.), *Dukhovnyi kontinent russkoi filisofii: Sbornik nauchnykh statei* [Spiritual Continent of Russian Philosophy: Collection of Scientific Articles], Saratovskii istochnik, Saratov, Russia, pp. 150–159.
- Alyayev, G. (2017), S. Frank, Nauka, Saint Petersburg, Russia.

- Alyaeв, G. and Rezyvkh, T. (2020), "The Intuition of the Primordial Being. The Last Records of S.L. Frank", *Istoriko-filosofskii ezhegodnik [Historico-Philosophical Yearbook]*, vol. 35, pp. 245–246.
- Antonov, K. (2020), *Kak vozmozhna religiya? [How is religion possible?]*, part 2, Izdatel'stvo PSTGU, Moscow, Russia.
- Boobbyer, Ph. (2001), *S.L. Frank: Zhizn' i tvorchestvo russkogo filosofa: 1877–1950 [S.L. Frank. The Life and Work of a Russian Philosopher: 1877–1950]*, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Dushin, O.E. (2014), "The ontological' argument as interpreted by S.L. Frank, Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo filiosfского obshchestwa, iss. 16, Izdatel'stvo Sankt Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 53–57.
- Gabitova, R.M. (1989), *Filosofiya nemetskogo romantizma [Philosophy of German romanticism]*, Nauka, Moscow, Russia.
- Gorin, A.A. (2010), "Kant and Barth's ontological argument. Elements of typologization", Bryushinkin, V.N. (ed.), *X Kantovskie chteniya. Klassicheskii razum i vyzovy sovremennoi tsivilizatsii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii [10th Kantian Conference. The Classical Mind and the Challenges of Modern Civilisation. Proceedings of an International Conference]*, in 2 parts, part 2, Izdatel'stvo BFU imeni I. Kanta, Kaliningrad, Russia, pp. 175–189.
- Obolevich, T. and Tsygankov, A. (2017), "S.L. Frank's Philosophy of Religion in the Light of New Materials", *Filosofskii zhurnal*, vol. 10, no. 1, pp. 99–115.
- Pylaev, M. (2021), *Filosofskie nachala nemetskoyazychnoi teologii XIX–XX vekov [Philosophical beginnings of 19th–20th-century German-language theology]*, PSTGU, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Максим А. Пылаев, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, Россия Москва, Новокузнецкая ул., д. 23 Б; maximpylajew@mail.ru.

Ева В. Ильющенко, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; eilyushchenko@hse.ru

Information about the authors

Maksim A. Pylaev, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; bld. 23 B, Novokuznetskaya Street Moscow, Russia, 115184; maximpylajew@mail.ru

Eva V. Ilyushchenko, postgraduate student, National Research University 'Higher School of Economics', Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russia, 105066, eilyushchenko@hse.ru

Концепция антропотехник Петера Слотердайка

Рената С. Окорокова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, renata.okorokova@mail.ru*

Аннотация. В работе представлен анализ концепции антропотехник П. Слотердайка. В ее основе находится новый абсолютный императив «Ты должен изменить свою жизнь», который призывает человека к работе над собой. Однако услышать этот призыв могут не все. Понятие антропотехники объединяет в себе все виды практик и работ человека над его собственной жизненной формой. В качестве опорной методологии Слотердайк использует теорию языковых игр Витгенштейна, трансформация которой образует общую систему практики и аскетизма, а также исследование дискурсивных форм М. Фуко, которое приводит его к неограниченному разнообразию дисциплин. Идею вдохновения Слотердайк находит в древнегреческом слове «этос», которое он понимает как поведение или привычку. Рассматривается двойная природа привычки: человек, являющийся собственностью своих привычек, должен изменить в обратную сторону условия обладания/собственности и взять под контроль то, что обладает им, начав обладать этим самостоятельно. Под отстраненным субъектом Слотердайк понимает того, кто делает первый шаг в практикующей жизни и совершает операцию само-изъятия из комплекса совместных ситуаций, называемого «жизнь» или «мир». Само-изъятие основывается на различии между двумя совершенно разными сферами влияния в существовании: сфера влияния моих собственных сил и сфера влияния всех других сил. Для Слотердайка «бытие в мире» означает заботу лишь о том, что есть твое собственное и ни о чем другом. Также Слотердайк дает характеристику акробатическому экзистенциализму, берущему начало от Ф. Ницше, и раскрывает феномен веры, которая позволяет совершать невозможное. Слотердайк разделяет действия на две формы: само-операция (действия по оптимизации, которые я совершаю сам над собой) и операция-кого-то-надо-мной (во время такого действия я подставляю себя под воздействие операций других людей и позволяю им формировать меня). Авто-оперативным искривлением субъекта Слотердайк называет тот факт, что операции-кого-то-надо-мной отсылают назад к само-операциям. При этом самореализация представляется как отказ от пассивности, который нужно совершать снова и снова.

Ключевые слова: антропотехники, привычка, практика, отстраненный субъект, само-изъятие, авто-оперативное искривление

Для цитирования: Окорокова Р.С. Концепция антропотехник Петера Слотердайка // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 36–51. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-36-51

The conception of anthropotechnics by Peter Sloterdijk

Renata S. Okorokova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
renata.okorokova@mail.ru

Abstract. The paper presents an analysis of the conception of anthropotechnics by P. Sloterdijk. It is based on the new absolute imperative “You must change your life”, which calls on a person to work on himself. However, not everyone can hear that call. So the concept of anthropotechnics combines all types of practices and works of a person on his own life form. As a basic methodology, Sloterdijk uses Wittgenstein’s theory of the language games, the transformation of which forms a general system of practice and asceticism, as well as the study of discursive forms by M. Foucault, which leads him to an unlimited variety of disciplines. Sloterdijk finds his ideological inspiration in the ancient Greek word “ethos”, which he understands as the behavior or habit. The dual nature of the habit is considered: a person who is the property of his habits must reverse the conditions of possession/property and take control of what possesses him by starting to possess it on his own. By a detached subject, Sloterdijk understands the one who takes the first step in practicing life and performs the operation of self-extraction from the complex of joint situations, called “life” or “world”. Self-extraction is based on the distinction between two very different spheres of influence in the existence: the sphere of influence of my own powers and the sphere of influence of all other powers. For Sloterdijk, “being in the world” means to care only for what is one’s own and nothing else. Sloterdijk also characterizes acrobatic existentialism, which originates from F. Nietzsche, and reveals the phenomenon of faith, which allows to achieve the impossible. Sloterdijk divides actions into two forms: self-operation (optimization actions which I perform on myself) and having-oneself-operated-on (during such an action I expose myself to the influence of other people’s operations and allow them to shape me). An auto-operative curvature of the subject is how Sloterdijk calls the fact that having-oneself-operated-on refers back to self-operation. At the same time, self-realization is presented as a rejection of passivity, which must be done over and over again.

Keywords: anthropotechnics, habit, practice, detached subject, self-extraction, auto-operative curvature

For citation: Okorokova, R.S. (2020), “The conception of anthropotechnics by Peter Sloterdijk”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series*, no. 1, pp. 36-51, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-36-51

Введение

Современный немецкий философ Петер Слотердайк, автор множества работ, посвященных историко-философским темам, проблемам эстетики, а также анализу сочинений Ницше, приобрел широкую известность в западной мысли. Однако на постсоветском пространстве его разработки представлены крайне скромно: лишь

несколько его книг были переведены на русский язык и довольно мало число авторов написали о его идеях критические статьи. В 2001 г. Александром Перцевым была переведена «Критика цинического разума», а с 2005 по 2010 г. вышли переводы Кирилла Лощевского трехтомника «Сферы». Среди критических работ, посвященных философии Слотердайка, можно отметить статьи Д. Сивкова, К. Петрова, М. Култаевой, И. Смирнова, Н. Плотникова.

Философию П. Слотердайка можно охарактеризовать как пост-метафизическую благодаря ее попыткам дерационализации человека и вниманию к телесности. В своем трехтомном произведении «Сферы» (1998–2004) Слотердайк предлагает собственную оригинальную символическую концепцию сферического психосоциального мироустройства. Согласно этой теории, микросферы являются простыми диадическими межличностными отношениями (пузырями): «...экзистирование – это пребывание в паре со Вторым, благодаря близости которого микросфера сохраняет свое напряжение» [Слотердайк 2005, с. 493]. Под микросферой понимается изначальная диада (мать – ребенок). Она является шаблоном, во взаимосвязи с которым проанализированы и макросферы (глобусы), и множественные образования сфер (пена). Микросферы не подлежат рефлексии для тех, кто их населяет. Макросферы же наоборот – становятся результатом представления субъекта и образуются в результате болезненного разрывания диадических отношений – смерти Другого, который много значил для субъекта. Чтобы справиться со стрессом после потери, субъект с помощью представления начинает придавать космосу свойства диадического Другого. Так возникают макросферы. Таким же образом из-за подобного стрессового фактора начинают создаваться и общества, и целые культуры. «Микросферы вырастают в макросферы по мере того, как им удается включать в свою собственную окружность давящие на них внешние силы» [Слотердайк 2007, с. 161].

Метафизика, как и религия, и мистические учения, возникает, по мнению Слотердайка, как способ вернуть потерянную связь с целостностью. Она представляет собой намерение разработать некую всеобъемлющую сферу, которая несет в себе компенсацию за травму, полученную от разрыва человека с изначальной диадой: мать – ребенок. После отрыва от этой диады Другой обретается человеком в образе Бога или одухотворенной вселенной. Поэтому метафизика предстает в данном контексте как психологический иммунитет. Однако бесконечность метафизических понятий не позволяет сконцентрировать внимание на индивидуальной жизни, тем самым отрицая ее и игнорируя интересы частных иммунных систем. По мнению К.А. Петрова,

...этот тезис П. Слотердайка говорит, что образ всеобъемлющей сферы, предполагаемый метафизикой, не соответствовал частным интересам элементов, входящих в ее структуру [Петров 2015, с. 49].

Свою трактовку метафизики Слотердайк соотносит с хайдеггеровским проектом преодоления метафизики. Попытка Хайдеггера преодолеть метафизику заключалась в открытии близости Бытия, что приводит к *Dasein* – здесь-бытие становится бытием-в-мире. Согласно Слотердайку, бытие-в-мире Хайдеггера означает не что другое как «быть внутри», а сам мир представляет сферу или же шар, состоящий из заботы. Тогда человеческое существование должно рассматриваться как нахождение в доверительном взаимодействии с миром. Философию сфер Слотердайка можно считать продолжением анализа «бытия-в» Хайдеггера. Для него человек – это также присутствие, а значит – бытие-в-мире. Модусами бытия-в являются сферы:

При этом у Слотердайка бытие-в всегда есть бытие-с-другим; идеи Хайдеггера получают в сферологии социальное измерение [Сивков 2011, с. 147].

Если макросферы, глобусы отличаются своей целостностью, то понятие пены относится Слотердайком к плюральной сферологии и характеризуется как нечто множественное, неуловимое и нестабильное. Пена – подвижная и децентрированная социальность. Она образуется после крушения метафизических конструкций, которые оказываются неспособными защитить человека, выполнить функцию всеобщего иммунитета. Метафизическая иммунная система рушится тогда, когда человек осознает свою зависимость от окружающей среды. Начинаются попытки создания искусственных иммунных систем, к примеру, космических станций. Это стремление выражается в увлечении техникой.

Находясь в пене, каждая отдельная микросфера вынуждена заботиться о себе самостоятельно с целью выжить в агрессивном окружении и не соединиться с большинством одинаковых неотличимых друг от друга пузырей. Способом такого выживания Слотердайк считает существование современного субъекта в вынужденной изоляции, сопровождаемое сопротивлением и выделением из среды:

...пена образует парадоксальный интерьер, в котором большая часть окружающих меня пузырей одновременно и соседствует с моим местоположением, и не достижима, и связана со мной, и удалена от меня [Слотердайк 2010, с. 52].

Помимо «сфер», еще одним центральным понятием в философии Слотердайка является «цинизм», описанный в работе «Критика цинического разума» (1983 г.). В ней автор негативно рассматривает цинический способ мышления, который представляется ему необходимой составляющей тоталитарных культур. Он помогает отгородиться субъекту от идеологических принуждений, предоставляя ему веру в то, что он абсолютно не виновен в событиях вокруг. Цинизм становится чем-то вроде алиби отстраненного субъекта. Это способ психики индивида установить дистанцию между собой и правящим мировосприятием, сохраняя тем самым свое психическое здоровье и позволяя не отождествлять себя с господствующей идеологией, но все же параллельно жить в рамках ее законов. Слотердаик пишет:

Специфический дух современного цинизма имеет более глубокую и принципиальную основу: его природа кроется в самой конституции больного Просвещением сознания, которое, набравшись исторического опыта, отвергает всякого рода дешевый оптимизм. Новые ценности? Нет, спасибо. На смену надеждам, упорно сохранявшимся, несмотря ни на что, приходит приземленный эгоизм [Слотердаик 2009, с. 35].

То, что объединяет циника и киника является, пожалуй, их общая попытка отыскать в сфере принуждения со стороны идеологии свободную для движения область. Свободное движение для киника является необходимым в процессе познания себя. Для циника же это скорее метод утвердить свое превосходство, осуществить свою волю к власти. Ведь воля к власти, так или иначе, является одной из главных составляющих психики человека, которая определяет его поведение. Самоустранение субъекта позволяет ему обрести свое настоящее «Я». Рассматривая пример со смертью Сократа в качестве освобождения мышления от ошибок, вызванных телесностью, Слотердаик преподносит смерть в виде начала истинного мышления. Отсюда можно сделать вывод, что настоящим субъектом философии можно считать только того, кто пережил смерть своего изначального «Я», своей телесности и своего окружения. Заимствуя понятие «эпохе» от Гуссерля («в качестве необходимой операции, через посредство которой становится доступным для нас «чистое» сознание»¹, Слотердаик понимает его практически схожим образом – как состояние невовлеченности субъекта во внешние события и обращенности внутрь себя. К такому состоя-

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. С. 104.

нию может привести конкретная аскеза – карнавальная смерть. Такое самоотношение представляет собой не столько теорию, сколько определенную практику, которую необходимо анализировать в контексте «заботы о себе» Мишеля Фуко. Он рассматривает философию как попытку определить условия, при которых человеку может быть раскрыта истина. Таким образом, философия напрямую способствует формированию субъекта путем всевозможных практик. Субъект формируется посредством таких формул как «заботиться о себе», «заниматься самим собой», «находить счастье только в самом себе», «уходить в себя». Только такие практики открывают человеку истину.

Согласно Слотердайку, именно в образе киника становится возможным преодоление банальной оппозиции теории и практики, замысла и воплощения. В этом вопросе подчеркивается необходимость аскетических практик и сценического воспроизведения смерти. Такое разыгрывание смерти порождает децентрацию субъекта, разумное основание которого теперь заменяется телесностью.

Тело – это чувствующий орган, воспринимающий мир и общающийся с ним. Тело – это ядро, вокруг которого образуются сферы [Макаров 2016, с. 22].

Самоочевидность человека для него самого понимается через его тело. По мнению Слотердайка, необходимо избавиться от образа человека как того, кто руководствуется исключительно своим разумом. Пришло время уделить должное внимание телу, которое является органом, который ощущает мир. Взаимодействие разума и тела – вот тема, которой должна посвятить себя философия, в представлении Слотердайка.

Размышления о телесности и о технологиях, все более проникающих в нашу жизнь, и об отстраненности, которую пытается обрести субъект в надежде на свободу, – все это подталкивает Слотердайка к написанию отдельной книги, посвященной технологиям и техникам, исходящим от человека и направленным на человека – антропотехникам. В книге «Ты должен изменить свою жизнь» (2009 г.) Слотердаик указывает на то, что антропотехника возникает в осевое время выполнения упражнений. Как только осознается одержимость программами, которые протекают сами по себе – аффектами, привычками, представлениями, наступает время для употребления средств, направленных против такой одержимости. Принципы последних – это переход на другую сторону повторения. Ведь повторение само по себе является способом своего преодоления. М. Култаева пишет: «Сила повторения, которая накапливается в процессе выполнения

упражнений, базируется на его двойной природе» [Култаева 2014, с. 65]. Оно может быть и повторительным повторением, и повторяющим повторением, что на деле означает лишь различие между пассивным и активным модусом субъекта.

В своих философско-антропологических размышлениях Слотердайк приходит к созданию нового императива. «Ты должен изменить свою жизнь» – это абсолютный императив, выражаемый в форме призыва, команды. Как правило, он исходит от вещей, которые являются предметами искусства и трансформируются из бытия в сообщение. Этот призыв обращен к каждому лично, однако услышать его могут не все. Он заставляет нас различать высшие и низшие уровни внутри собственной жизни: я уже живу, но что-то подсказывает мне с неоспоримым авторитетом: «Ты живешь недолжным образом».

В понятии антропотехники Слотердайк объединяет «физио- и психотехники, диетологические и физические тренировки, все виды практик и работ человека над его собственной жизненной формой» [Sloterdijk 2013, с. 34]. Под аскетологией Слотердайк понимает общую теорию практик, учение о привычках, начальную дисциплину об антропотехниках. Главное открытие такой антропологии – это установка программы: появление общей тренированной сознательности в результате обучения. Тренировка включает в себя ученика, тренировочную программу и тренера.

Материальная антропология может быть развита в форме общей антропотехнологии. В таком случае люди представляются как существа, которые живут в огороженном месте среди дисциплин, принудительных и добровольных. Объектом общей аскетологии является скрытое и явное практическое поведение людей, которое формирует ядро всех исторически очевидных вариаций антропотехник. Доказывая необходимость расширения практической зоны, Слотердайк исходит из того факта, что люди могут оказывать влияние на себя, работать над собой и делать пример из самих себя. Он пишет:

Быть человеком – означает существовать в оперативно искривленном пространстве, в котором действия возвращаются, чтобы воздействовать на деятеля, работа – на рабочего, коммуникация – на коммуникатора, мысли – на мыслителя, чувства – на чувствующего [Sloterdijk 2013, с. 110].

Слотердайк намеревается доказать, что все эти формы реакций имеют аскетический, а значит, практический характер, и что также они принадлежат к непровозглашенному и незамеченному аскетизму или скрытым тренировочным рутинам.

Опорная методология

В качестве опорной методологии Слотердайк рассматривает трансформацию теории языковых игр Л. Витгенштейна в универсальную теорию практики и аскетизма, а также развитие анализа М. Фуко дискурсивных форм в неограниченные дисциплины. Аскетизм понимается как состояние пробуждения, которое приравнивается к состоянию мышления. Пробужденное мышление – это чистая дисциплина, которая требует постоянных тренировок.

Слотердайк считает Витгенштейна одним из тех, для кого простота – намного сложнее, чем невозможность. Языковые игры в действительности утверждают аскетизм, или скорее микро-аскетические модули: вербально артикулированные практические упражнения, исполнение которых обычно достигается путем имитации.

Языковые игры – это формы языка, при помощи которых ребенок начинает осваивать употребление определенных слов. Исследование языковых игр есть не что иное, как исследование примитивных форм языка².

Теория языковых игр является в действительности тренировочной теорией, базирующейся на различии между провозглашенным и непровозглашенным аскетизмом. Для практикующего человека принципиально необходимо осознавать, что действия, которые он совершает, являются именно упражнениями, которые ведут к определенному результату. Каждое осознанное упражнение – это шаг на пути к выбранной цели. Теория языковых игр – это работающая форма трансформирующего аскетизма. Его цель – среди беспорядка жизненных форм, предписанных ситуативным принуждением найти те, которые могут быть перемещены под монашеское правило. Все, что нужно – показать практикующему человеку, что главное – выполнять упражнение, а не рассуждать о нем.

Фуко пытался показать, что все дисциплины – это не что иное, как комплексно структурированные языковые игры, также известные как дискурсы или дискурсивные практики. «Язык целиком и полностью есть дискурсия благодаря этой своеобразной способности одного слова, направляющего систему знаков к бытию того, что является означаемым»³. Слотердайк также обращает внимание на

² *Витгенштейн Л.* Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 358.

³ *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994. С. 128.

исследование Фуко жизненных техник античности по самосозданию, о чем говорят такие понятия, как забота о себе, культура себя и борьба с собой:

...христианская аскеза разворачивается под тем же знаком заботы о себе, что и греческая философия. Обязанность познавать себя – один из элементов ее базовой системы интересов... забота о себе конструировалась не только как принцип, но и как постоянная практика⁴.

Открытие, которое совершил Фуко, может быть выражено следующим образом: человеческая свобода и самоопределение не подавляются дисциплинами, режимами и силовыми играми, а только получают возможность реализации благодаря им. Общие дисциплины Фуко представляют собой энциклопедию игр способностей. Субъектом является тот, кто активен как носитель последовательности упражнений. Общие дисциплины – это спектр систем способностей, созданных знанием и практическими действиями.

Идейное вдохновение

Идейное вдохновение, помимо прочего, Слотердаjk находит в древнегреческом слове “ethos”. Выражение Гераклита “ethos anthropos daimon” было переведено как «характер человека – его судьба». Хайдеггер переводит его как «человеческая особенность – его демон»⁵. Слотердаjk понимает этос как поведение или привычку, однако замечает, что в комбинации со словом “daimon” оно находится в положении напряжения, направленного вверх. Отсюда любой комплекс человеческих поведений содержит в себе определенное напряжение между высотой и глубиной. Плохой этос (поведение/привычки) тянет человека неправильно демонически вниз. В то время как хороший этос поднимает его вверх, где демоническое понимается в смысле доброго духа и приближает человека к сфере божественного. До тех пор, пока человек остается в рамках своего среднего этоса, он не имеет ничего, что связывало бы его с высшей сферой.

В этом контексте вспоминается Хуго Балл, один из основателей дадаизма и театральный режиссер, который в 1916 г. собрал маргинальные цирковые фигуры и заявил, что эти люди – более на-

⁴ Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 102.

⁵ Хайдеггер М. Гераклит / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. С. 425.

стоящие люди, нежели обычные граждане, которые стараются при-держиваться середины. Люди водевиля знают больше о настоящей жизни, потому что они познали ее края, они упавшие и избитые. Эти притесненные люди являются, возможно, единственными, кто существует на самом деле. Благодаря им цирк становится невидимой церковью. В мире путешественников, замешанных в коллективном самообмане, цирковые артисты – единственные, кто не является мошенниками, ведь тот, кто идет по натянутому канату, не может притворяться ни на секунду. Позже подобные мысли, только лишь связанные со священным акробатизмом, Хуго Балл изложит в книге «Византийское христианство: три жизни святых», посвященную Иоанну Лествичнику, Дионисию Ареопагиту и Симеону Столпнику. Хуго Балл пишет: «Восхождение по духовной лестнице ясно показывает ближайшую цель, какой является достижение совершенства»⁶.

Согласно Слотердайку императив «Отдай предпочтение самоограничению!» требует, чтобы люди различали верхний и нижний уровень внутри самих себя, требует от человека быть превосходящим самого себя. Так императив «Ты должен изменить свою жизнь!» приобретает свою силу в досократическом глаголе “sophronein”, что означает – ограничивать себя, быть скромным. Также Слотердайк упоминает понятие «пайдейя», которое для греков было объединением понимания и тренировок, результатом интеллектуального обучения и физических упражнений. Считалось, что человек находится между двумя формами одержимости. Слева он одержим привычками и инерциями, что приводит к неодушевленности и механизации. Справа он одержим страстями и идеями, что приводит к сверходушевлению и маниакальной перегруженности. Одержимость может также пониматься как обладание: некий механизм получает контроль над человеком. Такое обладание может быть выражено в программах дисциплины. То есть привычка выступает здесь как второй вид одержимости/обладания (первый – страсть). Именно этот второй вид обладания, то есть привычка ведет к концепту самообразования, которое включает в себя осторожный само-экзорцизм: человек, являющийся собственностью своих привычек, должен изменить в обратную сторону условия обладания/собственности и взять под контроль то, что обладает им, начав обладать этим самостоятельно. Другими словами, привычки, которые обладают нами, нужно изменить так, чтобы мы сами обладали ими. Имеется в виду, что плохие привычки должны быть заменены хорошими. Привычка преодолевает привычку.

⁶ Балл Х. Византийское христианство / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 79.

Отстраненный субъект

В настоящее время изменить свою жизнь значит посредством внутренней активации сформировать себя в качестве субъекта выполнения упражнений, который должен преодолеть свою пристрастную и привычную жизнь, а также свою жизнь среди собственных представлений. Таким образом, субъектом становится тот, кто принимает участие в процессе активизации самого себя и переходит от простого оформленного бытия на сторону формирующего бытия. Первый шаг в практикующей жизни – это отделение себя от ординарности, что также сопровождается отказом от прошлого с помощью усилия. Отказ от прошлого нередко происходит с «отвращением, сожалением и полным разрывом со своим ранним образом существования» [Sloterdijk 2013, с. 217]. Необходимо оставить позади свою старую физическую и ментальную форму. Нужно отъединиться от своего раннего существования, выработав чувство безразличия вместе с легким отвращением к ежедневным удовольствиям и заботам. Необходим фундаментальный отказ от того, чтобы быть удивленным чем-либо, то есть хладнокровие. Здесь также пригодится антропотехническая хитрость стойков: намеренное приравнивание удивлений и ранений приводит к выработке иммунитета против первых (удивлений) и одновременно помогает достичь необходимого уровня противостояния вторым (ранениям).

Вышеуказанное отстранение или само-изъятие базируется на различии между двумя радикально различными сферами влияния в существовании: сфера влияния моих собственных сил и сфера влияния всех других сил. Необходимо говорить о субъекте как о носителе последовательности упражнений. Базовое упражнение, формирующее субъекта, – это изъятие самого себя из комплекса совместных ситуаций, который называется «жизнь» или «мир». Теперь «бытие в мире» означает «заботиться лишь о том, что есть твое собственное и ни о чем другом, против всякого растрачивания на не свое собственное» [Sloterdijk 2013, с. 225]. Отделяя свои силы и компетенции от всех других сил и компетенций, я открываю узко определенную сферу влияния, в которой мои способности, мое хотение, моя миссия сформировать мое собственное существование восходят к автономному правилу.

Антропотехническая работа над собой начинается с эвакуации внутреннего мира посредством устранения не-своего-собственного. Местная управленческая реорганизация заключается в том, чтобы повернуться к тому, что от меня зависит, и отвернуться от всего остального. Итак, теперь мир разделен на два региона. Следует формировать свое отступление в спасательную концентрацию на

том, что сейчас считается существенным. Центральная черта этой техники состоит в самоудвоении созерцателя. Однако это не стоит путать с раздвоением личности, когда человек делит себя на две идентичные части. Самоудвоение заключается в образовании асимметрии: внутренний человек и его превосходящий партнер, сравнимый с гением или ангелом, который всегда поддерживает, дает чувство хорошей компании. Такого внутреннего партнера Слотердаjk называет Великим Другим, от которого человек узнает «кем ему предназначено стать, который его ежедневно обследует и сообщает ему, в каком состоянии он находится в данный момент» [Sloterdijk 2013, с. 233].

Акробатизм и феномен веры

Необходимо показать, как акробатизм стал возрастающим далеко идущим аспектом современной реакции на человеческое состояние. Это началось тогда, когда по следам Ницше люди открыли человека в животном, которое обречено выполнять трюки. Перемещение в сторону акробатизма – это то, что Слотердаjk подразумевает под деспиритуализацией аскетизма. Адаптируя формулировку Ницше об аскетологических сумерках, можно прийти к выводу, что желаемый упадок репрессивных аскетических идеалов ни в коем случае не способствует исчезновению позитивной практикующей жизни. Кто ищет человека, найдет аскета, кто исследует аскета, откроет акробата.

Этот вопрос, по мнению Слотердайка, был продуман Ницше в шестом отрывке предисловия к «Так говорил Заратустра». Акробат, сорвавшись с натянутого каната, погибает и говорит, что он «немного больше животного, которого ударами и впроголодь научили плясать»⁷. Это утверждение представляет собой первое признание акробатического экзистенциализма. Оно неразрывно связано с последующим ответом Заратустры, который говорит акробату, что это не совсем так, ведь акробат из опасности сделал себе ремесло, а за это нельзя презирать. Теперь он погибнет от своего ремесла, и за это Заратустра хочет похоронить его своими руками. Существование в таком случае является акробатическим достижением, и никто не может сказать с определенностью, какая именно тренировка обеспечит необходимые навыки, чтобы достичь мастерства в этой дисциплине. Следовательно, акробат больше не знает, какие

⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и для никого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 2-е изд. М.: Академический проект, 2015. С. 27.

упражнения удержат его от падения – кроме как постоянной бдительности. Бесконечное множество людей были тренированы как акробаты, практикуя в воздухе пересечение бездны чувственного мира с шестом для баланса под названием аскетизм. Важная ментальная установка заключается во внутренних операциях, которые представляют невозможное как достижимое. Таким образом, граница между невозможным и возможным исчезает. Отсюда следует более неординарный вывод Слотердайка: невозможность чего-либо доказывает его возможность.

Следует упомянуть еще один важный аспект – волевая приостановка неверия – название внутренней операции, во время которой верующий «разрывает систему эмпирического правдоподобия и входит в сферу актуально существующих невозможностей» [Sloterdijk 2013, с. 68]. Тот, кто тренирует такое упражнение, достигает подвижности обращения с невероятным, что является типичным для акробатов. Более того, субъект имеет способность быть движимым воображаемой целью с любого расстояния. Цель напоминает магнит, который притягивает к себе те объекты, которые находятся в его радиусе действия. Цель уже заложена в субъекте, который к ней движется. Эта внутренняя сила потенциально имеет в себе цель и конечный результат. То, что в раннем христианстве имелось в виду под верой, было не что другое как способность забегать вперед и держаться за модель или идею, достижимость которой была до сих пор неопределенной. Вера предупредительна, в том смысле, что она уже производит эффект, когда мобилизует существование предвидящего по направлению к его цели.

Авто-оперативное искривление

Слотердайк разделяет действия на две формы. Первая – само-операция: действия по оптимизации, которые я совершаю сам над собой. В этом случае я формируюсь как объект через прямое самоизменение путем моих собственных мер. Вторая – операция-кого-то-надо-мною: во время такого действия я подставляю себя под воздействие операций других людей и позволяю им формировать меня. Две такие операции вместе относятся к формам антропотехнического поведения. Взаимодействие само-операций и операций-кого-то-надо-мною касаются всей само-заботы субъекта. Слотердайк называет отсылку операций-кого-то-надо-мною назад к само-операциям авто-оперативным искривлением современного субъекта. Это авто-оперативное искривление базируется на очевидном факте: тот, кто позволяет другим делать что-то напрямую

по отношению к себе, косвенно делает это по отношению к самому себе. Если самореализация представлена как отказ от пассивности, который нужно совершать снова и снова, то «призрачный свет постоянной революции охватывает самоотношение индивидуума» [Sloterdijk 2013, с. 375]. В противном случае операции-кого-то-над-мною позволяют мне добровольно стать объектом для других.

Слотердайк считает, что человеку необходимо различать полезные и вредные повторения. Такое различие он называет этическим разграничением. В настоящее время человек особенно контролируется автоматизмами, которые заключены в рутине и инерциях. Последние находятся в зависимости от клише и общественных стереотипов, из-за которых человек становится несвободным.

Пустые фразы, проникающие в тело, формируют характер. Они превращают людей в живые карикатуры посредственности и воплощенные банальности [Sloterdijk 2013, с. 405].

Этическое разграничение начинается с уничтожения пустых фраз, что неизбежно ведет к отрицанию характеров. В таком случае получается человек, который убил внутри себя марионетку. Такая трансформация происходит посредством ментальной деавтоматизации и ментального обеззараживания. Отсюда происходят практики молчания во многих духовных школах.

Заключение

Абсолютный императив «Ты должен изменить свою жизнь!» выражает девиз, который упорядочивает бесчисленное количество частиц информации в краткую моральную форму. Он обращается к нам в форме команды, которая заставляет стремиться к невозможному, так как только таким образом возможно продвижение вперед.

Понимая понятие антропотехники в широком смысле, Слотердайк все же отдает предпочтение той его стороне, которая позволяет высвободить человека из-под власти всевозможных зависимостей, помогает ему перейти от статуса объекта в статус субъекта, покинуть пассивный модус и начать жить в модусе активном. Хорошие антропотехники, приравниваемые к хорошим привычкам – это такие ежедневные действия и упражнения человека, которые приближают его к лучшей версии себя, продвигая все ближе к поставленной цели. Цель субъект задает самостоятельно, более того, она уже заложена в нем. Как ее распознать, Слотердайк не говорит. Очевидно, что подразумевается метод интуиции: что-то внутри меня подсказывает мне, что мне нужно действовать в этом направлении.

Источники

- Балл Х.* Византийское христианство / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2008. 380 с.
- Витгенштейн Л.* Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и для никого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 2-е изд. М.: Академический проект, 2015. 319 с.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.
- Фуко М.* Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96–122.
- Хайдеггер М.* Гераклит / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. 503 с.

Литература

- Култаева 2014 – *Култаева М.Д.* Антропотехнічний поворот та його соціально-філософські та філософсько-освітні імплікації у теоретичних розвідках П. Слотердайка // Філософія освіти. 2014. № 1 (14). С. 54–75.
- Макаров 2016 – *Макаров А.И., Торопова А.А.* Отчужденные тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме // Logos et Praxis. 2016. № 4 (34). С. 16–26.
- Петров 2015 – *Петров К.А.* Постметафизическая философия Петера Слотердайка. М.: РУСАЙНС, 2015. 123 с.
- Сивков 2011 – *Сивков Д.Ю.* Сферическая антропология П. Слотердайка: Рец. на трилогию «Сферы» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2011. № 1 (9). С. 145–154.
- Слотердайк 2009 – *Слотердайк П.* Критика цинического разума / Пер. с нем. А. Перцева; 2-е изд., испр. М.: АСТ, 2009. 800 с.
- Слотердайк 2005 – *Слотердайк П.* Сферы: микросферология. Том I. Пузыри. СПб.: Наука, 2005. 652 с.
- Слотердайк 2007 – *Слотердайк П.* Сферы: макросферология. Том II. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1024 с.
- Слотердайк 2010 – *Слотердайк П.* Сферы: плюральная сферология. Том III. Пена. СПб.: Наука, 2010. 924 с.
- Sloterdijk 2013 – *Sloterdijk P.* You must change your life: On Anthropotechnics / Tr. by W. Hoban. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. 503 p.

References

- Kultaeva, M.D. (2014), “Anthropotechnical Turn and its Socio-philosophical and Philosophical-educational Implications in the Theoretical Explorations of P. Sloterdijk”, *Philosophy of Education*, no. 1 (14), pp. 54–75.
- Makarov, A.I. and Toropova, A.A. (2016), “Alienated Bodies. Postmodern Interpretation of the Concept of Corporeality”, *Logos et Praxis*, no. 4 (34), pp. 16–26.

- Petrov, K.A. (2015), *Postmetafizicheskaya filosofiya Petera Sloterdaika* [Postmetaphysical Philosophy of Peter Sloterdijk], RUSAINS, Moscow, Russia.
- Sivkov, D.Yu. (2011), "Spherical Anthropology of P. Sloterdijk. Review of the trilogy 'Spheres'", *The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy*, no. 1 (9), pp. 145–154.
- Sloterdijk, P. (2009), *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason], AST, Moscow, Russia.
- Sloterdijk, P. (2007), *Sfery: makrosferologiya. Tom II. Globusy* [Spheres. Macrospherology. Vol. II. Globes], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Sloterdijk, P. (2005), *Sfery: mikrosferologiya. Tom I. Puzyri* [Spheres. Microspherology. Vol. I. Bubbles], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Sloterdijk, P. (2010), *Sfery: plyural'naya sferologiya. Tom III. Pena* [Spheres. Plural spherology. Vol. III. Foams], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Sloterdijk, P. (2013), *You must change your life. On Anthropotechnics*, Polity Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Рената С. Окорокова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 12504, Россия, Москва, Миусская пл., 6; renata.okorokova@mail.ru

Information about the author

Renata S. Okorokova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; renata.okorokova@mail.ru

Трансформация глубинных оснований времени, пространства, знания в концепции «революционного богатства» Э. Тоффлера

Алла П. Дубинина

*Белорусско-Российский университет
Могилев, Республика Беларусь, alladubinina@inbox.ru*

Аннотация. В работе акцентируется внимание на трансформации глубинных оснований времени, пространства, знания в футурологической концепции «революционного богатства» Э. Тоффлера. Концепция сверхиндустриальной цивилизации Э. Тоффлера не только не теряет своей актуальности, но и оказывается одной из наиболее оправдавших себя теорий в отношении будущего развития культуры и общества. Богатство в настоящий момент развития становится все более и более революционным, поскольку революция происходит в умах людей. Пространство как одна из важнейших составляющих в триаде революционного богатства имеет уже стойкую тенденцию к расширению, этому способствуют мировые экономические процессы и глобализация, цифровизация и компьютеризация экономики. Знание в концепции «революционного богатства» является одним из трех глубинных оснований революционного богатства – самое быстро меняющееся основание экономического и социального окружения. В настоящее время, полагает Э. Тоффлер, радикально изменились способы создания и хранения знания, также радикально изменилась скорость распространения знания, способы проверки знания, языки выражения знания, степень специализации и абстрактности знания, объем и средства распространения. В результате изменения с невиданной скоростью параметров знания, открываются бесчисленные способы создания богатства – в этом роль и значение знания в фундаментальной триаде революционного богатства.

Ключевые слова: время, пространство, знание, революционное богатство, глобальные изменения, трансформация знания, сверхиндустриальная цивилизация

Для цитирования: Дубинина А.П. Трансформация глубинных оснований времени, пространства, знания в концепции «революционного богатства» Э. Тоффлера // Вестник РГГУ, серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 52–65. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-52-65

© Дубинина А.П., 2022

Transformation in the deep foundations of time, space, knowledge in the concept of E. Toffler's "Revolutionary wealth"

Alla P. Dubinina

Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus, alladubinina@inbox.ru

Abstract. The work focuses on the transformation of the deep foundations of the time, space, knowledge in the futurological concept of E. Toffler's "revolutionary wealth". The concept of E. Toffler's super-industrial civilization not only does not lose its relevance, but also turns out to be one of the most justified theories regarding the future development of culture and society. Wealth at the moment of development is becoming more and more revolutionary, since the revolution takes place in the minds of people. Space, as one of the most important components of the triad of revolutionary wealth, already has a persistent tendency to expand, which is facilitated by world economic processes and globalization, as well as the digitalization and computerization of the economy. Knowledge in the concept of "revolutionary wealth" is one of the three deep foundations of revolutionary wealth – the most rapidly changing foundation of the economic and social environment. The ways for creating and storing knowledge have radically changed, the speed of the knowledge dissemination, the methods of its testing, languages of the knowledge expression, the degree of specialization and abstraction of knowledge, the volume and means of dissemination have also radically changed. As a result in changing the parameters of knowledge with unprecedented speed, new countless ways of creating wealth are discovered – and that is a great role and importance of knowledge in the fundamental triad of revolutionary wealth.

Keywords: time, space, knowledge, revolutionary wealth, global change, transformation of knowledge, super-industrial civilization

For citation: Dubinina, A.P (2022), "Transformation in the deep foundations of time, space, knowledge in the concept of E. Toffler's 'Revolutionary wealth'", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 52-65, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-52-65

Введение

В современный момент исторического развития концепция сверхиндустриальной цивилизации Э. Тоффлера не только не теряет своей актуальности, но и оказывается одной из наиболее оправдавших себя в отношении будущего развития общества. Прогнозы, сделанные Э. Тоффлером совместно с его женой Х. Тоффлер в книге «Революционное богатство: как оно будет создано и как оно

изменит нашу жизнь (2006)», воплотились в социальной, культурной, экономической ситуации первых двух десятилетий XXI в.

Концепты «Время», «Пространство», «Знание» составляют фундаментальную триаду революционного богатства в исследовании американского философа, футуролога. Еще в работе «Доклад об экоспазме» он приходит к выводу о неспособности государственного капитализма справиться с экономическими противоречиями, возникающими в результате научно-технической революции, тогда возникают глубокие социальные конфликты, принимающие форму «глобальных конвульсий»¹. Для обозначения «глобальных конвульсий» Э. Тоффлер использует термин «экоспазм». В работе «Третья волна» в центре внимания исследователя лежит описание будущего, связанного с экономикой, основой которой являются электроника и ЭВМ, космическое производство, использование глубин океана и всевозможные биоиндустрии.

Исследования постиндустриальной цивилизации в философско-культурологической традиции

Истоки теории индустриального общества обнаруживаются в философии европейского Просвещения, в трудах А. Сен-Симона, Дж. С. Милля, О. Конта. Появлением понятия «постиндустриальное общество» мы обязаны американскому социологу и юристу Д. Рисмену, который в далеком 1958 г. так назвал одну из своих статей. Начиная с 60-х гг. XX в. термин «постиндустриальное», а затем «информационное» общество получает применение как глобальная эпистемологическая и методологическая парадигма» [Кара-Мурза, Сулакшин, Якунин 2017, с. 236]. Понятие «постиндустриализм» и концепцию постиндустриализма выдвинул французский экономист и социолог Ж. Фурастье в своей книге «Великая надежда XX века», тем самым поставив вопрос о новом этапе развития общества, связанном с изменениями в основаниях европейского капитализма. Во второй половине XX в. исследованием культуры постиндустриального общества занимался канадский философ и культуролог Г.М. Маклюэн, он вводит в гуманитарно-философский оборот понятие «Электронное общество» (1962), изучает культуру и общество по отношению к месту и роли в них электронных компьютерных средств коммуникации и передачи информации. З. Бжезинский в работе «Между двух веков. Роль Америки в техноторонную эру» (1971)» дает сущностные характе-

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. С. 211.

ристики информационного общества, в котором ведущее место занимает обработка и распространение знаний с помощью компьютерных технологий. В это же время Э. Тоффлер описывает фундаментальные сдвиги в обществе в своей работе «Шок будущего». Сейчас мы наблюдаем в реальности то состояние, о котором говорил еще в Э. Тоффлер в 1973 г. В рамках постмодернистской традиции проблемам взаимоотношения в постиндустриальном обществе между человеком и машиной посвящено исследование Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения». Авторы разрабатывают теорию анализа общества эпохи заката капитализма и вступления в цифровую эпоху: «эта теория покроеет все, которая, наконец, объяснит и всех успокоит, эта теория так нам всем нужна для нашей эпохи фрагментации и специализации»². Философы радикально негативно настроены против машинного разума и машинного мышления: «жалкие инженеры желания и семиологи, регистрирующие каждый символ и каждый симптом, – они хотели бы свести множественную организацию к бинарному закону структуры и нехватки»³. Исследования постиндустриального общества продолжает С. Хантингтон в своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций»: «1990-е годы увидели вспышку глобального кризиса. Наиболее остро вопрос стоит в расколотых государствах, в которых проживают значительные группы людей из различных цивилизаций»⁴. Он предопределяет глобальный кризис, связанный с перераспределением богатства на планете и изменением ролей государств и правительств, повсеместными конфликтами на различных уровнях.

Множественные теории, описывающие экономические и социокультурные изменения в эпоху постиндустриализма, носят характер феноменологических исследований, они не объединены системной связью, ибо за основу берутся различные, порой противоречащие друг другу феномены в описаниях данного типа общества. Несомненно, многие теории имеют в основании своем перспективы для дальнейших исследований эпохи постиндустриализма, в том числе такой его стадии как «поздний капитализм».

Э. Тоффлер, продолжая традиции исследований общества этапа позднего капитализма, обращает нас в общество «революционного богатства», связанного с появлением субъекта нового типа – человека, основными характеристиками которого являются креатив-

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У. Фактория, 2008. С. 69.

³ Там же. С. 76.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 191.

ность и воображение, а не рациональное целеполагание. Появление такого субъекта открывает новые возможности в экономике будущего – будущего «революционного богатства», но революционное богатство предполагает глубинную трансформацию оснований знания, пространства, времени.

Концепция революционного богатства Э. Тоффлера

Э. Тоффлер выдвигает идею

...создания такой методологии, которая бы объединяла людей, принадлежащих к разным социальным системам, к разным этносам и народам в борьбе против разрушительных сил природы, голода, невежества, засилья компьютерных технологий⁵.

Развитие идеи общества Третьей волны получает продолжение в концепции «революционного богатства». На смену обществу как «машине-желанию» Ж. Делеза и Ф. Гваттари приходит общество «протребления» и общество «протребителей» Э. Тоффлера.

Новый тип общества имеет новые качественные характеристики, связанные с экономической деятельностью в эпоху позднего постмодернизма. Каким будет мир, кто в этом мире обретет богатство, какие новые возможности открывает цифровая экономика, чем грозит человечеству такая трансформация – вот основной спектр проблемных вопросов, которые задает Э. Тоффлер и пытается на них ответить. Революционные события, которые описывает футуролог, не сравнимы ни с какими предыдущими событиями – будь то смены политических режимов, расколы наций или войны. Современная революция носит совершенно иной характер. Она раскрывает неограниченные возможности и траектории для людей и в сфере бизнеса, и в таких сферах, как социум, культура, образование. Революция богатства «приглашает» людей в блестящее будущее, но в то же время и предупреждает о предстоящих опасностях, которые будут только нарастать в будущем, ибо изменения в сторону революционного богатства происходят с беспрецедентной быстротой и на глобальном уровне. В то же время Э. Тоффлер признает, что такая «система не существует изолированно, являясь элементом более крупной макро-

⁵ *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. М.: АСТ: АСТ Москва: Профиздат, 2008. С. 324 (далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

системы» (с. 7). Основания революционного богатства относятся к 1956 г., когда произошло радикальное изменение в составе рабочей силы в США: количество служащих превзошло количество рабочих. Следующим этапом стал этап, связанный с созданием и распространением компьютеров.

Каждая система богатства формирует новую структуру бизнеса, новые типы семьи, новые типы продуктов, а также новую моду и стандарты физической красоты, новое отношение к религии и свободе. Результатом же такого пути является либо расцвет каких-либо регионов, либо полный упадок. Система богатства кардинальным образом меняет прежнюю социальную структуру, так, например, меняется роль женщины, изменяются традиционные формы в сексуальной и нравственной сфере, появляются трансгендерные роли, закрепляются однополые браки. Эти формы уже выходят далеко за пределы США, само понятие «революционное богатство» уже не является монополией Америки, оно распространилось на всю Западную Европу, а также на страны Востока.

Трансформация времени, пространства, знания

В этой ситуации системной трансформации подвергаются и время, и пространство, и, особенно – знание. Особенной трансформации подверглись системы академической науки, наука все больше становится междисциплинарной.

Первая волна богатства, «распространяясь по планете, создала то, что мы теперь называем аграрной цивилизацией» (с. 37). Эта же волна ускорила процесс разделения производства, в результате чего возникла потребность в обмене продуктами производства в различных формах торговли, покупки и продажи. Говоря о современности, Э. Тоффлер отмечает, что «даже сегодня во многих странах, находящихся на низкой стадии развития, преобладает образ этой Первой волны» (с. 38). Вторая революционная система богатства связана с формированием индустриального общества, которое начинает формироваться в конце 1600-х гг. Эта волна различных социальных потрясений и трансформаций, она же породила огромное количество бедствий для человечества: загрязнение Земли, колониализм, торжество техники над человеком. В ее ранней стадии развития делался упор на производство, по мере распространения – на потребление.

Третья и последняя по времени волна революционного богатства связана с расшатыванием принципов индустриальной эпохи. Здесь на место традиционного промышленного произ-

водства с его культом труда, капитала приходит культ знаний: «...если Вторая волна богатства принесла массовость, Третья волна освобождает от нее производство, рынки, общество» (с. 39). Кардинальным образом меняется цель экономики: в этой системе уже плохо функционируют системы индустриальной волны, люди ищут новые способы организации жизни, обосновывают новые ценности, формируются новые типы семьи, возникают новые направления в искусстве, трансформируются отношения между полами.

Разсуждая о трех волнах революционного богатства, Э. Тоффлер заключает: «Первая волна системы богатства основывалась главным образом на выращивании продуктов, Вторая волна – на их производстве, Третья волна системы богатства все больше основывается на услугах, мышлении, на знаниях и профессионализме» (с. 41). Третья волна обещает людям такой объем богатства, в сравнении с которым богатство предшествующих волн будет казаться ничтожным. Здесь идет речь о тех составляющих Третьей волны, которые связаны с ответственностью и обязанностью людей и общества в целом (экологическая ответственность). Чтобы понять происходящее в эпоху Третьей волны, философ призывает обратиться к глубинным основам бизнеса и фундаментальным основам экономики, определяя одну из важнейших составляющих – труд.

Размышляя о *времени* и изменении его содержания в постиндустриальную эпоху, Э. Тоффлер обращается в сферу экономики: экономика, основанная на науке, значительно более «быстрая». Традиционно ориентированные чиновники во многих развитых странах препятствуют замене устаревших способов управления, поэтому правительства входят в конфликт с самим временем. Современные условия таковы, что бизнес развивается на большой скорости, а жизненно важные для всего общества институты в это время остаются далеко позади.

С чрезвычайно большой скоростью происходят изменения в форматах семьи и отношениях между разными поколениями. Исследователь определяет необходимые скорости для профессиональных союзов, таковой он считает скорость 30 миль в час, так как работа становится все более мобильной и ведется порой в самолетах, отелях, ресторанах. Корпорации меняются примерно со скоростью 100 миль в час. В это же время профсоюзы оказываются как бы застывшими во времени, связанные методами и моделями, доставшимися им от 1930-х гг. Около 25 миль в час – это скорость, которую определяет Э. Тоффлер для правительственной бюрократии и законодательных учреждений. В американской системе есть

структуры, к примеру, образование, которые движутся со скоростью десять миль в час: «эта машина тащится на спущенных шинах в облаке пара, вырывающегося из радиатора, и задерживает всех, кто едет за ней» (с. 59). Однако система образования упорно продолжает отстаивать свою основу, ориентированную на нужды индустриальной эпохи, но никак не нужды постиндустриальной третьей волны.

Есть институты, которые и вовсе развиваются со скоростью пять миль в час. К таковым относится набор правительственных организаций типа ООН, Международного Валютного Фонда, Всемирной Торговой Организации. С еще более низкой скоростью в современном мире меняются политические структуры, их скорость определяется философом в три мили в час. И, наконец, самым медлительным учреждением мыслитель считает систему законодательства. Ее изменения происходят со скоростью одной мили в час. Это можно сравнить с движением ледника.

Налицо такая ситуация, когда намечается невиданный конфликт, связанный с ускорением темпа перемен и инерционной структурой старого общества. Сверхскоростная информационная экономика продолжает развиваться в условиях инерции, поэтому возникает то, что Э. Тоффлер называет «дисфункциональностью» и десинхронизированностью» взаимосвязанных институтов. Выход из этой ситуации возможен в радикальном переструктурировании, благодаря синхронизации во времени всех структур в экономике возможен «сбалансированный рост». Этот рост есть не что иное, как рост с учетом, прежде всего, фактора окружающей среды. Компонента времени в концепции революционного богатства есть необходимая и важная, так как путь к постоянному росту богатства лежит через тщательную синхронизацию.

Но идея временной синхронизации оказывается на самом деле весьма сложной для исполнения в реальной жизни. Сам Э. Тоффлер говорит об этом следующее:

Скрытый парадокс закона временных рассогласований заключается в том, что чем большая синхронизация достигается на одном уровне системы, тем большая десинхронизация происходит на других. ...система богатства трансформируется в терминах времени (с. 73).

Неправильное временное согласование может нанести существенный вред. Исследование категории «время» Э. Тоффлер сопровождает разработкой понятий «экология времени» и «ландшафт времени». Экология времени у него – это та ситуация, когда

разные подразделения и процессы взаимодействуют и развиваются с разной скоростью. Появляется новый ландшафт времени, который

...подобно человеческому сердцу подвержен аритмии, тахикардии и прочим сбоям, а также хаотичным нарушениям и пароксизмам, если мы бежим быстрее и пыхтим все громче, чем это закончится? Как вообще случилось, что мы оказались в цепях времени и скорости? (с. 83).

Еще в своей ранней книге «Шок будущего» (1970) Э. Тоффлер предупреждал о том, что темп жизни в ближайшем будущем будет только ускоряться. Американский футуролог ввел немало терминов, характеризующих время: «скоростной рывок», «углубление времени», «цифровое время», «временной голод», «время интернета». Сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда огромное количество людей на планете ощущают стресс и психическое истощение из-за сжатости времени, давление времени ощущается буквально.

Теперь нам предстоит разобраться с еще одной важной компонентой в триаде «революционного богатства»: это *пространство*. Понимание богатства современности Э. Тоффлер начинает с анализа такой его пространственной характеристики, как движение: сегодня богатство находится в движении, как никогда ранее. Изменение наших отношений со временем влечет за собой изменение с глубинной основой пространства, а именно – с теми местами, где создается богатство, так появляются совершенно новые способы и критерии выбора мест для создания «революционного богатства» (транснациональные корпорации, на этапе позднего капитализма – глобальная экономическая инфраструктура). Сейчас происходит один из самых значительных в истории географических сдвигов богатства. В результате этого наступает период пространственной турбулентности, возрастающая «мобильность» богатства оказывает все большее воздействие на инвестиции, на бизнес, на месторасположение рынков сбыта, на повседневную жизнь обычных людей. Происходит процесс постепенного размывания пространственных границ. Современное человечество является свидетелем изменения на старой карте мира и коренного изменения отношения к такому глубинному фактору, как пространство. Ускорение перемен подразумевает создание новых карт, однако и новые будут недолговечными, подверженными постоянным переменам, поскольку мало что может быть постоянным в системе революционного богатства.

Вводится в оборот понятие «мобильные деньги», для которых характерна феноменальная скорость перемещения через элек-

тронные каналы из одной страны в другую, из банка в банк, это движение ни на секунду не замирает. Благодаря таким событиям в экономике мир вступил в «полувековую фазу реглобализации». Наступает век пространственной турбулентности, который уже свидетельствует о радикальном сдвиге богатства в сторону Азии. Здесь Э. Тоффлер вступает в сферу анализа тех пространственных явлений, которые связаны со стремлением в космос, говоря о том, что человеческая цивилизация – это первая цивилизация, которая помещает сделанные человеком предметы далеко за пределами своей планеты и использует их для создания революционного богатства. Это уже само по себе и делает наше время революционным моментом всей истории. Искусственные спутники, глобальная система навигации, создание космических клубов, крупные телевизионные сети, медицинские технологии, онлайн-сервисы разнообразной специфики, моряки, банки, дальнобойщики, военный бизнес – все это связано с космическими технологиями, в частности с системой GPS. Выгода от точного временного соответствия и синхронизации в экономике еще не подсчитаны, но перспективы огромны. Стремление к расширению пространства в космос постепенно меняет отношение богатства и ко времени, и к пространству – двум фундаментальным основам, которые определяют экономическую активность. Богатство поэтому в настоящий момент развития становится все более и более революционным, поскольку революция происходит в умах людей. Пространство как одна из важнейших составляющих в триаде революционного богатства имеет уже стойкую тенденцию к расширению, которому способствуют мировые экономические процессы и глобализация, цифровизация и компьютеризация экономики.

Пятая часть работы Э. Тоффлера «Революционное богатство» посвящается проблемам *знания*. Знание рассматривается здесь в контексте системы богатства, которая движется в русле изменений в наших отношениях к пространству и времени. Соответственно знание является третьим глубинным основанием в фундаментальной триаде революционного богатства наряду с временем и пространством. Происходит трансформация знания.

Знание не является каким-то соперничающим ресурсом, поскольку миллион людей может пользоваться одним и тем же фрагментом знания, нисколько его не уменьшая, но существует вероятность того, что чем больше людей пользуются каким-либо фрагментом знания, тем больше вероятность, что кто-то из людей произведет на основе этого фрагмента еще больше знания – это первое положение о знании в современном мире. Постулируется нематериальность, нелинейность, относительность знания.

Э. Тоффлер определяет знание как самый мобильный продукт и говорит о том, что знание можно сжать до символов и абстракций, а современное знание можно хранить во все более мелких ячейках. Знание может быть открытым и закрытым, выраженным и невыраженным, разделенным или скрытым, но в то же время нельзя говорить о скрытом существовании какого-либо материального объекта.

Знание отлично от материальных реалий, с которыми привыкли иметь дело экономисты, однако это не выводит знание полностью за пределы существующих экономических категорий. Знание как одно из трех глубинных оснований революционного богатства – самое быстро меняющееся основание экономического и социального окружения. В результате изменения параметров знания открываются все новые бесчисленные способы создания богатства – в этом и есть великая роль и значение знания в фундаментальной триаде революционного богатства.

Изменения в знании требуют в современных условиях жизни гораздо более быстрого и правильного принятия решений в усложняющихся и даже порой хаотичных условиях. Знание, используемое людьми для создания богатства, включает в себя также «скрытое» знание, которое хранится в наших головах. Каждый человек обладает собственным индивидуальным знанием, но индивидуальному знанию принадлежит не все, так как особенно важным сегодня становится так называемое «коллективное знание», которое создается группами, отраслями промышленности, учреждениями и целыми региональными экономиками: около шести миллиардов обладателей ресурса знания проживают сейчас на нашей планете – более чем когда-либо в истории. Однако самый большой запас знаний на планете сейчас хранится вне человека. Это знания, накопленные в течение всего становления человечества.

Они зафиксированы в новейших способах хранения – в новейших жестких дисках. В мировом пространстве с беспрецедентной скоростью рождаются, аккумулируются и данные, и информация, и знания. Люди создали нечто вроде гигантского внешнего мозга в дополнение к уже существующим шести миллиардам мозгов. На сегодня

этот глобальный мегамозг – все еще мозг младенца, он несовершенен, в нем еще не развились связи, характеризующие взрослый мозг. Тем не менее в какой-то незамеченный, но исторически важный момент объем знаний, хранящихся вне человеческих голов, стал гораздо больше того, что хранится внутри. Этот внешний мозг увеличивается с невероятной скоростью (с. 161).

В данный момент человечество переживает революционные изменения, которые происходят в глубинной основе знания, и с этим связан глубочайший переворот во всей мировой системе знания. Отличительными особенностями истинного знания у Э. Тоффлера являются «авторитетность», «откровение», «долговечность». Говоря о долговечности, он отмечает, что проверка истины основана на возрасте самой истины, т. е. выдерживает ли истина проверку временем. Отдельно в этом ряду характеристик истины рассматривается «наука», поскольку сама наука зависит от жесткой проверки. Э. Тоффлер делает заключение в анализе критериев истинности знания о том, что в повседневных делах процент решений, принимаемых на основе науки, ничтожно мал. Между тем за несколько последних веков ни один из шестерки критериев истинности не имел такого значительного влияния на создание богатства. И ни один из них, как мы видим, не подвергался таким опасностям. Футуролог выводит науку в отдельный класс по причине того, что только наука сама себя корректирует и только наука открывает возможности для революционных изменений и перемен. За последнее время ничто в такой мере не способствовало улучшению здоровья, увеличению продолжительности жизни, приумножению богатства, как знания и наука.

Э. Тоффлер полагает, что весьма негативно влияет на современную науку в плане ее истинности французская философия постмодернизма. Американский футуролог достаточно радикален в своих высказываниях по поводу постмодернистов. Философов-постмодернистов он сравнивает со студентами-второкурсниками, которые впадают в наивный солипсизм.

В рассуждениях Э. Тоффлера постмодернистская теория не только пытается дискредитировать науку, в своих крайних формах она подрывает все критерии истины, поскольку само понятие истины ставит под вопрос и таким образом она «смыкается с армией мошенников-коммивояжеров, глав культов, мистификаторов и всех тех, кто в максимальной мере пользуется нашей доверчивостью и кто на вопрос «Почему вам можно верить?» не может дать лучшего ответа, чем: «Потому!». Каждая революционная волна сопровождалась значительными изменениями в фильтрах, на которые полагались люди в определении истинности или ложности фактов, а они влияли на масштабы и типы производимого богатства.

Выводы

Три ключевые силы двигают сегодня революцию богатства – это время, пространство и знание. Результатом пространственно-перемещения центров мирового богатства становится перемещение к новым точкам повышенной прибавочной стоимости, что оставляет за собой все новые и новые очаги бедности по всему миру. Э. Тоффлер пророчит в будущем колонизацию космоса и создание богатства за пределами планеты Земля. Поэтому никакой прогноз будущего богатства невозможен без должной оценки роли знания. Знание сегодня разрушает традиционные основания индустриальной эпохи. Описываемые Э. Тоффлером перемены, касающиеся изменения отношения к времени, пространству и знанию, – это начало пути к революционному богатству, начинающему свое шествие по планете. Концепт «революционное богатство» в теоретическом ракурсе анализа являет собой описательную характеристику нового общества, с изменившимся положением человека в нем, появившимися проблемами адаптации субъекта в связи с глобальными радикальными трансформациями на уровне пространства и времени, бытия и мышления. В практическом смысле общество «революционного богатства» открывает новые возможности для развития будущей экономики на совершенно ином уровне, где человек из «потребителя» становится «протребителем» – сначала производителем, а уж потом потребителем, в идеале – общество «революционного богатства» связано с концом массового производства и торжеством креативности, индивидуальности, где человек сам за себя в ответе.

Источники

- Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У. Фактория, 2008. 672 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 800 с.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008. 569 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

Литература

- Кара-Мурза, Сулакшин, Якунин 2017 – Кара-Мурза С., Сулакшин С., Якунин В. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Litres, 2017. 2165 с.

References

Kara-Murza, S., Sulakshin, S. and Yakunin, V. (2017), Postindustrializm. Opyt kriticheskogo analiza [Post-industrialism. Essay on critical analysis], Litres, Moscow, Russia.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

Acknowledgements

The work was carried out as part of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state assignment, passport No. 2881-21).

Информация об авторе

Алла П. Дубинина, Белорусско-Российский университет, 212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, д. 43; alladubinina@inbox.ru

Information about the author

Alla P. Dubinina, Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus; bld. 43, Mira Avenue, Mogilev, Republic of Belarus, 212000; alladubinina@inbox.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.74:61

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-66-74

Трансформация российского здравоохранения в оценках населения

Ирина А. Полякова

*Федеральный национальный исследовательский
социологический центр РАН, Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, irpol1996@yandex.ru*

Аннотация. Здравоохранение является одной из ключевых сфер жизни общества, и от его состояния и отлаженности функционирования зависят показатели здоровья и продолжительность жизни населения. В настоящий момент система оказания медицинской помощи претерпевает значительные изменения, вследствие которых возникают проблемы, связанные не только с количественными характеристиками сферы охраны здоровья и доступностью медицинской помощи населению, но и со сложностями социального взаимодействия в медицине. Были рассмотрены основные направления реформ стационарного и амбулаторного (первичного) звена здравоохранения, а также оценки и мнение россиян относительно качества и доступности медицинской помощи на современном этапе и в среднесрочной перспективе. Было уделено внимание событиям 2020 г., которые продемонстрировали несостоятельность некоторых управленческих решений в контексте реформ сферы охраны здоровья и оказали влияние на мнение населения об отечественном здравоохранении. В результате проведенного анализа выявлены дисфункциональные черты, которые негативно сказываются на профессиональной деятельности врачей, качестве оказываемой помощи и удовлетворенности пациентов.

Ключевые слова: реформы здравоохранения, медицинская помощь, пациенты, врачи, доступность медицинской помощи, качество медицинской помощи, пандемия

Для цитирования: Полякова И.А. Трансформация российского здравоохранения в оценках населения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 66–74. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-66-74

© Полякова И.А., 2022

Transformation of Russian healthcare in population estimates

Irina A. Polyakova

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, irpol1996@yandex.ru

Abstract. Health care is one of the key spheres in the society life so the health indicators and life expectancy of the population depend on its state and smooth functioning. At the moment, the system of medical care is undergoing significant changes, what raises challenges associated not only with the quantitative characteristics of the health care sector and the availability of medical care to the population, but also with the difficulties of social interaction in medicine. The article considers the main directions of reforms in inpatient and outpatient (primary) health care, as well as the assessments and opinions of Russians regarding the quality and availability of medical care at the present stage and in the medium term. Attention was paid to the events of 2020, which demonstrated the inconsistency of some management decisions in the context of health care reforms and influenced the public's opinion about Russian health care. The analysis revealed dysfunctional features that negatively affect the professional activities of doctors, the quality of care and patient satisfaction.

Keywords: health care reforms, medical care, patients, doctors, accessibility of medical care, quality of medical care, pandemic

For citation: Polyakova, I.A. (2022), "Transformation of Russian health-care in population estimates", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 66-74, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-66-74

Сфера здравоохранения на протяжении истории человечества являлась одной из наиболее значимых для общества. Качественное функционирование системы оказания медицинской помощи существенно влияет на экономику страны и ее развитие. Охрана здоровья человека заслуженно расценивается как основополагающий фактор, определяющий физическое и психическое здоровье и благополучие людей.

За последние десятилетия сфера здравоохранения в России претерпела множество преобразований, которые изменили привычные для граждан и врачей условия оказания медицинской помощи. Наиболее значимым в контексте структурной трансформации отрасли на данный момент является Национальный проект «Здравоохранение», в котором зафиксированы основные направления реформ.

В российском медицинском сообществе до недавнего времени превалировала модель профессиональной деятельности, сформированная в советское время и закрепленная в общественном сознании. Профессиональная деятельность врачей советского периода строилась на ряде ценностных оснований, которые были основополагающими в формировании профессионализма прошлых поколений выпускников медицинских вузов. Работники системы здравоохранения СССР долгое время руководствовались принципами бесплатности и доступности медицинской помощи, использовался системный подход к лечению пациента, преобладание между учреждениями здравоохранения и структурными подразделениями внутри одной организации, гарантирующие полноценное ведение пациента на каждом этапе оказания помощи. Все вышесказанное сформировало устойчивые модели взаимодействия между врачами и пациентами.

Однако за прошедшие двадцать лет произошли серьезные осложнения во взаимоотношениях профессионального сообщества медиков и населения. В последние десятилетия российское здравоохранение подверглось серьезным преобразованиям, при этом многие эксперты отмечают, что проводившиеся реформы здравоохранения стали губительными для отрасли [Белова и др. 2020].

Переход на страховую медицину ознаменовал начало процесса трансформации самой сути отечественного здравоохранения и принципов взаимоотношений между врачом и пациентом. Были введены институциональные нормы и правила, которые определили новый регламент взаимодействия для всех субъектов сферы здравоохранения. Начиная с 2012 г. здравоохранение начало подвергаться активной трансформации, что наиболее остро сказалось на пациентах и профессиональной деятельности врачей.

Все проводимые реформы можно классифицировать на две группы: реформы амбулаторного и стационарного звена здравоохранения.

Стоит отметить, что большая часть изменений в стационарном звене явилась следствием сокращения объемов финансирования, нежели целенаправленной преобразовательской деятельности. Урезание финансовых потоков привело к сокращению количества больниц, которые были либо объединены в холдинги с последующим сокращением филиалов, либо ликвидированы полностью. Так, уже по итогам «первой волны реформ» в 2013–2014 гг. количество больничных коек в стационарах сократилось более чем на 35 тыс. (в 2013 г. насчитывалось 1301,9 тыс., в 2014 г. – 1266,8 тыс.) по стране, а к 2017 г. их осталось еще меньше – 1182,7 тыс. Другими словами, за годы реформ ликвидировано практически

120 тыс. коек¹. Это имело свои последствия для врачей и пациентов. Во-первых, это повлекло сокращение количества врачей, работающих в стационарах. Например, в 2014 г. было сокращено 90 тыс. медицинских работников, из которых 12,8 тыс. – врачи и 77,2 тыс. – средний медперсонал.

Закрытие стационаров и сокращение коек сказались не только на занятости медицинских работников, но и повлияли на доступность медицинской помощи населению. Так, половина (50%) россиян уверена, что сокращение и укрупнение больниц усложнило доступ к узким специалистам, и больше трети (39%) – что стало сложнее получить место в стационаре². В большей степени это коснулось жителей малых городов и сельской местности: больше, чем для 11 тыс. сел в России ближайшее медицинское учреждение находится на расстоянии более чем в 20 км³. В городах, в свою очередь, из-за сокращения количества коек в больницах возник дефицит больничных мест для пациентов. Чтобы преодолеть возникшую проблему, в рекомендациях по лечению заболеваний было сокращено количество дней, отведенных на пребывание пациента в стационаре, соответственно, пропорционально возросла длительность амбулаторного лечения. В сформировавшихся условиях врач вынужден вести в два раза больше пациентов в месяц. А так как чаще всего пациента выписывают до момента полного выздоровления, лечащий врач стационара зачастую не видит результатов своей профессиональной деятельности, а пациент, в свою очередь, подвергается значительным рискам, связанным с ухудшением состояния здоровья без грамотного присмотра специалистов.

Спектр назначений зависит от оснащенности больницы, возможностей пациентов оплатить эти обследования. Поэтому деятельность врачей во многом зависит от объемов диагностических процедур, которые возможно провести. Ранее все назначенные врачом обследования, процедуры и манипуляции централизованно

¹ Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

² Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов: Аналитический обзор. 2015 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dostupnost-i-kachestvo-rossijskogo-zdravookhraneniya-oczenki-pacientov> (дата обращения 5 октября 2021).

³ Счетная палата проверила оптимизацию в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания [Электронный ресурс] // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proverila-optimizaciyu-v-sfere-zdravookhraneniya-kultury-obrazovaniya-i-socialnogo-o-21297> (дата обращения 24 сентября 2021).

оплачивались из средств бюджета. Врач был свободен в назначениях и рекомендациях, которые он дает пациенту, и мог быть уверен в их исполнении. В настоящий момент российская модель финансирования здравоохранения остается смешанной, так как сохранилось два источника средств: ОМС и бюджетные отчисления. Средства ОМС направляются на покрытие расходов по оказанию конкретного объема медицинской помощи, в то время как бюджетные средства распределяются на содержание учреждения, не зависимо от оказываемой помощи населению. В подобных условиях лечащий врач оказался скован в возможностях диагностики и назначении лечения, так как не всегда условия страхования предусматривают проведение дорогостоящих исследований. Для пациентов же это приводит к необходимости дополнительных денежных расходов для получения платных услуг. Согласно данным всероссийского опроса 2019 г., треть (32%) россиян полагали, что вероятность столкнуться с такой проблемой очень высока⁴. Более того, в случае, когда у пациента нет финансовых возможностей оплатить необходимый объем медицинской помощи, врач не может продолжать лечение и, соответственно, не может достичь цели профессиональной деятельности – излечения пациента.

Обратимся к анализу нынешней реформы амбулаторного звена здравоохранения. В первую очередь стоит отметить, что происходит изменение в соотношении численности врачей разных специальностей в поликлинических организациях, внесены изменения в программу диспансеризации в соответствии с возрастом пациента, внедряются новые технологии обследования, лечения, обновляются стандарты ведения пациента. В связи с рекомендацией ВОЗ об усилении амбулаторной помощи и с возникшей в России нехваткой квалифицированных кадров в первичном звене, начались меры по привлечению персонала в поликлиники. Однако кадровый дефицит было решено преодолеть за счет обеспечения поликлиник врачами общей практики (далее ВОП), а не узкоспециализированными, ставки которых были сокращены. Врачам же узкого профиля предложили переквалифицироваться и занять ставки ВОПов. Основная часть врачей, вместо этого, предпочла уволиться. Часть врачей впоследствии были трудоустроены в коммерческие клиники по своей основной специальности, прочие трудоустроились не

⁴ Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль: Аналитический обзор. 2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-mediczinskikh-uslug-zapros-na-zhestkij-kontrol> (дата обращения 5 октября 2021).

по специальности, оставшаяся часть ушла из медицины. Стоит отметить, что нехватка специалистов узкого профиля в учреждениях входит в тройку наиболее частых причин неудовлетворительных оценок системы здравоохранения – 56% [Бузин и др. 2020].

В поликлиниках произошли и другие изменения. Например, объединение амбулаторных организаций в холдинги с выделением филиалов. В связи с этим врачам разных специальностей распределили в разные филиалы. Это привело к тому, что на территории одной поликлиники находится ограниченный круг специалистов, что создает трудности для пациентов, вынужденных ездить к разным специалистам по разным адресам, и для врачей при взаимодействии с коллегами внутри единого холдинга. Эти изменения находят отражение в общественном мнении россиян. Так, треть наших соотечественников уверены, что крайне высока вероятность столкновения в поликлиниках с такими проблемами, как невозможность получить все необходимые услуги в одном месте (33%), отсутствие нужного специалиста (32%)⁵.

Для организации взаимодействия между филиалами и специалистами, а также с целью преодоления проблемы очередей в поликлиниках была введены новые принципы маршрутизации пациентов с использованием современных технологий. Согласно этим правилам, запись к врачу узкого профиля осуществляется через врача общей практики, который после предварительного обследования направляет пациента к следующему специалисту. Это увеличило нагрузку на ВОПов, которые теперь не только консультируют пациентов в рамках своей компетенции, но и направляют пациентов к другим врачам. Более того, это привело к возникновению проблем с записью к врачу и увеличило время, которое необходимо пациенту, чтобы обратиться к узкому специалисту за помощью. Так, треть (33%) россиян считают, что существует очень высокая вероятность столкнуться с долгим ожиданием записи, нахождением в очереди в государственных амбулаторных учреждениях⁶. Более того, почти треть (32%) населения России считает, что система электронной очереди замедлила доступ пациентов к узким специалистам⁷.

С целью повышения эффективности работы врачей были введены нормы времени приема специалиста. Для разных специальностей установленные сроки приема могут составлять от 15 до 30 минут. За указанный интервал врач должен успеть провести устный опрос пациента, содержащий множество основных и дополнительных во-

⁵ Качество медицинских услуг...

⁶ Там же.

⁷ Доступность и качество российского здравоохранения...

просов, необходимых для предварительного определения возможного заболевания. Далее необходимо провести полный осмотр, занести все данные пациента в электронную базу данных, сформулировать рекомендации, выписать направление и описать дальнейшую тактику обследования и лечения. Стоит отметить, что достаточно мало пациентов могут за такой незначительный отрезок времени четко сформулировать свои симптомы и вспомнить все лекарства, которые принимают, что, несомненно, негативно влияет на качество дальнейшей медицинской помощи. Кроме того, подобный режим работы отличается повышенной эмоциональной, умственной и физической нагрузкой, к чему врачи оказались не готовы. В результате возросла текучесть кадров в амбулаторном звене.

События 2020 г. во многом продемонстрировали несостоятельность некоторых управленческих решений в контексте реформ. Например, сокращение числа коек и больничных учреждений в условиях пандемии оказалось критически значимым фактором. Из-за неспособности современного российского здравоохранения справиться с возросшим потоком пациентов, нуждающихся в стационарном лечении, было принято решение развернуть экстренные пункты медицинской помощи в торговых центрах и ледовых дворцах, а также перепрофилировать ряд отделений и больниц, в том числе роддомов, в «красные зоны», где лечатся только пациенты с COVID-19. В эти же отделения была направлена часть врачей и среднего медицинского персонала, в том числе из числа специалистов, профилем которых не являются инфекционные заболевания. Помимо этого пандемия выявила нехватку специалистов в области реаниматологии и инфекционных заболеваний. Так, на работу с коронавирусом были привлечены терапевты, хирурги, онкологи, травматологи и т. д.

Вследствие принятых мер в отделениях больниц сократилось количество врачей, соответственно, возросла нагрузка на оставшихся специалистов, что не могло не отразиться на качестве и доступности оказываемой помощи. Так, в описанных условиях треть (33,2%) респондентов указали, что испытывают сильное беспокойство и тревогу из-за невозможности получения своевременного лечения, и больше половины (52,3%) говорят о наличии некоторого беспокойства по этому вопросу⁸. Кроме этого, треть (33,8%) рос-

⁸ Социологическое исследование «Новые угрозы и практики их преодоления в условиях пандемии» проведено в августе 2020 г. по всероссийской выборке, n = 1600. Авторский коллектив под научным руководством проф. Н.М. Великой (ЦИИ РГГУ). Исследования выполнены при поддержке РФФ, проект № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование».

сиян лично испытали трудности с получением медицинской помощи [Фадеева и др. 2021]. Более того, по итогам 2020 г. смертность в России увеличилась почти на 18%⁹, но не только из-за смертности от COVID-19. В 2020 г., по сравнению с 2018 г., увеличилось количество умерших от основных причин смерти: от болезней системы кровообращения (с 856,1 тыс. чел. до 938,5 тыс. чел.), в том числе от цереброваскулярных болезней (с 263,6 тыс. чел. до 278,6 тыс. чел.), а также от ишемической болезни сердца (с 453,3 тыс. чел. до 508,6 тыс. чел.), в том числе от инфаркта миокарда (с 56,9 тыс. чел. до 58 тыс. чел.). Можно предположить, что рост смертности по этим категориям во многом обусловлен описанными нами мерами, усилившими дефицит врачей и лечебных учреждений и затруднившими процесс получения медицинской помощи для россиян.

В российском обществе долгое время преобладает негативная оценка качества отечественного здравоохранения. События 2020 г. не переломили отношение граждан к российской медицине: 49% населения по-прежнему уверены, что положение дел в здравоохранении плохое¹⁰. 37% россиян считают, что после эпидемии коронавируса сфера здравоохранения будет работать лучше. 46% наших соотечественников уверены, что никаких изменений в этом вопросе не будет¹¹. В среднесрочной перспективе (5 лет) респонденты дают несколько иные прогнозы относительно положения дел в социальной сфере. 41% россиян уверены, что ситуация изменится в лучшую сторону. 23% опрошенных настроены пессимистично и ожидают ухудшения состояния социальной сферы, 36% – убеждены, что ничего не изменится [Левашов и др. 2021].

Можно заключить, что российское здравоохранение значительно преобразилось за последние десятилетия и продолжает меняться под влиянием внешних угроз и внутренней необходимости. Тем не менее на данный момент времени в отечественной сфере оказания медицинской помощи продолжают сохраняться дисфункциональные черты, которые негативно сказываются на профессиональной деятельности врачей, качестве оказываемой помощи и удовлетворенности пациентов.

Выполнено при поддержке гранта РФФ № 18-18-00024.

The article was supported by the RSF, grant No 18-18-00024.

⁹ Общая смертность в России в 2020 г. выросла на 17,9% [Электронный ресурс] // Официальный сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11251429> (дата обращения 27 сентября 2021).

¹⁰ Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-medsina/14425> (дата обращения 27 сентября 2021).

¹¹ Там же.

Литература

- Белова и др. 2020 – *Белова Н.И., Диманс С.Л., Левичева В.Ф.* Современная российская медицина: новые риски и вызовы: монография / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: Ключ-С, 2020. 140 с.
- Бузин и др. 2020 – *Бузин В.Н., Михайлова Ю.В., Чухриенко И.Ю., Бузина Т.С., Шикина И.Б., Михайлов А.Ю.* Российское здравоохранение глазами населения: динамика удовлетворенности за последние 14 лет (2006–2019): Обзор социологических исследований // Профилактическая медицина. 2020. № 23 (3). С. 42–47.
- Левашов и др. 2021 – *Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С.* Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf> (дата обращения 20 марта 2022).
- Фадеева и др. 2021 – *Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И.* Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия: «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2 (26). С. 58–71.

References

- Belova, N.I., Dimans, S.L. and Levicheva, V.F. (2020), *Sovremennaya rossiiskaya meditsina: novye riski i vyzovy* [Modern Russian medicine. New risks and challenges. Monograph], Shevchenko, V.N. (ed.), Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Buzin, V.N., Mikhailova, Yu.V., Chukhrienko I.Yu., Buzina T.S., Shikina I.B. and Mikhailov, A.Yu. (2020), “Russian health care through the eyes of the population. Dynamics of satisfaction over the past 14 years (2006–2019): a review of sociological research”, *Profilacticheskaya meditsina*, no. 23 (3), pp. 42–47.
- Fadeeva, E.V., Velikaya, N.M. and Belova N.I. (2021), “Social well-being of Russians during the spread of coronavirus infection”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 58–71.
- Levashov, V.K., Velikaya, N.M. and Shushpanova, I.S. (2021), *Kuda idesh’, Rossiya? Express-informatsiya* [Where are you going, Russia? Express information], Levashov, V.K. (ed.), FNISTS RAS, Moscow, Russia, available at: <http://rf/wp-content/uploads/2021/02/where-are-you-going-russia-express.pdf> (Accessed 20 March 2022).

Информация об авторе

Ирина А. Полякова, Федеральный национальный исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия; 121069, Борисоглебский пер., д. 13, стр. 3; аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Россия, Миусская пл., д. 6; irpol1996@yandex.ru

Information about the author

Irina A. Polyakova, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 13, Borisoglebskii Lane, Moscow, Russia, 121069; postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; irpol1996@yandex.ru

Социально-экономическое положение среднего медицинского персонала в ситуации пандемии коронавирусной инфекции

Екатерина В. Фадеева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, fadееva.belova@mail.ru*

Аннотация. Применение формальных критериев precarious занятости [Тощенко 2020, с. 90] к группе медицинских работников среднего звена весьма ограничено. Численность работников, для которых характерно негарантированное социально-правовое положение, в этой группе довольно мала, средний медицинский персонал подолгу остается на своей должности. Тем не менее с точки зрения экономической составляющей черты precariousности в группе среднего медицинского персонала все же прослеживаются: активная вторичная трудовая занятость, высокая закрепитованность, невысокая самооценка социального и материального положения. Эти проблемы наряду с негативными эффектами пандемии усугубили и без того сложную кадровую ситуацию на рынке труда среднего медицинского персонала: за 1,5 года борьбы с COVID-19 отток специалистов в среднем звене значительно превысил дефицит среднего медперсонала в допандемийный период.

Ключевые слова: средний медицинский персонал, пандемия, кадровый дефицит, вторичная занятость, подработки, прекариат

Для цитирования: Фадеева Е.В. Социально-экономическое положение среднего медицинского персонала в ситуации пандемии коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 75–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-75-85

Social and economic status of mid-level medical personnel during the coronavirus pandemic

Ekaterina V. Fadeeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, fadееva.belova@mail.ru

Abstract. The application of the precarious employment criteria [Toshchenko 2020, p. 90] to the group of mid-level medical personnel is very limited. The number of employees with an unguaranteed social and legal status is rather small in that group as mid-level medical workers stay at their jobs for a long time. However, in terms of the economic dimension, the precarity features, e. g.,

active secondary employment, high debt load, and low self-evaluation of social and financial status, can still be found in the group of mid-level medical personnel. All those difficulties, along with the negative effects of the pandemic, have aggravated the already challenging staffing situation in the labor market for mid-level medical personnel, while within one year and half of the fight against COVID-19 the skills drain in the middle level has been significantly greater than the shortage of mid-level health staff in the pre-pandemic period.

Keywords: mid-level medical personnel, pandemic, staff shortage, secondary employment, part-time jobs, precariat

For citation: Fadeeva, E.V. (2022), "Social and economic status of mid-level medical personnel during the coronavirus pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 75-85, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-75-85

Введение

Динамика уровня обеспеченности средним медицинским персоналом (далее – СМП) в государственной системе здравоохранения РФ еще до пандемии свидетельствовала об оттоке из отрасли квалифицированных кадров со средним профессиональным образованием: с 2010 по 2019 г. обеспеченность медицинскими кадрами среднего звена на 10 тыс. населения снизилась со 105,6 до 101,6¹. На начало 2020 г. нехватка среднего медицинского персонала в России оценивалась в 120 тыс. специалистов², укомплектованность должностей СМП в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (физическими лицами при коэффициенте совместительства 1,2)³, только за период 2019–2020 гг. сократилась на с 91% до 89,2%.

В отрасли давно наблюдается отрицательная кадровая динамика медицинского персонала среднего звена. В последние 20–25 лет проблема кадрового обеспечения в здравоохранении (снижение

¹ Численность среднего медицинского персонала по отдельным специальностям // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения 2 ноября 2021).

² Анисимова А. В Минздраве заявили о нехватке среднего медперсонала [Электронный ресурс] // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-minzdrave-zayavili-o-nekhatke-srednego-medpersonala.html> (дата обращения 2 ноября 2021).

³ Укомплектованность должностей среднего медицинского персонала в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (физическими лицами при коэффициенте совместительства 1,2) [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59509> (дата обращения 2 ноября 2021).

обеспеченности и врачами, и медсестрами) не только сохраняется, но и становится все более ощутимой. По оценкам экспертов, кроме естественной убыли в связи с выходом на пенсию, эти показатели свидетельствуют о масштабе сокращения самих медицинских организаций, снижении привлекательности работы в государственном здравоохранении и переходе части врачей в частные медицинские организации [Чернышев и др. 2021, с. 90].

В обстоятельствах пандемии отток специалистов среднего звена из здравоохранения приобрел катастрофические масштабы. Если за период 2010–2019 гг. численность среднего медицинского персонала снизилась на 17,4 тыс. чел. (численность СМП в 2010 г.⁴ – 1508,7 тыс. чел.; в 2019 г.⁵ – 1491,3 тыс. чел.), то за 1,5 года пандемии, согласно данным Росстата, из отрасли убыло практически 200 тыс. специалистов среднего звена (численность СМП в организациях государственной и муниципальной форм собственности в январе-июне 2021 г. составила 1297,8 тыс. чел.⁶) – дефицит среднего медицинского персонала нарастает лавинообразно. Ключевые причины оттока кадров из здравоохранения: несоответствие реальной практики представлениям о врачебной профессии, снижение ее престижа, сложное обучение, плохие отношения в коллективе, чрезмерная нагрузка, недостаточная оплата труда и выгорание⁷.

Социально-экономическое положение среднего медицинского персонала

Анализ результатов опроса медицинских работников среднего звена по проекту «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества» (июнь-июль 2021 г., 84,5% –

⁴ Здравоохранение в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 170 с. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2019.pdf> (дата обращения 2 ноября 2021).

⁵ Численность среднего медицинского персонала по отдельным специальностям [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm (дата обращения 2 ноября 2021).

⁶ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-июнь 2021 года [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor02-21.htm> (дата обращения 2 ноября 2021).

⁷ Причины ухода из медицинской профессии: цифры и факты [Электронный ресурс] // ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ». URL: <https://niioz.ru/news/prichiny-ukhoda-iz-meditsinskoy-professii-tsifry-i-fakty/> (дата обращения 8 ноября 2021).

сотрудники среднего звена государственных учреждений здравоохранения, 15,5% – негосударственных организаций) фиксирует отсутствие положительных изменений в субъективных оценках *материального положения* респондентов (табл. 1). За последние 3 года (1,5 из которых приходится на период пандемии) материальное положение не изменилось более чем у половины опрошенных медработников среднего звена, ухудшилось – почти у трети, улучшилось – у 14,5%. В большей мере подверглось изменениям материальное положение среднего медперсонала коммерческих организаций, в худшую сторону: почти половина опрошенных негосударственных медучреждений заявили об ухудшении собственного материального положения за последние 3 года (в государственных учреждениях – 29%). Улучшилось финансовое состояние за этот период у 15,1% представителей среднего медперсонала государственных учреждений и 11,8% – негосударственных.

Даже при том, что только 12,7% опрошенных медработников среднего звена столкнулись с переводом их больницы/стационара в статус «ковидный госпиталь» и должны были получать специальные выплаты, анонсированные регулятором за работу с пациентами с COVID-19⁸, отсутствие позитивной динамики финансового состояния СМП на фоне острой нехватки данной категории работников и повышенного спроса на них на рынке труда (годовой прирост количества вакансий за период июнь 2020 г. – июнь 2021 г. для среднего и младшего медицинского персонала: + 116,2%⁹) вызывает недоумение.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось за последние три года Ваше материальное положение?», в % от опрошенных

Варианты ответа	СМП	Государственные учреждения	Коммерческие организации
Улучшилось	14,5	15,1	11,8
Ухудшилось	31,8	29,0	47,1
Не изменилось	53,6	55,9	41,1

⁸ Какие выплаты положены врачам и социальным работникам [Электронный ресурс] // Государственная Дума ФС РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48577/> (дата обращения 5 ноября 2021).

⁹ Итоги первого полугодия 2021 на рынке труда [Электронный ресурс] // Исследовательский центр портала Superjob.ru. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112958/itogi-pervogo-polugodiya-2021-na-rynke-truda/> (дата обращения 2 ноября 2021).

Результаты другого опроса, выполненного во время проведения VII Международного саммита медицинских сестер весной 2021 г.¹⁰, свидетельствуют о том, что 42% медработников среднего звена не заметили увеличения заработной платы за время работы с пациентами с COVID-19, а более трети респондентов в 2020 г. получали зарплату в размере 20–30 тыс. руб. в месяц.

Еще большие вопросы возникают при анализе размера *среднемесячного заработка СМП*. Согласно итогам федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда, средняя заработная плата среднего медицинского (фармацевтического) персонала в организациях государственной и муниципальной форм собственности по субъектам РФ за последние 1,5 пандемийных года существенно не изменилась и даже немного снизилась: за январь-декабрь 2020 г. она составила 46 973,9 руб.¹¹; за январь-июнь 2021 г. – 45 470,5 руб.¹² В то же время результаты опроса по проекту «Прекариат» в 2021 г. фиксируют среднемесячный доход медицинского работника среднего звена на уровне 30 667,1 руб., что на треть ниже официально заявленной Росстатом суммы.

Расхождение в размере среднемесячного заработка между представителями государственных и негосударственных организаций, согласно результатам исследования, – около 2 тыс. руб. в пользу государственной медицины. Объяснить эту разницу нежеланием работников коммерческих медучреждений подсвечивать «серую» зарплату нельзя – большинство медработников среднего звена никогда не получали зарплату в конверте (85,5%), эпизодически это происходило с 14,5% респондентов: чаще – среди работников негосударственных организаций (29,4% в коммерции против 11,8% в государственных медучреждениях).

¹⁰ Камаев Д., Прохорчук С. Более 40% работавших с больными COVID-19 медсестер не заметили повышения заработка [Электронный ресурс] // Vademec.ru. URL: <https://vademec.ru/news/2021/05/12/bolee-40-rabotavshikh-s-bolnymi-covid-19-medsester-ne-zametili-povyshenie-zarabotka/> (дата обращения 2 ноября 2021).

¹¹ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1eEUBIVB/itog-monitor05-20.htm> (дата обращения 2 ноября 2021).

¹² Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-июнь 2021 года // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor02-21.htm> (дата обращения 2 ноября 2021).

Ключевые источники формирования дохода среднего медперсонала в целом – заработная плата на основном месте работы (98,2%), подработка и совместительство (37,3%), помощь родственников/друзей (15,5%). Распределение ответов респондентов (табл. 2), исходя из формы собственности организации, в которой трудоустроен опрошенный, демонстрирует более высокую степень вовлеченности работников государственных организаций в практики дополнительного получения дохода. Представители среднего медперсонала, занятые в государственных учреждениях здравоохранения, чаще, чем работники коммерческих медицинских организаций, работают по совместительству и подрабатывают (40,9% против 17,6%), обеспечивают себя дополнительными продуктами питания за счет ведения подсобного хозяйства/ухода за огородом или дачей (12,9% против 5,9%), прибегают к помощи близких (16,1% против 11,8%) и использованию пенсионных начислений (9,7% против 0,0%). Никто из участников исследования не ведет собственный бизнес и не сдает в аренду недвижимость, получают проценты от сбережений/акций лишь 1,1% СМП государственных учреждений.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников формируются Ваши доходы?», в % от опрошенных

Варианты ответа	СМП	Государственные учреждения	Коммерческие организации
Заработная плата на основном месте работы	98,2	97,8	100,0
Собственный бизнес	0,0	0,0	0,0
Подработка, совместительство	37,3	40,9	17,6
Пенсия	8,2	9,7	0,0
Помогают родственники, друзья	15,5	16,1	11,8
Сдают в аренду жилье, дачу, иную недвижимость	0,0	0,0	0,0
Получают проценты от сбережений, акций	0,9	1,1	0,0
Обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)	11,8	12,9	5,9
Другое	0,9	1,1	0,0

Фактический размер оплаты труда (30 667,1 руб.) настолько низок, что 2/3 медицинских работников среднего звена так или иначе вынуждены работать дополнительно к основной работе и подрабатывать на стороне (табл. 3). Каждый четвертый делает это на регулярной основе, эпизодически – порядка 40%. При этом респонденты, трудоустроенные в государственных медучреждениях, в большей мере подвержены систематическим подработкам, чем их коллеги из коммерческих структур.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Приходится ли Вам для увеличения своего дохода работать дополнительно к основной работе и подрабатывать на стороне?»,
в % от опрошенных

Варианты ответа	СМП	Государственные учреждения	Коммерческие организации
Приходится регулярно	24,5	28,0	5,9
Приходится, но нерегулярно	39,1	36,6	52,9
Не приходится	36,4	35,5	41,2

Оценка справедливости оплаты труда СМП выглядит удручающе: 94,6% медицинских работников среднего звена не довольны уровнем своей заработной платы и считают, что их труд порой/регулярно оплачивается несправедливо. Это мнение в равной мере присуще работникам государственных и негосударственных медучреждений.

Между тем ключевыми факторами, определяющими социальный статус и престиж человека в обществе (табл. 4), по мнению опрошенных, сегодня являются: владение деньгами, материальными или другими ценностями (73,6%), обладание властью или доступ к ней (53,6%), связи с нужными людьми (54,5%). Личные качества и достижения, социальное положение семьи выделяет каждый четвертый опрошенный.

Самооценка социального и материального положения среднего медицинского персонала понижена: среднее значение оценки своего места в обществе для среднего медицинского персонала – 5,9; материального положения – 6,6 (крайние значения: «1» – высокое положение, «10» – низкое). Колебания значений самооценки социального и материального статуса в зависимости от формы собственности организации, в которой трудоустроен респондент, можно оценить как незначительные.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
 «Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, определяют сегодня
 социальное положение и престиж человека в нашем обществе?»,
 в % от опрошенных

Варианты ответа	СМП	Государственные учреждения	Коммерческие организации
Владение деньгами, материальными или другими ценностями	73,6	71,0	88,2
Обладание властью или доступ к ней	53,6	51,6	64,7
Связи с нужными людьми	54,5	55,9	47,1
Личные достижения в образовании и профессиональной подготовке	27,3	30,1	11,8
Личные качества (ум, привлекательность, сила и др.)	24,5	23,7	29,4
Социальное положение семьи	24,5	25,8	17,6

Уровень закредитованности медработников среднего звена можно назвать очень высоким (табл. 5): только треть респондентов не имеет незакрытых долговых обязательств. Наибольшая доля займов приходится на потребительские кредиты (32,7%) и кредитные карты (31,8%), каждый десятый информант находится в ипотечной кабале. Наряду с этим более значимая долговая нагрузка лежит на сотрудниках государственных учреждений здравоохранения: здесь только 28% опрошенных не имеют кредитных обязательств, тогда как среди работников коммерческих организаций эта доля составляет 70,6%. Для каждого пятого представителя СМП негосударственных организаций характерно лишь использование кредитных карт и потребительских кредитов. Широкая распространенность потребительского кредитования и оформления кредитных карт сигнализирует о тяжелом материальном положении среднего медицинского персонала: работникам не хватает средств даже на повседневные нужды. Низкий размер дохода вынуждает респондентов обращаться к потребительским займам для поддержания уровня жизни.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Имеются ли у Вас в настоящий момент незакрытые кредитные обязательства?», в % от опрошенных

Варианты ответа	СМП	Государственные учреждения	Коммерческие организации
Имеется ипотека	10,9	12,9	0,0
Имеется потребительский кредит	32,7	35,5	17,6
Имеется микрокредит	1,8	2,2	0,0
Имеется кредитная карта, которой иногда пользуются	31,8	34,4	17,6
Имеется долг перед родными, друзьями	6,4	7,5	0,0
Кредитных обязательств не имеют	34,5	28,0	70,6

Заключение

Кадровая ситуация в российском здравоохранении характеризуется гигантским сокращением контингента среднего медицинского персонала и резким нарастанием дефицита данной группы работников: за время пандемии отток специалистов в среднем звене превзошел объемы нехватки кадров в допандемийный период. Без сомнения, в ближайшее время мы ощутим крайне неблагоприятные эффекты от усугубления ситуации со слабой обеспеченностью медицинскими кадрами среднего звена, потому как наличие оптимальной обеспеченности населения данной категорией персонала влияет на доступность и качество оказания медицинской помощи населению [Латышова и др. 2020, с. 343]. Более трети граждан уже сегодня заявляют о том, что испытывают сложности с получением услуг и медицинской помощи [Фадеева и др. 2021, с. 63].

По мнению специалистов – организаторов здравоохранения, – проблема обеспечения медицинских организаций кадрами базируется на трех ключевых принципах: определении реальной потребности в кадрах; устранении дисбаланса и дефицита кадров; повышении качества подготовки кадров [Евдаков и др. 2020, с. 58]. И если подсчет масштабов кадрового голода производится на регулярной основе, а вопрос совершенствования механизмов подготовки медиков в условиях пандемии отходит на второй план, то задача

устранения (или хотя бы замедления) прогрессирующего дефицита кадров стоит как никогда остро.

Эксперты связывают текущую эскалацию кадровой проблемы не только с эффектом пандемии (неблагоприятные условия труда, высокая нагрузка), но и с влиянием «традиционных» для российского здравоохранения факторов вытеснения медицинского персонала из здравоохранения: низкая заработная плата, отсутствие единой тарифной сетки оплаты труда медицинских работников, отсутствие правовых механизмов защиты медицинских работников от «пациентского экстремизма» [Белова и др. 2020].

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать причастность среднего медицинского персонала к процессам прекаризации. Реальный размер оплаты труда медработников среднего звена в РФ намного ниже заявленного Росстатом. Зарплата остается стабильно низкой даже несмотря на обозначенные меры по привлечению в отрасль молодых кадров в целях борьбы с повсеместной нехваткой среднего медперсонала. Труд медработника до сих пор, даже в ситуации пандемии, когда медицинские кадры «на передовой», когда они в буквальном смысле рискуют собственными жизнью и здоровьем, оплачивается ниже, чем работа, которая даже не требует наличия какого-либо профессионального образования, не говоря уже об ответственности за жизнь и здоровье людей. Результаты опроса, проведенного спустя 1,5 года работы в условиях пандемии, свидетельствуют о недовольстве большинства медицинских работников среднего звена размером своей заработной платы – основного источника формирования дохода, – и отсутствием положительной динамики собственного финансового состояния. Большая часть респондентов оценивает уровень оплаты своего труда как несправедливый, вынуждена подрабатывать и залезать в долги. Субъективные оценки социального и материального положения среднего медицинского персонала можно оценить как «скорее низкие». Как в таких условиях можно говорить о борьбе с дефицитом кадров в отрасли? Что должно привлечь молодого человека на работу в учреждения здравоохранения? Вопрос остается открытым.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00024 «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества».

Acknowledgements

The article is written with the support from the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00024 “The Precariat Is a New Phenomenon in the Socio-Economic Structure of Society”.

Литература

- Белова и др. 2020 – *Белова Н.И., Левичева В.Ф., Фадеева Е.В.* Болевые точки отечественной системы здравоохранения в экспертных оценках // Современная российская медицина: новые риски и вызовы. М.: Ключ-С, 2020. С. 7–65.
- Евдаков и др. 2020 – *Евдаков В.А., Мельников Ю.Ю., Смышляев А.В.* Показатели кадрового обеспечения населения средним медицинским персоналом амбулаторного звена здравоохранения в Российской Федерации в период 2010–2018 гг. // Кубанский научный медицинский вестник. 2020. № 27 (3). С. 56–64.
- Латышова и др. 2020 – *Латышова А.А., Несветайло Н.Я., Люцко В.В.* Основные тенденции динамики обеспеченности средним медицинским персоналом в Российской Федерации за период 2015–2019 гг. // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 4. С. 341–353.
- Тощенко 2020 – *Тощенко Ж.Т.* Общие и специфические критерии precarious занятости (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 90–102.
- Фадеева и др. 2021 – *Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И.* Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2. С. 58–71.
- Чернышев и др. 2021 – *Чернышев В.М., Стрельченко О.В., Мингазов И.Ф.* Последствия реформирования здравоохранения в РФ (1990–2020 гг.). Проблемы и предложения // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2021. Т. 7. № 2. С. 86–102.

References

- Belova, N.I., Levicheva, V.F. and Fadeeva, E.V. (2020), “The Experts’ View on the National Health Care System Pressure Points”, *Sovremennaya rossiiskaya meditsina: novye riski i vyzovy* [Modern Russian Health Care System. New risks and challenges], Klyuch-S, Moscow, Russia, pp. 7–65.
- Chernyshev, V.M., Strelchenko, O.V. and Mingazov, I.F. (2021), “Implications of reforms in Russian healthcare from 1990–2020. Problems and proposals”, *Healthcare Management: News, Views, Education. Bulletin of VSHOUZ*, no. 7 (2), pp. 86–102.
- Evdakov, V.A., Melnikov, Yu.Yu. and Smyshlyayev, A.V. (2020), “Staffing Indicators for Nursing Personnel in Outpatient Medical Care in the Russian Federation during 2010–2018”, *Kuban Scientific Medical Bulletin*, no. 27 (3), pp. 56–64.
- Fadeeva, E.V., Velikaya, N.M. and Belova, N.I. (2021), “Social well-being of Russians during the spread of coronavirus”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 58–71.
- Latyshova, A.A., Nesvetailo, N.Ya. and Lyutsko, V.V. (2020), “Main trends in the dynamics of staffing secondary medical personnel in the Russian Federation for the period 2015–2019”, *Current problems of health care and medical statistics*, no. 4, pp. 341–353.
- Toshchenko, Zh.T. (2020), “General and Specific Criteria for Precarious Employment. Empirical Analysis”, *Sociological Studies*, no. 9, pp. 90–102.

Информация об авторе

Екатерина В. Фадеева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; fadeeva.belova@mail.ru

Information about the author

Ekaterina V. Fadeeva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; fadeeva.belova@mail.ru

Парадоксы и противоречия семейных отношений в трансформирующемся обществе

Галина В. Баранова

*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
Орел, Россия, orel.bgv@gmail.com*

Аннотация. Тенденции, которые имеют место в современном обществе под лозунгами демократизации, затрагивают все социальные институты. Не обходят они и институт семьи и брака. В семье закладываются морально-нравственные ценности, основы гармоничного развития личности, взаимоотношений в социуме, форм взаимодействия, осознание роли человека в обществе. Однако стремительные процессы трансформаций, влияние глобализации на все сферы жизнедеятельности общества, существенные изменения в общественно-политической и социально-экономической сферах, модернизация по подобию западного образца вносят коррективы в идеологические установки относительно семейных отношений с позиций исторической культуры, ценностно-функциональной значимости. В сознании людей, особенно молодого поколения, изменилась социальная роль семьи. Семейные ценности становятся все менее значимыми. Как структурная единица общества семья претерпевает существенные, порой парадоксальные изменения. Рассмотрены основные противоречивые формы семейных отношений, выделены их характеристики с позиции влияния на общественное развитие.

Ключевые слова: семья, брак, парадоксальность, сожителство, развод, деторождение, демография

Для цитирования: Баранова Г.В. Парадоксы и противоречия семейных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 86–96. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-86-96

Paradoxes and contradictions of family relations in a transforming society

Galina V. Baranova

*Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation
Orel, Russia, orel.bgv@gmail.com*

Abstract. The trends taking place in modern society under the slogans of democratization affect all social institutions. They do not bypass the institution of family and marriage. Moral values, the foundations of the harmonious development of personality, relationships in society, forms of interaction,

awareness of the role of a person in society are laid in the family. However, the rapid processes of transformation at the international level, the impact of globalization on all spheres of society, significant changes in socio-political and socio-economic spheres, modernization in the likeness of the Western model make adjustments to ideological attitudes regarding family relations from the standpoint of historical culture with value-functional significance. The social role of the family has changed in the minds of people, especially the younger generation. Family values are becoming less and less important in the context of social development. As a structural unit of society, the family undergoes significant, sometimes paradoxical changes. The article considers the main contradictory forms of family relations and highlights their characteristics from the position of influence on social development.

Keywords: family, marriage, paradoxical, cohabitation, divorce, childbearing, demography

For citation: Baranova, G.V. (2022), "Paradoxes and contradictions of family relations in a transforming society, *RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, no 1, pp. 86-96, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-86-96

Введение

Традиционно семья представляет собой первостепенную санкционированную государством структурную единицу общества, базирующуюся на союзе мужчины и женщины. Это общность с единством целей [Тартаковская 2005]. Члены семьи, по мнению россиян, должны опираться на общие интересы, превосходящие личные (78%), поддержку, уважение друг друга (81%), совместное времяпровождение (77%)¹. Однако в современном стремительно трансформирующемся обществе можно наблюдать разнообразие реально существующих типов отношений, которые приравниваются к семейным, но при пристальном их изучении наблюдается некая парадоксальность «как достаточно устойчивая тенденция возникновения и существования особого вида противоречий, объем и масса которых увеличивается по мере непрерывного изменения сложившихся экономических и политических отношений, слома образа и стиля жизни, нарушения устоявшихся стереотипов и национального менталитета» [Тощенко 2012].

Парадоксальным видится уже то, что одной из современных тенденций развития института семьи стало разделение семьи и брака. Исчезает взаимозависимость понятий «родство» и «роди-

¹ ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения 13 октября 2021).

тельство». Семейные и брачные отношения все чаще функционируют независимо друг от друга. Современная семья характеризуется парадоксальной сложностью отношений внутри семьи, изменчивостью состава ее участников [Буланова 2021].

Виды парадоксальных семейных отношений

В современном мире набирает обороты новый тип семейных отношений – виртуальная семья, характеризующаяся разнообразием замены традиционных форм семьи нестандартными отношениями независимо от использования компьютерного моделирования. В виртуальной семье происходит разделение целей и основных функций ее членов. При этом независимо друг от друга функционируют средства достижения целей и применяемые инструменты. Само значение супружества виртуализируется, оно изолируется от правовой и религиозной основы и заменяется термином партнерство, что означает взаимовыгодное сотрудничество, которое легко разорвать по желанию².

Одним из парадоксальных виртуальных типов семейных отношений является так называемый «гражданский брак», который сегодня успешно конкурирует с традиционной формой брака в форме официально зарегистрированного государством союза мужчины женщины. Так, 46% россиян отождествляют понятия «гражданский брак» и «сожительство». Такая форма семейных отношений становится в современном мире нормой и даже приветствуется, особенно среди молодого поколения³.

Первая всеобщая перепись населения в 1897 г. показала, что в Российской империи лишь 5% мужчин и 4% женщин при достижении ими 50 лет никогда не были женаты. А в 2010 г., по данным всероссийской переписи, никогда не состояли в браке 37% мужского и 47% женского населения страны, достигших соответствующего возраста и указавших брачный статус. В столице государства эти цифры превышали 40% для мужчин и 50% для женщин⁴.

² Виртуальная семья [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170207/1487325545.html> (дата обращения 14 ноября 2021).

³ ВЦИОМ. Брак и сожительство: ставим знак тождества? [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-i-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva> (дата обращения 25 октября 2021).

⁴ Всероссийская перепись населения. Т. 2 «Возрастно-половой состав и состояние в браке» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-05.pdf (дата обращения 20 октября 2021).

Результаты исследований ВЦИОМ показывают, что 35% россиян в современный период положительно относятся к бракам, не имеющим законной регистрации, и 40% принимают допустимой такую форму семейных отношений. Лишь 25% респондентов выражают отрицательное отношение к сожительству. Относительно своего образа семейных отношений около 10% респондентов взрослого населения и 16% среди молодых граждан предпочитают сожительство, называя подобные отношения гражданским браком⁵.

Анализ динамики регистрации браков в нашей стране позволяет обнаружить тенденцию снижения узаконивания семейных отношений (рис. 1).

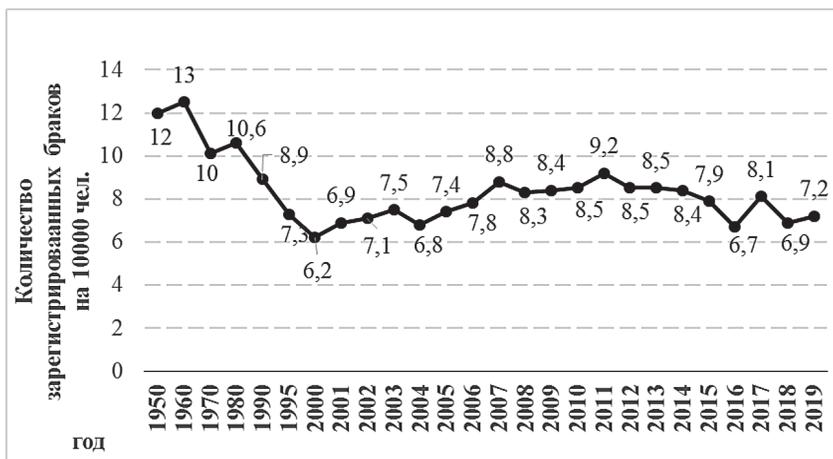

Рис. 1. Динамика регистрации брака

В то же время отмечается рост семей в виде сожительства от 7% в 1994 г. до 17% – в 2018 г., особенно среди молодого населения в сравнении 2% пар в возрасте старше 60 лет (рис. 2).

Анализ взглядов людей на причины распространения «гражданских браков» (сожительств) показал, что 37% респондентов основной из них видят недостаточную привязанность друг к другу, упрощенность его расторжения. 54% опрошенных убеждены, что, прежде чем вступить в законный брак, важно пожить вместе, по-

⁵ ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/697849> (дата обращения 4 июля 2021).

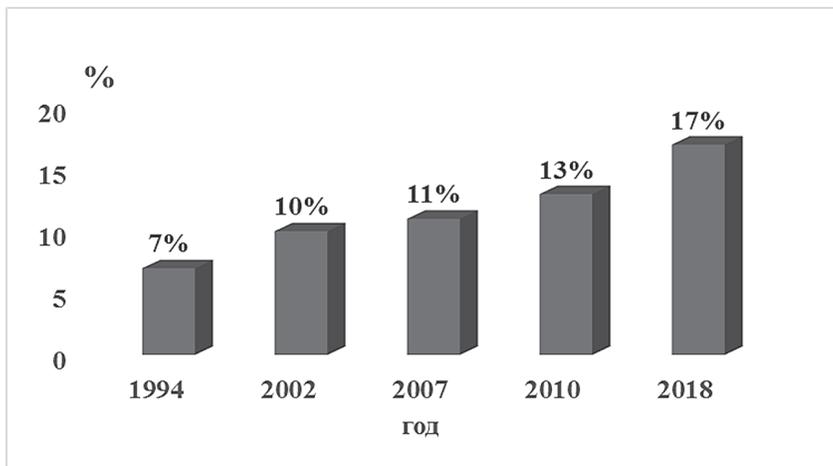

Рис. 2. Динамика «гражданских» браков – сожительства

скольку считают это важным решением в своей жизни, требующим взаимной уверенности⁶.

Парадоксальность сожительства заключается в том, что, несмотря на все большее его принятие обществом с формулировкой «гражданский брак», этого понятия не существует в российском законодательстве, следовательно, оно не может использоваться для обоснования легитимности такого рода семейных отношений. Поскольку отсутствует законодательная база сожительства, то государство не гарантирует юридическую и социальную защищенность, разного рода притязаний такой семьи. В связи с этим возникают проблемы в случае противоречий между мужчиной и женщиной и их расставании. Эта касается материальных вопросов, таких как распределение совместно нажитого имущества, наследственных тяжб и т. п. Проблемные ситуации возникают в отношении имеющих детей, их содержания, выплаты алиментов [Чефранова 2016].

В морально-нравственном аспекте отсутствует социальный статус такой семьи и ее членов, у значительной части общества сохраняется восприятие сожительства как легкомысленных отношений. Форма взаимоотношений сожителей не подразумевает взаимных обязательств партнеров. Результаты исследований показывают, что

⁶ ФОМ Гражданские браки: смысл и отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/blogs/11093> (дата обращения 20 октября 2021).

даже в достаточно продолжительных подобных отношениях значительная доля мужчин не чувствует за собой обязанности перед проживающей с ним женщиной. При выявлении мнений людей о степени надежности семейных отношений лишь 6% пар, живущих в форме сожительства, уверены, что не расстанутся. Негативное влияние сожительство оказывает на деторождение. 71% опрошенных убеждены, что рождение детей должно происходить в узаконенных государством отношениях как с точки зрения правовой и социальной защиты, так и с позиции духовно-нравственных аспектов⁷.

К парадоксам семейных отношений относится разновидность «гражданского брака» – «гостевой брак». Особенность такого рода отношений заключается в том, что мужчина и женщина не проживают постоянно на одной площади, не ведут совместного хозяйства. В основе «гостевого брака» лежат так называемые «свободные» или «разрешенные» отношения. При выявлении причин создания подобных отношений основными выделяются: нежелание или невозможность приспособляться к особенностям, привычкам партнера, встраиваться в определенный ритм жизни, делиться материальными благами для создания общего «семейного очага», терять личную свободу и интересы, менять место жительства, работу, желание сохранить в отношениях непринужденность, романтичность и т. п.

Парадоксальность «гостевых браков» видится в том, что так называемая свобода отношений и романтика, которые представляются доминантами в таких отношениях, ведут к невозможности создания семьи в ее классическом понимании, основанном на союзе, ответственности, моральной, физической и материальной взаимной поддержке ее членов. Отсутствует морально-нравственный облик такой семьи и пример для детей, наблюдается низкий уровень деторождения [Гурко 2008].

Парадоксальными семейными отношениями являются взаимоотношения в «открытом браке», характеризующемся такой формой современной супружеской единицы, в которой партнерам позволяется заключать пакт о своей свободе и независимости и позиционировать отношения как гуманные и демократические, преодолевая, в их понимании, монотонность и однообразность семейной жизни. Однако свобода таких либеральных отношений в большей мере имеет негативные последствия, связанные с отсутствием взаимной ответственности партнеров, серьезными проблемами вос-

⁷ Брак и сожительство: ставим знак тождества? [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-i-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva> (дата обращения 25 октября 2021).

питания нового поколения в контексте формирования у детей морально-нравственных принципов, экзистенциальной и социальной самоидентификации в обществе.

Еще одним показателем, характеризующим виртуализацию семьи, ее имитацию, являются изменения в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей, когда родители расстались, один из них живет отдельно, но юридически они не разведены. Парадоксальность таких отношений заключается в том, что, несмотря на имитацию брака и родительства, все тяготы ведения быта, социализации детей осуществляются одним из родителей, что порождает искаженное представление подрастающего поколения о сущности семейных отношений.

Особый парадоксальный тип виртуальной замены семьи в современном обществе – это киберпротезирование, при котором семья функционирует в пространстве Интернета. Виртуальные отношения и эмоции возникают с образами мужа, жены, ребенка, генерируемыми на экране компьютера [Иванов 2000]. Ни в каком приближении такие отношения не соответствуют признакам супружества или родства с взаимной моральной ответственностью партнеров, выполняющих основные функции семьи – продолжение рода, социализация детей, накопление и распределение имущества и т. д.

XXI век внес парадоксальные качественные изменения не только в форму взаимодействий партнеров семейных отношений, но их субъектов. Появившиеся в США и Западной Европе и количественно увеличившиеся и распространяющиеся по миру однополые браки не отвечают ни одному из признаков семьи и носят деформационный, рискогенный характер для духовно-нравственной жизни человечества. На сегодняшний день в России эта проблема не стоит остро, однако сформировавшаяся в нашей стране привычка подражать Западу может стать серьезной угрозой обществу.

Достаточно распространенной формой парадоксальных семейных отношений в современном обществе стала семья, особенность которой проявляется в отсутствии одного из участников семейных отношений: а) либо это семья с одним родителем; б) либо дети отсутствуют. Конечно, такие семьи существовали и в более ранних историко-культурных условиях, но в предыдущие эпохи – это явление было вынужденным и вызванным конкретными обстоятельствами (например, вдовствующая семья, болезнь одного из родителей и т. п.).

Все более распространенным видом семейных отношений становится неполная семья с одним родителем. В России в 29,4% не-

полных семей матери воспитывают детей самостоятельно, что представляет собой порядка 5 млн из 17 млн семей. Вместе с тем немалое число – около 600 тыс. семей (3,5%) – это семьи, в которых детей воспитывают лишь отцы⁸.

Одной из распространенных причин этого феномена является развод супругов или их расставание в случае незаконного сожительства. Разводы стали обычной практикой. В последние 15 лет число разводов в нашей стране стабилизировалось, но в целом их доля остается достаточно высокой, превышая 50% от числа зарегистрированных браков⁹ (рис. 3).

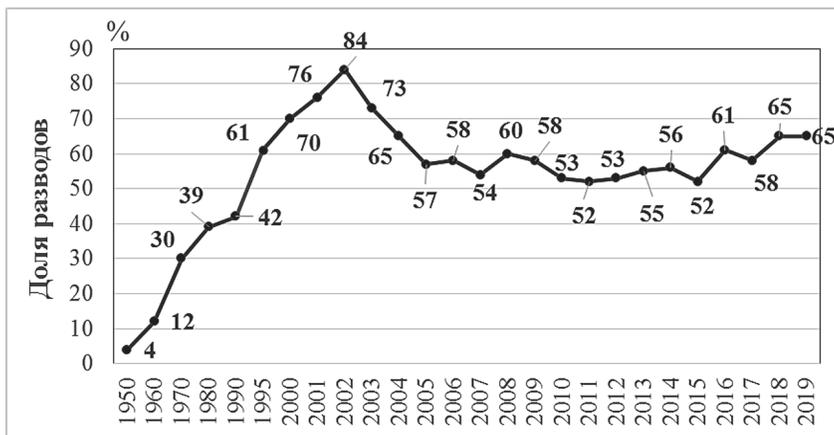

Рис. 3. Динамика отношения разводов к регистрации брака (%)

В качестве негативных последствий в таких семьях отмечают: в социально-экономическом аспекте – материальное неблагополучие, чрезмерная занятость одного родителя и как следствие недостаточность внимания воспитанию и развитию детей; в социально-психологическом – беспокойство детей и родителя, повышенная тревожность, психологическая неустойчивость, появление и развитие вредных привычек, повышенная заболеваемость, депрессии, личностная деформация, склонность к суициду; в социально-политическом – разрушение семьи как первостепенной

⁸ Неполная семья [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170207/1487325545.html> (дата обращения 14 ноября 2021).

⁹ ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения 13 октября 2021).

структурной единицы общества, что деструктивно сказывается на устойчивости общегосударственной политической системы [Бэттлер 2006].

Достаточно новой парадоксальной формой неполной семьи, но получающей все большее распространение, является донорское зачатие и рождение ребенка, когда родителем становится либо (и в большинстве случаев) одна женщина, либо один мужчина [Шевченко 2018]. От разведенных пар такая семья отличается, как правило, материальным благополучием, достаточно высоким уровнем социальных условий, готовностью родителя к ответственности. Парадоксальность данного феномена, его особенности с позиции духовно-нравственных основ человечества, влияния на развитие общества, социальный облик государства требует отдельных научных исследований.

Рассматривая проблему бездетных семей по причине осознанного отказа от деторождения, среди внешних факторов выделяют проблему «атомизации» современного общества. В зависимости от сложившейся системы ценностей, морально-нравственных потенциалов и имея возможность, люди выбирают формой семейных отношений или отсутствие семьи, или ограничение и исключение деторождения. Основными причинами респонденты называют: сложившийся образ жизни, который они не желают менять; вероятность снижения материального положения; неуверенность в социальной защищенности; возможность снижения карьерного роста; неуверенность в том, что смогут быть хорошими родителями [Фахрисламова 2015].

Просматривается парадоксальное несоответствие между желанием людей создать семью и осознанным отказом от основной ее функции – рождения и воспитания детей с целью продолжения рода, воспроизведения себе подобных. Демографическая проблема в российском обществе сегодня является достаточно острой. По данным переписи населения 2010 г., на 4-х взрослых рождается один ребенок¹⁰.

¹⁰ Всероссийская перепись населения. Т. 2 «Возрастно-половой состав и состояние в браке» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-05.pdf (дата обращения 20 октября 2021).

Заклучение

Набирающие темп парадоксальные и противоречивые семейные отношения в современном обществе, низкие показатели рождаемости указывают на необходимость кардинальной трансформации демографической политики, института семьи и брака. Являясь основой формирования отдельной личности, семья нуждается в укреплении. Как социальный институт семья должна быть детерминантой государственной политики, поскольку обеспечивает эволюционное устойчивое развитие общества.

Литература

- Буланова 2021 – Буланова М. Рец. на кн.: Шевченко И.О. Отцы и отцовство в современной России. М.: Трoвант, 2019 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2. С. 99–105.
- Бэттлер 2006 – Бэттлер А. О любви, семье и государстве: философско-социологический очерк. М.: КомКнига, 2006. 168 с.
- Гурко 2008 – Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 225 с.
- Иванов 2000 – Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
- Тартаковская 2005 – Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: Вариант, 2005. 368 с.
- Тощенко 2012 – Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 543 с.
- Фахрисламова 2015 – Фахрисламова Р.Т. Основные теоретические подходы к объяснению феномена бездетности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3 (127). С. 66–75.
- Чефранова 2006 – Чефранова Е.А. К вопросу о механизме регулирования имущественных отношений супругов (общие положения) // Российский судья. 2006. № 7. С. 2–6.
- Шевченко 2018 – Шевченко И.О. Зачем нужны отцы: размышление детей о важности отцов и их роли в семье // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2. С. 65–73.

References

- Bulanova, M. (2021), "Book Rev.: Shevchenko, I.O. (2019), 'Fathers and paternity in modern Russia. A sociological analysis', Trovant, Moscow, Russia", RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series, no. (2), pp. 99–105.
- Battler, A. (2006), O lyubvi, sem'e i gosudarstve: filosofsko-sotsiologicheskii ocherk [About love, family and the state. A philosophical and sociological essay], KomKniga, Moscow, Russia.

- Chefranova, E.A. (2006), "On the issue of the regulation mechanism in property relations of spouses (general provisions)", Russian judge, no. 7, pp. 2–6.
- Fakhrislamova, R.T. (2015), "Basic theoretical approaches to explaining the phenomenon of childlessness", Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes Journal, no. 3 (127), pp. 66–75.
- Gurko, T.A. (2008), Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia], Institut Sotsiologii RAN, Moscow, Russia.
- Ivanov, D.V. (2000), Virtualizatsiya obshchestva [Virtualization of society], Vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Shevchenko, I.O. (2019), "Why fathers are needed. Children's reflection on the importance of fathers and their role in the family", RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series, no. (2), pp. 65–73.
- Tartakovskaya, I.N. (2005), Gendernaya sotsiologiya [Gender Sociology], Variant, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2012), Parodoksal'nyi chelovek [Paradoxical man], 2nd ed. revised and enlarged, UNITY-DANA, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Галина В. Баранова, доктор социологических наук, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия; 302015, Россия, Орел, ул. Приборостроительная, д. 35; orel.bgv@gmail.com

Information about the author

Galina V. Baranova, Dr. of Sci. (Sociology), Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation, Orel, Russia; bld. 35, Priborostroitel'naya Street, Orel, Russia, 302015; orel.bgv@gmail.com

Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ

Марина Ю. Милованова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru*

Аннотация. Программы парламентских партий в России проанализированы на предмет отражения в них социальных интересов молодежи. Рассмотрена проблема, создают ли политические партии благодаря своим идеологиям и программным документам механизмы вовлечения молодых кадров в научно-исследовательскую деятельность, формируют ли политические институты образ будущего науки и образования для молодежи, насколько этот образ привлекателен и отвечает современному политическому языку и требованиям времени. Метод исследования: контент-анализ и фрейм-анализ текстов с гендерным акцентом для выявления наиболее значимых, выраженных в риторических практиках смыслов.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, образование, наука, гендер, партии, социальный интерес, образ будущего, выборы

Для цитирования: Милованова М.Ю. Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 97–106. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-97-106

Social interests of young people. Current party-political discourse and gender analysis

Marina Yu. Milovanova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, m_milovanova@mail.ru

Abstract. The programs of parliamentary parties in Russia are analyzed to reflect the social interests of young people. The article considers whether political parties through their inherent ideologies and policy documents create mechanisms for involving young cadres in research activities, whether political institutions form an image of the future of science and education for young people, how attractive that image is and meets the today political language and the requirements of the time. Research method: the content analysis and frame

analysis of texts with a gender accent to identify the most significant meanings expressed in the narratives rhetorical practices.

Keywords: youth, youth policy, education, science, gender, parties, social interest, image of the future, elections

For citation: Milovanova, M.Yu. (2021), "Social interests of young people. Current party-political discourse and gender analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 97-106, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-97-106

Введение

Социальный интерес как истинная причина социальных действий, побуждений, мотивов, идей, как та форма, где человек или социальная группа конкретно понимает свое настоящее положение и свои потребности, может и должен выступать основой для выработки актуальных программ и стратегий всеми социальными и политическими институтами. На этапе избирательной кампании 19 сентября 2021 г. по выборам в Государственную Думу VIII созыва стало актуальным исследовать партийно-политический дискурс в программах политических партий как участников избирательного процесса. Существует огромный запрос на присутствие интеллектуальных партий как ключевого механизма разработки научно обоснованных моделей желаемого будущего, как шанса на разработку схем опережающего реагирования при глобальных мировых и национальных кризисах и как костяка структуры политического общества, обеспечивающего стабильность государства. Образование и интеллектуальный продукт все более ретранслируются как нематериальный инвестиционный актив, а его получение входит в приоритетный социальный интерес как молодых людей, так и их родителей, старшего поколения. В докладе «Будущее образования: глобальная повестка» справедливо подчеркивается, что

провалы в образовании начинают восприниматься как ключевые источники проблем в политике и экономике – поэтому образование прорывается в повестку глобальных институтов и становится одной из наиболее горячих тем на всех национальных и глобальных экономических и культурных форумах¹.

¹ Будущее образования: глобальная повестка: Доклад [Электронный ресурс]. URL: <http://rusinfiguard.ru> (дата обращения 20 апреля 2021).

Теоретическая и методическая основа исследования

Базовая идея – К. Мангейма о молодежи как скрытом ресурсе, выступающем не только объектом воспитания и социализации, но и субъектом деятельности [Мангейм 1994]. Учитывается плюралистический подход в изучении элит и способы их рекрутирования М. Вебера [Вебер 2003], специфика информационного общества, когда индивиду навязчиво даются ориентиры, как надо выглядеть (мода), что надо покупать (реклама), как надо жить с учетом «нарцизации самопрезентации» [Бенхабиб 2003]. Важна трактовка Э. Ноэль-Нойман о «спирали молчания» [Ноэль-Нойман 1996]. Безусловно важны разработки российских авторов И.С. Кона [Кон 1989], Е.Л. Омельченко [Омельченко 2005], В.А. Лукова [Луков 2013], В.Ф. Левичевой [Левичева 2012], В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок [Социология молодежи 2008], М.Ю. Миловановой [Милованова 2017], актуализированных в публикациях Ю.А. Зубок [Зубок и др. 2021], Н.М. Великой [Великая, Князькова 2021; Великая, Шушпанова 2021], Е.И. Громовой, В.И. Терентьевой [Громова, Терентьева 2021].

С позиции партийно-политического дискурса в условиях нового электорального цикла программы парламентских партий активнее репрезентируются в публичное пространство и значимы для исследования как механизм вовлечения в конструктивную социально-значимую деятельность. Автором проведен контент-анализ актуальных положений программ парламентских партий, связанных с наукой и образованием, опубликованных на официальных сайтах, их сопоставимость по размеру, актуальности, фрейм-анализ текстов, подразумевающий выявление наиболее значимых, выраженных в риторических практиках смыслов. По наличию и частоте упоминания единицами анализа стали термины и понятия: гендерное равенство, наука, образование, будущее, молодежь, молодежная политика. Использовались также данные статистики и социологических исследований.

Анализ программ политических партий

В 50–60-е гг. XX в. на волне молодежных протестов, охвативших многие страны мира, появляется термин «молодежная политика», целью которой стало оказание влияния на социальное развитие и защиту молодежи. К концу столетия в мире насчитывалось около 100 государств, принявших специальные законы, нормативно-правовые акты по вопросам поддержки молодежи. Как и в мире в целом, в современном российском обществе снижается роль традиционных институтов социализации (государственных структур,

учреждений образования, семьи, религии), они заменяются новыми институтами и агентами политической социализации: электронными СМИ, интернет-ресурсами, «ближним» кругом друзей. Но при этом для России нельзя не учитывать традиционность доминанты и ресурса государства для проведения целостной молодежной политики. Важное место в политической социализации молодого поколения занимают политические партии, специфически влияющие на формирование общественного мнения, политическое образование и воспитание, активное и пассивное политическое участие молодежи в выборных процессах. Большое количество и разнообразие агентов и институтов политической социализации в обществе различной идеологической направленности порождает отличные друг от друга ценностные установки и нормы. Политические ориентации и нормы, транслируемые различными агентами и институтами политической социализации, порождают у молодежи конфликт ценностей и ориентаций.

Молодежь как объект воздействия государственных и общественно-политических институтов, как целевая группа вовлечения в деятельность политических партий и их воспроизводства в общественно-политическом процессе представляет собой крупную, но по удельному весу снижающуюся социально-демографическую группу – 24,6% населения². Для гендерного измерения показательно, что из 146,7 млн чел. населения в целом 78,6 млн – это женщины (54%) и 68,1 (46%) – мужчины. В молодежных возрастах от 15 до 35 лет женщин меньше, чем мужчин. По индексу развития молодежи (YDI), измеряемому по пяти ключевым областям: образование, здравоохранение, благосостояние, занятость, гражданское и политическое участие, Россия не теряет свои позиции – в 2013 г. 88 место среди 170 стран, в 2020 г. 52 место среди 183 стран (между Казахстаном и Беларусью)³. Примерно половина молодых россиян задумывается об эмиграции, но верит в свое светлое будущее. Среди прибывающей в Россию молодежи доля лиц с высшим образованием – 18%, среди выбывающих – 33%. Цифры прямо указывают: миграция из страны носит характер «утечки умов». 57% молодежи не проявляет интереса к политике⁴, а уровень поддержки полити-

² Росстат. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 20 мая 2021).

³ Доклад о человеческом развитии 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2020_overview_russian.pdf (дата обращения 20 мая 2021).

⁴ Левада. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/boleee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (дата обращения 20 мая 2021).

ческих партий, движений со стороны молодежи стабильно остается на низком уровне от 2 до 7%. Политические аналитики сходятся во мнении, что современные молодые люди выросли в период, совершенно не располагающий к традиционным формам политического участия, политическое поле «зачищено» и является результатом действия властей⁵. Молодежь существует в социуме, где в целом отмечается рост настроений российских граждан, не поддерживающих никакую партию, в 2007 г. таких было 34%, в 2011 г. – 35%, 2016 – 32%, в 2020 г. – до 46% [Как живешь... 2020].

Исследование актуальных программ партий показало следующее⁶.

Партия «Единая Россия» (ЕР) – партия власти – имеет самый объемный программный документ с широкой социальной платформой – 96 страниц или 18 029 слов, из них два упоминания термина «молодежь» и нет упоминаний «молодежная политика»; «будущее» 12 раз, «образование» 15 раз, «наука» два раза в связке с «образованием» и «культурой».

Партия «КПРФ» в своей программе из 14 страниц или 4454 слов провозглашает «КПРФ – партия будущего, а будущее принадлежит молодежи», «молодежь» и «молодежная политика» упоминается по одному разу.

Партия «Справедливая Россия» (СР), левоцентристская социалистическая партия, стала уникальным партийным проектом, уже дважды абсорбировала «слив» политических сил как перед думской избирательной кампанией 2007 г., так и в марте 2021 г. Программа «нового социализма» состоит из 28 страниц или 3268 слов, среди которых четыре упоминания слова «молодежь» и два упоминания «молодежная политика», «будущее» – нет, «наука» в связке с образованием.

Партия ЛДПР идеологически выступает за консерватизм, патриотизм, этатизм, панславизм, антиглобализм, имеет самую ем-

⁵ Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/>; ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozhnyj-aktivizm-obshhestvennaya-polza>; ФОМ, Retrieved from: <https://fom.ru/Politika/13285> (дата обращения 20 мая 2021).

⁶ «Единая Россия»: Программа партии // Официальный сайт. URL: <https://er.ru/party/program>; «Коммунистическая партия Российской Федерации»: Программа партии // Официальный сайт. URL: <https://kprf.ru/party/program>; «Либерально-демократическая партия России»: Программа партии // Официальный сайт. URL: <https://ldpr.ru/party>; «Справедливая Россия»: Программа партии // Официальный сайт. URL: <https://spravedlivo.ru/7634910> (дата обращения 20 мая 2021).

кую программу из пяти страниц или 990 слов, два упоминания слова «молодежь» и нет упоминаний «молодежная политика», слово «будущее» в контексте не встречается.

Программные положения в части образовательной политики и социальных интересов молодежи у ЕР и СР сходятся в поддержке молодых учителей, а КПрФ и ЛДПР обе за повышение стипендий. Также ЕР обещает поддерживать молодых ученых, развивать систему социальных гарантий для молодых ученых, включая предоставление и строительство жилья для постоянного и временного проживания, создание института поддержки молодых кандидатов наук. У ЕР есть упоминание про увеличение квот для сельской молодежи в высшие учебные заведения. У КПрФ устойчив контент связи качественного образования и СССР.

Понятий «гендер», «гендерное равенство» в программах партий вообще нет, у СР женщины упоминаются в связке проблем пенсий. Это может быть объяснено тем, что равные права женщин и мужчин и равные возможности их реализации – это один из основополагающих принципов, закрепленный Конституцией РФ. Нормы законодательства РФ о выборах и референдумах не разделяют избирательные права женщин и мужчин, а используют понятия «гражданин», «кандидат», «депутат» безотносительно к половой принадлежности участников избирательного процесса. Справедлива констатация «гендерного консервативного дискурса в политическом пространстве современной России, не коррелирующего с доминирующими социальными гендерными практиками» [Великая, Князькова, 2021]. По проведенному в их исследовании контент-анализу «женщины упоминаются в программах значительно чаще, чем мужчины (25 против 16), матери чаще, чем отцы (12 против 7).

К показателям, по которым можно сравнивать эффективность молодежной политики политических партий и реальность политики партий по отношению к молодому поколению относятся: насколько активно политическая организация привлекает в свои ряды молодежь; насколько охотно допускает ее представителей в состав своего руководства; насколько представлена молодежь в составе современной парламентской элиты. Сравним включение молодежи в избирательные списки по выборам в Государственную Думу в 2016 и 2021 гг. В 2016 г. партия «Единая Россия» выдвинула 400 человек, среди них молодых людей в возрасте от 21 до 35 лет – 46 человек, что составляет 11,5%. Партия выдвинула наибольшее количество кандидатов, но наименьшее количество молодежи, чем другие партии. КПрФ из 391 человека по партийным спискам выдвинула 55 человек из числа молодежи, что со-

ставило 14%. ЛДПР является рекордсменом среди парламентских партий по количеству молодых людей в федеральном списке. Из 313 кандидатов 153 человека в возрасте до 35 лет, что составляет практически половину партийного списка (48,8%). «Справедливая Россия» выдвинула 333 кандидатов по федеральным спискам, среди них молодежь была представлена 14,7% (49 человек) [Милованова 2017, с. 78]. Анализ данных (табл. 4) по возрасту выдвинутых кандидатов по выборам в Государственную Думу 2021 г. позволяет сравнить молодежную кадровую политику основных участников избирательного процесса.

Таблица 1

Количество зарегистрированных кандидатов по выборам в ГД ФС РФ, их средний возраст и % молодежи

Политическая партия	Число зарегистрированных кандидатов по выборам в ГД ФС РФ	Средний возраст зарегистрированных кандидатов по выборам в ГД ФС РФ	Молодежь в возрасте 18–30 лет, %
Единая Россия	610	51	2
КПРФ	566	49	2
ЛДПР	428	40	17
СР	518	48	4
Яблоко	431	43	14
Новые Люди	393	34	41

Источник: ЕДГ 2021.info.vybory.pro

Такие количественные показатели отражают качественное состояние «старых» партий, весьма скромно ставящих в избирательные списки молодых людей, слабо применяющих действующий инструмент политической социализации, вовлечения в политику новые поколения избирателей и, таким образом, не омолаживают программно-политический дискурс в публичном пространстве. Лидерство среди парламентских партий занимает ЛДПР, однако в 2021 г. в сравнении с 2016 г. число молодых людей среди зарегистрированных кандидатов в партийных списках стало почти в три раза меньше и, как следствие, партия снизила количество мандатов в парламенте с 39 до 21. В более выгодном свете выглядят партии «Яблоко» и «Новые люди», делающие ставку на молодежь.

ный электорат, однако до уровня ЛДПР образца 2016 г. не дотянувшие. Итоги избирательной кампании 2021 г. уже показали, что партия «Новые люди», сделавшая ставку на молодежный электорат и кадровый подбор кандидатов из молодежной социальной группы, провела успешную избирательную кампанию и сформировала свою фракцию.

Заключение

Политические партии призваны отражать социальные интересы молодого поколения, способного к новому электоральному выбору, благодаря идеологиям, программным документам и механизмам вовлечения молодых кадров в научно-исследовательскую деятельность. Риски для молодежи как социальной общности, более чувствительной к маркетинговым ходам со стороны политических партий и организаций, легко мобилизуемой со стороны внепарламентской оппозиции, с менее неопределенными и нестабильными политическими взглядами, в постмодерне – хрупком и текучем, когда социализация происходит в конкурентной среде с доминированием средств массовой коммуникации, закономерно повышаются. Проведенное исследование показало партии как слабых акторов вовлечения молодежи в сферы наиболее интересные для них – науку и образование, не в полной мере использующих универсальную технологию работы с молодежью для развития человеческого капитала в современной России. Желаемый базовый принцип молодежной политики заключается в поддержке гражданского и политического участия на всем протяжении электоральных циклов, а не только в преддверии выборов. Молодой человек, полноценно участвующий в жизни своей страны, с большей вероятностью в будущем способен стать активным гражданином и избирателем на протяжении своей жизни. Это возможно, если политическое участие молодого человека, независимо, девушки или юноши, будет социально значимо, обусловлено их социальным интересом и потребностью. Для нового поколения чисто формальные действия неактуальны, ему важна эмоциональная вовлеченность и высокая степень доверия. Привлекательность политических программ закономерно определяется соответствием требованиям современного политического языка и публичной риторике, а также понятностью образа будущего, реальностью ответов на вызовы настоящего, что актуально для всех половозрастных групп.

Литература

- Бенхабиб 2003 – *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Вебер 2003 – *Вебер М.* Политические работы: 1895–1919. М.: Праксис, 2003. 422 с.
- Великая, Князькова 2021 – *Великая Н.М., Князькова Е.А.* Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // *Женщина в российском обществе. Российский научный журнал.* 2021. Спец. выпуск. С. 25–37.
- Великая, Шушпанова 2021 – *Великая Н.М., Шушпанова И.С.* Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки.* 2021. Т. 14. № 2. С. 29–40.
- Громова, Терентьева 2021 – *Громова Е.И., Терентьева В.И.* Факторы формирования мотивационного репертуара социальной мобильности // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2021. № 2. С. 80–88.
- Зубок и др. 2021 – *Зубок Ю.А., Чупров В.И., Сорокин А.В.* Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // *Женщина в российском обществе.* 2021. Т. 0. № 5. С. 38–59.
- Как живешь, Россия 2020 – Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / Отв. ред. В.К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020. 64 с.
- Кон 1989 – *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
- Левичева 2012 – *Левичева В.Ф.* Социальное самоопределение молодежи // *Знание. Понимание. Умение.* 2012. № 2. С. 322–324.
- Луков 2013 – Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. монография / Под общ. и ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 718 с.
- Мангейм 1994 – *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Милованова 2017 – *Милованова М.Ю.* Молодежная политика как основа развития социального капитала в современной России // *Социальная политика и социология.* 2017. Т. 16. № 6 (125). С. 74–82.
- Нозль-Нойман 1996 – *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия: Весь мир, 1996. 352 с.
- Омельченко 2005 – *Омельченко Е.Л.* Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // *Журнал исследований социальной политики.* 2005. Т. 3. № 1. С. 59–86.
- Социология молодежи 2008 – *Социология молодежи: Энциклопедический словарь* / Отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. 322 с.

References

- Benhabib, S. (2003), *Priyazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru* [The claims of culture. Equality and diversity in the global Era], Logos, Moscow, Russia.
- Chuprov, V. and Zubok, Yu. (eds.) (2008), *Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskii slovar'* [The Sociology of youth. Encyclopedic dictionary], Academia, Moscow, Russia.
- Gromova, E. and Terent'eva, V. (2021), "Factors of the formation of the motivational repertoire of social mobility", RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series, no. 2, pp. 80–88.

- Kon, I. (1989), *Psikhologiya rannei yunosti* [Psychology of early youth], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Levicheva, V. (2012), “Youth’s social self-determination”, *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2, pp. 322–324.
- Levashov, V.K. (ed.) (2020), *Kak zhivesh’, Rossiya?* [How do you live, Russia? Express information. 50th stage of sociological monitoring, August–September 2020], Perspektiva, Moscow, Russia.
- Lukov, Val.A. (ed.) (2013), *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: rossiiskaya i mirovaya praktika realizatsii v obshchestve innovatsionnogo potentsiala novykh pokolenii: nauch. monografiya* [State Youth Policy. Russian and world practice of implementing the innovative potential of new generations in society], Izdatel’stvo Moskovskogo gumanit. universiteta, Moscow, Russia.
- Mannheim, K. (1994), *Diagnoz nashego vremeni* [The diagnosis of our time], Yurist, Moscow, Russia.
- Milovanova, M. (2017), “Youth policy as the basis for the development of social capital in modern Russia”, *Social Policy and Sociology*, vol. 16, no. 6 (125), pp. 74–82.
- Michels, R. (1990, 1991), “Sociology of a political party in a democracy”, *Dialog*, 1990, no. 5; no. 9; 1991, no. 4.
- Noel-Neuman, E. (1996), *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [Public Opinion. The discovery of the spiral of silence], Progress-Akademiya, Ves’ mir, Moscow, Russia.
- Omel’chenko, E.L. (2005), “Youth activism in Russia and global transformations of its meaning”, *Journal of Social Policy Research*, vol. 3, no. 1. pp. 59–86.
- Velikaya, N. and Knyazkova, E. (2021), “Reproductive women rights in political discourse of modern Russia”, *Woman in Russian Society. Russian Scholarly Journal*, Special issue, pp. 25–37.
- Velikaya, N. and Shushpanova, I. (2021), “Russian youth about prospects and images of the future socio-political development of the country”, *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 29–40.
- Weber, M. (2003), *Politicheskie raboty, 1895–1919* [Political works, 1895–1919], Praxis, Moscow, Russia.
- Zubok, Yu., Chuprov, V.I. and Sorokin, O.V. (2021), “Meanings in self-regulation of young people’s life: gender differences in the labor sphere”, *Woman in Russian Society. Russian Scholarly Journal*, vol. 0, no. S, pp. 38–59.

Информация об авторе

Марина Ю. Милованова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; m_milovanova@mail.ru

Information about the author

Marina Yu. Milovanova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; m_milovanova@mail.ru

Формы организации досуга и оздоровления пожилых людей в условиях стационарного учреждения

Олеся А. Бажутова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, Bajutova.olesya@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется конкретный опыт работы Черкизовского психоневрологического интерната по организации досуга и оздоровления людей, страдающих хроническими психическими заболеваниями, в той или иной степени оказывающих влияние на их дееспособность.

Среди досуговых форм, помогающих социальной адаптации проживающих в интернате, показаны: проведение занятий по декоративно-прикладному искусству; фристайл-мотокроссов с опытными инструкторами; проведение экскурсий и туристических походов; реабилитация пациентов с помощью специально обученных собак. Новые возможности для организации и проведения досуга открывает программа «Активное долголетие в Черкизово». Среди практик оздоровления автор выделяет: использование сухой углекислой ванны и галотерапию; занятия скандинавской ходьбой с элементами дыхательной гимнастики; применение криотерапии, гирудотерапии, прессотерапии и криосауны.

В интернате проводится постоянный мониторинг эффективности досуговых и оздоровительных методик для улучшения социального самочувствия пользователей социальных услуг. Автор делает вывод, что чуткое, внимательное отношение администрации и персонала к пожилым людям и инвалидам, а также использование передовых методов организации досуга и оздоровления способствуют максимальному сохранению и развитию их индивидуальных способностей.

Ключевые слова: организация досуга, практики оздоровления, пожилые люди, стационарное учреждение

Для цитирования: Бажутова О.А. Формы организации досуга и оздоровления пожилых людей в условиях стационарного учреждения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 107–115. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-107-115

Forms of the leisure and health improvement of the elderly in a stationary institution

Olesya A. Bazhutova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, Bajutova.olesya@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the concrete experience of the work of the Cherkizovsky psycho-neurological care home in organizing the leisure and health improvement for people suffering from chronic mental illnesses, which to some extent affect their legal capacity.

Among the leisure forms that help the social adaptation of those living in the care home, the following are shown: conducting classes in arts and crafts; freestyle motocross with experienced instructors; carrying out excursions and tourist trips; rehabilitation of patients with the help of specially trained dogs. The program “Active Longevity in Cherkizovo” opened a new opportunities for organizing and spending leisure time. Among the healing practices, the author point out: the use of a dry carbonic bath and halotherapy; Nordic walking classes with elements of breathing exercises; application of cryotherapy, hirudotherapy, pressotherapy and cryosauna.

The Cherkizovsky care home constantly monitors the effectiveness of leisure and health-improving methods for bettering the social well-being of the social services users. The author concludes that the sensitive, attentive attitude of the administration and staff towards the elderly and the disabled, as well as the use of advanced methods of organizing leisure and recreation, contribute to the maximum preservation and development of their individual abilities.

Keywords: organization of leisure time, health practices, elderly people, stationary institution

For citation: Bazhutova, O.A. (2021), “Forms of the leisure and health improvement of the elderly in a stationary institution”, *RSUH/RGGU. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 107-115, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-107-115

Введение

Проблемы социальной адаптации людей с ментальными нарушениями, пребывающих в условиях стационарных учреждений, нечасто становятся предметом научного анализа. За последнее время можно назвать лишь несколько работ, затрагивающих различные аспекты жизнедеятельности этой социально уязвимой категории населения [Кос, Карпова, Антонова 2009; Клепикова, Утехин, 2012; Клепикова, 2013]. В статье поставлена задача представить конкретный опыт работы с этими гражданами через организацию

досуговых и оздоровительных практик в рамках специализированного учреждения.

Государственное автономное стационарное учреждение социального обслуживания Московской области «Черкизовский психоневрологический интернат» расположен в селе Черкизово г. о. Коломна Московской области. В интернате проживают граждане пожилого возраста и инвалиды, которые страдают хроническими психическими заболеваниями, приведшими к полной или частичной потере способности к самообслуживанию и (или) передвижению. Администрация, сотрудники и потребители социальных услуг находятся в постоянном диалоге с целью повышения уровня комфорта и уюта проживания в условиях данного учреждения.

Формы проведения досуговых мероприятий

Одним из основных направлений работы интерната является организация содержательного, насыщенного и разнообразного досуга проживающих.

«Красота рукодельная» – проведение занятий по декоративно-прикладному творчеству под руководством профессионального наставника. Участники вышивают крестом, готовят поделки из соломки, батика, бисера, кожи. Они освоили технику «квиллинг» (скручивание бумажных полосок в различные элементы для картин), «декупаж» (декорирование различных предметов с помощью бумажных салфеток, клея, шпатлевки и лака), «макраме», «изонить» (графическая техника рисунка с помощью нитей на твердой основе – картоне или плотной бумаге), «бисероплетение».

Проводятся занятия по освоению различных техник и способов рисования (правополушарное рисование, изготовление картин из шерсти методом послойного выкладывания, рисование солью, картины по номерам, раскраски анти-стресс, пластилино-графия, изготовление агамогрофа). Наконец, в числе практик – изготовление мягких игрушек (куклы-мотанки, куклы из ниток, бумажные куклы, текстильные игрушки, вязаные игрушки, ватная игрушка).

Как отмечают сами посещающие данный вид досуга:

Занятия по арт-терапии помогают нам раскрывать наш внутренний потенциал, помогают бороться с проблемами. Мы стараемся на занятиях познать себя, развивать свои творческие способности, учимся выражать свои чувства¹.

¹ Архив автора. Получатель социальных услуг – Марина, 29 лет.

«*Мототерапия*» – применение мотоциклетной техники, которой управляют профессиональные спортсмены муниципального бюджетного учреждения «Спортивно-технический комплекс “Экстрим”». Ежегодно на мототрассе в районе Бочманово, а также на территории интерната проводится благотворительное мероприятие «Мототерапия», организаторами которого выступает лучший мото-фристайлер России – Алексей Колесников и его команда “FMX-13”.

Социальный благотворительный проект «Мототерапия» – это шоу по фристайл-мотокроссу для людей с ограниченными возможностями здоровья, закрытое мероприятие с числом участников не более 100 чел. Во время шоу профессиональные спортсмены сначала показывают трюки, потом общаются с клиентами учреждения, катают их на мотоциклах, дают автографы, вместе проводят время.

Вот как об этом пишут сами участники:

Для меня мототерапия – это возможность сесть на мотоцикл в компании с опытным пилотом и просто отжаться движению, почувствовать, как бурлит адреналин в крови, в теле и душе появляется легкость. А потом, если возникнет сильное желание, рассказать своему водителю все, что давно накопело, и выслушать дружеский совет².

«*Туротерапия*» – регулярный выезд на познавательные мероприятия и экскурсии, а также туристические походы, помогающие в создании безбарьерной среды. Ежегодно организуется и проводится порядка 100 выездов за территорию интерната (посещение храмов Коломенского городского округа, родины Сергея Есенина в с. Константиново, выставочных центров, спортивных объектов и культурно-досуговых учреждений гг. Москвы и Санкт-Петербурга, Рязани, Нижнего Новгорода).

Вот что говорят участники таких мероприятий:

Традиционно в летний период мы с моими друзьями из интерната отправляемся в 2-дневный туристический поход, где учимся обустроить палаточный городок, готовим пищу на костре, играем в подвижные игры на свежем воздухе и проводим спортивные состязания³.

«*Канистерапия*» – реабилитация с использованием специально отобранных и обученных собак. Интернат сотрудничает с Коло-

² Архив автора. Получатель социальных услуг – Андрей, 32 года.

³ Архив автора. Получатель социальных услуг – Федор, 48 лет.

менской волонтерской организацией «Зоркие сердца», сотрудники которой со своими «червероногими» друзьями приезжают в гости к нашим проживающим и наполняют радостью, любовью и незабываемыми впечатлениями не только сердца участвующих в занятиях, но и всех сотрудников.

Каждый приезд волонтеров с собаками в интернат используется как эффективный вид терапии. Несмотря на то, что занятия проходят непринужденно и легко, каждое из них ориентировано на достижение определенных целей и результатов. В ходе общения с собаками наши проживающие начинают более эффективно и открыто общаться между собой и с сотрудниками, понимать значение невербальной коммуникации, и это лишь небольшая часть пользы от проведения подобной терапии.

Как отмечают участники:

Каждое занятие с собаками – это настоящий праздник для всех нас, вне зависимости от возраста и проблем, с которыми каждый сталкивается. Во время занятий у всех без исключения улыбка на лице и настоящий восторг в душе⁴.

«Активное долголетие в Черкизово» – инновационный проект в рамках социального проекта губернатора Московской области А. Воробьева «Активное долголетие», объединил 50 получателей социальных услуг интерната, который позволяет улучшить качество жизни людей предпенсионного и пенсионного возраста с помощью создания новых возможностей для активного долголетия (скандинавская ходьба, ЛФК, танцы, йога, пение, театральная студия, изучение современных компьютерных технологий, трудотерапия и многое другое).

Практики оздоровления проживающих в интернате

Необходимо подчеркнуть тот факт, что интернат имеет бессрочную лицензию на медицинскую и фармацевтическую деятельность с целью сохранения здоровья и оздоровления нуждающихся, поэтому медицинская часть оснащена современным качественным оборудованием. Среди инновационных проектов можно выделить следующие:

⁴ Архив автора. Получатель социальных услуг – Светлана, 54 года.

«*Быть здоровым – это модно*» – программа действий, направленная на позитивное изменение у получателей социальных услуг отношения к своему здоровью и отказ от вредных привычек. Важно донести до получателей социальных услуг, что здоровье является необходимым условием долголетия. Мы используем в своей работе сухую углекислую ванну (СУВ «Реабокс») и галотерапию. В учреждении действует галокамера в виде галокабинета, позволяющая принимать одновременно несколько человек без опасности столкнуться с побочными эффектами от принятия данной процедуры.

Сухие углекислые ванны – отличный способ нормализовать работу своего организма, тонизировать его. Отличительной особенностью данного вида ванн является бережная техника воздействия на человека активных веществ (влияние таких достаточно агрессивных компонентов, как температура и вода, полностью исключено, гидростатическое давление отсутствует).

«*Движение – кладовая жизни*» – применение скандинавской ходьбы для передвижения получателей социальных услуг со специальными палками с наконечниками, использование вертикализаторов для фиксации маломобильных пациентов в положении стоя в целях безопасной тренировки индивидуальных навыков самообслуживания, отдельных двигательных функций. Кроме того, занятия лечебной физкультурой занимают не последнее место в снижении гиподинамии, особенно среди пожилых инвалидов.

Вот как описывает свои впечатления один из участников проекта:

Мне очень нравятся занятия скандинавской ходьбой с элементами дыхательной гимнастики. Наша группа проводит свои занятия на берегу реки Москвы, где всегда свежий воздух. После занятий я чувствую прилив сил и бодрости⁵.

«*Криотерапия – наш путь к здоровью*» – проект избавления от новообразований, становится с каждым днем все популярнее. Связано это с тем, что такой метод является наиболее щадящим и безболезненным по сравнению с хирургическим удалением и более эффективным по отношению к другим методам. Благоприятные особенности жидкого азота, или как его еще называют – искусственного холода, известны уже давно. В результате устраняется косметический дефект кожи, дискомфорт при ходьбе, снижается риск распространения инфекции на прилегающие здоровые ткани.

⁵ Архив автора. Получатель социальных услуг – Григорий, 58 лет.

«*Секрет тиявки в ее секрете*» – проект применения гирудотерапии. Процедура проводится по назначению врача после информационной беседы с получателем социальных услуг и его согласия на проведение процедуры с учетом терапевтического осмотра и результатов анализов крови. После сеансов гирудотерапии у пациентов отмечались снижение депрессивного синдрома, появление бодрости, нормализация сна. Кроме того, уменьшилась тяга к курению и количество выкуриваемых сигарет у злостных курильщиков. У пациентов с сахарным диабетом отмечалось снижение сахара в крови, повышенного артериального давления. У молодых женщин отмечалась нормализация менструального цикла, облегчение протекания климактерического синдрома.

«*Здоровые сосуды – путь к долголетию*» – проект использования массажа не только мануального, но и аппаратного (массажная кровать и массажное кресло), не уступающих по воздействию рукам массажиста. В результате поддерживается тонус сосудов, устраняются застойные явления в органах, отступают многие заболевания (плоскостопие, остеохондроз, невралгия).

Совсем недавно был внедрен метод прессотерапии. Прессотерапия – это не обычный, а лимфодренажный массаж, направленный на устранение избытка жидкости из организма. При такой процедуре осуществляется комплексное воздействие на лимфатическую систему путем сжатого воздуха, который подается сквозь особенные манжеты. Хороший эффект получен при вялых параличах, парезах, отмечается снижение обострений остеохондроза, улучшении общего состояния. О своем ощущении после сеансов прессотерапии рассказал один из пациентов:

Массаж сжатым воздухом помогает мне устранять застой крови и лимфы в сосудах нижних конечностей. У меня снижается тяжесть и боли в ногах, появляется легкость при ходьбе. Я много времени провожу на постельном режиме, поэтому для меня эти процедуры крайне необходимы⁶.

«*Криосауна – средство оздоровления и профилактики заболеваний*» – проект оздоровления организма с помощью холода. Речь идет о лечении множества заболеваний, в том числе болезней суставов, внутренних органов, позвоночника, органов дыхания. Кроме этого, воздействие низких температур оказывает омолаживающий эффект на кожу человека.

Внешне криосауна напоминает солярий. Процедуры здесь также проводятся стоя. Однако внутри все устроено совершенно дру-

⁶ Архив автора. Получатель социальных услуг Дмитрий, 61 год.

гим образом. В отличие от солярия в криосауне на человека не воздействует ультрафиолет. Основной элемент воздействия здесь – охлажденный газ (жидкий азот), достигающий температуры минус 130–140 градусов. По отзывам пациентов, применяющих криосауну, «улучшилось состояние суставов, нормализовался сон, появились приливы жизненных сил и бодрость»⁷.

Психологами интерната проводится регулярный внутренний мониторинг настроения и пожеланий получателей социальных услуг, а также анонимное анкетирование, которое позволяет выявить появившиеся недостатки в работе учреждения и в короткие сроки исправить их. Немаловажное значение имеют личные встречи и общие собрания проживающих с руководством интерната. Данные встречи проходят на регулярной основе и позволяют сторонам максимально точно услышать друг друга, выработать доверие друг к другу и вместе определить направление дальнейшей работы интерната на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Что касается внешнего мониторинга, то в муниципальные и областные средства массовой информации (газеты «Коломенская правда», «Ять», «Коломенское телевидение», журнал «Социальная защита. Подмосковье» и др.) регулярно передаются для публикации и подготовки репортажей статьи о наиболее значимых событиях из жизни интерната, о его деятельности, о предоставляемых услугах и т. д.

В 2020 г. мир столкнулся с пандемией COVID-19, борьба с которой затронула и интернат. В период с середины марта до конца лета 2020 г. получатели социальных услуг находились на самоизоляции, а сотрудники работали вахтовым методом, проживая на территории учреждения. Для того чтобы преодолеть новые вызовы судьбы, пришлось кардинальным образом поменять привычный ритм жизни и построить новые алгоритмы работы. Участие в мероприятиях, конкурсах, семинарах, а также кружковая досуговая деятельность проводились в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в режиме онлайн. Все лечебно-оздоровительные мероприятия были скорректированы в соответствии с мерами борьбы с распространением коронавирусной инфекции. Предпринятые меры позволили сохранить жизни клиентов и рабочие места сотрудникам, продолжить на высоком уровне оказывать социальные услуги нуждающейся категории граждан в новых эпидемиологических условиях.

⁷ Архив автора. Получатель социальных услуг Марина, 29 лет.

Заключение

Занятия искусством, творчеством, лечебной физкультурой и спортом, а также подбор своевременных профессионально-ориентированных методик лечения играют главную роль в создании диалога между проживающими и сотрудниками интерната. Все формы досуговых и оздоровительных практик являются средством, способствующим максимальному сохранению и развитию индивидуальных способностей граждан пожилого возраста и инвалидов, удовлетворению их интересов, а также их интеграции в жизнь общества.

Такая форма работы, где проживающие в интернате граждане и сотрудники чувствуют себя одной семьей, помогают и доверяют друг другу, учитывают интересы каждого, занимаются общим делом и вместе участвуют в проводимых мероприятиях, позволяют создать уютную, психологически комфортную обстановку, способствующую успешной социализации проживающих граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Литература

-
- Клепикова, Утехин 2012 – *Клепикова А., Утехин И.* Взрослость инвалидов, проживающих в психоневрологическом интернате // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 3–67.
- Кос, Карпова, Антонова 2009 – *Кос А.В., Карпова Г.Г., Антонова Е.П.* Качество жизни лиц с ограниченными возможностями в условиях проживания в интернатах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 12 (2). С. 131–152.
- Клепикова 2013 – *Клепикова А.А.* Дееспособность подопечного психоневрологического интерната: социальное конструирование правового статуса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4 (69). С. 78–93.

References

-
- Klepikova, A. and Utekhin, I. (2012), "Adulthood of disabled people living in a psycho-neurological care home", *Antropologicheskii forum [Anthropological forum]*, no. 17, pp. 3–67.
- Kos, A.V., Karpova, G.G. and Antonova, E.P. (2009), "The quality of life of people with disabilities living in the care homes", *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii (The journal of Sociology and Social Anthropology)*, no. 12 (2), pp. 131–152.
- Klepikova, A.A. (2013), "Legal capacity of a ward of a psycho-neurological care home. Social construction of the legal status", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii (The journal of Sociology and Social Anthropology)*, no. 4 (69), pp. 78–93.

Информация об авторе

Олеся А. Бажутова, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Vajutova.olesya@yandex.ru

Information about the author

Olesya A. Bazhutova, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Vajutova.olesya@yandex.ru

УДК 75.04

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-116-142

Костюмированные изображения à la turque в русской живописи XVIII в.

Анастасия А. Горбунова

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия
aagorbunova@rambler.ru*

Римма А. Тимофеева

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия
rimma.a.timofeeva@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается ряд живописных костюмированных изображений à la turque, т. е. в восточном вкусе, созданных в России в XVIII в. Исследуемые произведения разделяются на две группы: костюмировано-типажные изображения обитателей мусульманского мира и костюмированный портрет à la turque. Представляется, что средством создания «восточного» образа в этих произведениях явилась костюмизация – облачение модели в экзотический наряд, воспринимаемый как национальный костюм народов мусульманского Востока. В ходе настоящей работы изучается история создания костюмированных изображений à la turque в русском искусстве XVIII в., рассматривается состав и специфика экзотического костюма, анализируются художественно-стилистические и жанровые особенности исследуемых произведений, а также по возможности выявляются их изобразительные источники.

Ключевые слова: костюмированные изображения, восточный костюм, экзотика, мусульманский Восток, костюмированный портрет, костюмизация, русская живопись XVIII в., à la turque

Для цитирования: Горбунова А.А., Тимофеева Р.А. Костюмированные изображения à la turque в русской живописи XVIII века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 116–142. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-116-142

© Горбунова А.А., Тимофеева Р.А., 2022

Costumed images à la turque in Russian painting of the 18th century

Anastasiya A. Gorbunova

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
Saint Petersburg, Russia, aagorbunova@rambler.ru*

Rimma A. Timofeeva

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
Saint Petersburg, Russia, rimma.a.timofeeva@gmail.com*

Abstract. The article considers a number of picturesque costumed images à la turque, which means in the oriental taste, created in Russia in the 18th century. The studied works are divided into the costumed and typical images of the inhabitants of the Muslim world and a costumed portrait à la turque. It is believed that the means of creating an “oriental” image in those works was a costumizing – dressing a model in an exotic outfit perceived as a national costume of the peoples from the Muslim Orient. The work studies the history of creating costumed images à la turque in Russian art of the 18th century. It also deals with the composition and specificity of exotic costumes, the artistic-stylistic and genre features of the works under study and, when possible, identifies their pictorial sources.

Keywords: costumed images, oriental costume, exotics, Muslim Orient, costumed portrait, costumizing, Russian painting of the 18th century, à la turque

For citation: Gorbunova A.A., Timofeeva, R.A. (2022), “Costumed images à la turque in Russian painting of the 18th century”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 116-142, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-116-142

XVIII столетие – время, когда Россия чрезвычайно быстро усваивала художественный опыт Европы, черпала из ее искусства новые формы, сюжеты и мотивы, улавливала ее модные тенденции. Среди всего прочего Россия переняла у Запада увлечение экзотикой мусульманского Востока, в первую очередь Османской империи и Персии. В Европе это увлечение широко распространилось еще во второй половине XVII в.; западное светское общество прониклось любопытством к неизведанным, диковинным народам, очаровывалось, а иногда и ужасалось проявлениями их «варварской» культуры и быта [Саид 2006; Nochlin 1991; Rosenthal 1982].

Для Запада XVII–XVIII вв. важным источником сведений о жизни мусульманского Востока оказывается национальный костюм; благодаря своей оригинальности и экзотичности он становится для Запада своеобразным маркером мусульманского мира, поэтому европейское, а следом и русское увлечение Востоком проявляется в первую очередь в использовании национального платья. Восточный наряд встречается в театральных представлениях, служит маскарадным и балльным одеянием, он присутствует в литературе и изобразительном искусстве, его носят даже в повседневной жизни. Таким образом, костюмизация становится главным средством создания восточного образа. В живописи это наиболее полно выразилось в костюмированных изображениях в восточном вкусе или, другими словами, в костюмированных изображениях *à la turque*. Сюда можно отнести две группы произведений. Первую группу составляют костюмированные изображения представителей мусульманского общества, но не конкретных людей, а обобщенных типажей – султанов и султанш, султанских слуг, визирей, дервишей, молодых турок, турчанок и прочих весьма условных персонажей. Вторая группа – это костюмированный портрет, где портретируемый представляет не только самого себя, но и некий восточный персонаж.

В отечественной живописи XVIII в. насчитывается не так много костюмированных изображений *à la turque* – в России заказ на подобного рода произведения не носил массового характера. Возможно, в силу сложных политических взаимоотношений с Османской Портой Россия не видела и не могла видеть в использовании восточного костюма лишь невинную игру.

Если на Западе Восток был «лекарством от страданий», то в России, наоборот, приносил их в буквальном смысле. Именно политическая подоснова отличала «серьезное» российское «тюркери» от его западноевропейского «увеселительного» варианта [Андропова 2008, с. 51–52].

Те немногие произведения, которые можно отнести к костюмированным изображениям *à la turque*, крайне редко становились предметом исследования или вовсе не привлекали внимания специалистов. Впрочем, исследовательский фундамент все же был заложен в трудах отечественных историков искусства О.С. Евангуловой [Евангулова 1974], Т.В. Яблонской [Яблонская 1977] и Ю.И. Чежиной [Чежина 2006a], [Чежина 2006b]. Отдавая должное данным исследованиям, следует признать, что вопрос «восточной» костюмизации в отечественном искусстве XVIII в. остается открытым. В связи с этим актуальность приобретает изучение костюмированных изображений *à la turque* в русской жи-

вописи указанного столетия. Для этого представляется целесообразным:

- изучить историю формирования и распространения костюмированных изображений восточных типажей в европейском искусстве;
- исследовать условия бытования подобных изображений, созданных в России в XVIII в.; по возможности выявить их изобразительные источники и проанализировать их художественно-стилистические особенности;
- рассмотреть костюмированные портреты à la turque, созданные в России в XVIII в.; проанализировать их художественно-стилистическое и жанровое своеобразие, исследовать состав и специфику экзотического костюма портретируемых.

Костюмировано-типажные изображения обитателей Востока

Обратимся к первой группе костюмированных изображений à la turque в русской живописи XVIII в. – к условным изображениям обитателей Востока. Для этого сначала прибегнем к истории европейского искусства, поскольку репрезентация мусульманского мира в России осуществлялась под влиянием западных образцов.

Начало в длительном процессе художественного освоения Востока Западом было положено европейскими художниками-путешественниками. Постигая мусульманский мир, они останавливали свое внимание на особенно примечательных, экзотических для западного глаза персонажах. Результатом художественной фиксации этих лиц становились целые серии изображений типичных представителей восточного, прежде всего османского общества – турецких вельмож, визирей, офицеров, знатных дам, торговцев, муфтиев, дервишей, молодых турок и турчанок. К ранним изображениям подобного рода можно отнести рисунки Джентиле Беллини («Сидящий янычар» и «Сидящая турчанка», ок. 1480 г., Британский музей), а также гравированные изображения датского художника Мельхиора Лорха. Уже в начале XVIII в. изображения обитателей Востока приобретают широкую популярность – турецкие всадники, султанши, визири, турчанки появляются у Корнелия де Бруина, Жана-Батиста Ван Мура, Бернара Пикара, Никола Ланкре, Жана-Этьена Лиотара, Жана-Батиста Лепренса, Теодора Вьєро и других. Примечательна также масштабная серия живописных полотен с изображениями представителей многонационального

османского общества в соответствующих костюмах из коллекции замка Вюрберк (Птуй, Словения) [Vidmar 2005]. Более двадцати полотен были созданы в 1680-е гг. неизвестными авторами. Основной для женских изображений серии стали гравюры из сборника “Recueil de Divers Portraits des Principales Dames de la Porte Du Grand Turc”¹, выполненные по рисункам французского художника Жоржа де ла Шапеля.

Особо стоит отметить творчество художника Ж.-Б. Ван Мура, который в 1699 г. прибыл в Константинополь в составе французской дипломатической миссии под началом посла Людовика XIV графа Шарля д’Аржантала де Ферриоля [Нефедова 2009]. На протяжении нескольких лет мастер наблюдал и фиксировал моменты османской повседневности. В 1712–1713 гг. свет увидела его известная серия костюмированных изображений жителей Стамбула, изданная в виде собрания гравюр под названием «Сто гравюр с изображением различных народов Леванта...». Это собрание ожидал поразительный успех, именно оно положило начало широкому распространению оттоманской тематики; гравюры Ван Мура разошлись практически по всей Европе и долгое время считались достоверным источником сведений о восточных типажах и костюмах.

Многочисленные живописные и гравированные серии изображений обитателей мусульманского Востока основательно закрепили в европейском художественном сознании некоторый набор обобщенных стереотипных восточных типажей – султанов и султанш, визирей, евнухов, молодых турчанок, янычар и т. д. Эти герои стали некими застывшими изобразительными константами, они не претендуют на глубину и индивидуальность, не способны к рефлексии, их сущность – «экзотика ради экзотики», столь интересующая западного зрителя.

Основным средством создания типажных восточных образов стала костюмизация. При этом роль национального костюма здесь настолько велика, что именно он, а не человек (пусть и некий обобщенный персонаж) становится главным героем этих произведений. По этой причине можно говорить не просто о типажных, а именно о костюмировано-типажных изображениях.

Обладая множеством функций, костюм, наряду с функциями практическими, имеет и ту, которая делает его «одновременно и вещью и знаком» [Богатырев 1971, с. 345–346]. Действительно,

¹ Recueil de Divers Portraits des Principales Dames de la Porte du Grand Turc. Tirée au naturel sur les lieux, et Dediez a Madame la Comtesse de Fiesque. Paris, 1648.

в изобразительном искусстве костюм также выступает в качестве некоего знака, становясь для зрителя средством познания действительности. Так, в костюмировано-типажных изображениях восточных персонажей он «транслирует» вонне информацию о культуре, эстетике, социальном устройстве, о быте и традициях мусульманского мира. Эти знания – как раз то, что искал западный зритель в костюмировано-типажных изображениях и, находя, дивился причудливости чужого мира. Удовлетворение познавательных потребностей – главная цель подобных произведений, неслучайно они зачастую предназначались для иллюстрирования этнографических, географических и иных научных и популярных изданий.

В русском искусстве XVIII столетия костюмировано-типажные изображения обитателей Востока не получили такого распространения, как в Западной Европе, и существовали скорее в виде отдельных проявлений. Впервые они возникают в России в петровскую эпоху. Изображения так называемого «костюмного рода» понимались в то время очень широко, как представление «нравов, характеров, мод, обычаев, одеяний, оружий, строений, законов, вкуса, плодов, фруктов, зверей, обстоятельств места и времени, где действие того происходит, и прочая» [Каганович 1963, с. 312]. Первыми костюмировано-типажными изображениями восточных персонажей, появившимися в России, стала «турецкая серия», созданная для Академии наук художником Иоганном Христианом Маттарнови (1705–?). В 1724 г. Маттарнови отправился в составе посольства А.И. Румянцева в Константинополь, где выполнил живописную серию костюмированных изображений жителей города. До нас дошло всего шесть небольших холстов (1725 г., Государственный Эрмитаж) в обобщенном, типизированном виде показывающих различных представителей константинопольского общества – «Молодого турка», «Знатной турчанки», «Шейха», «Турка с посохом», «Дервиша» и «Турецкого вельможу».

Рассматривая костюмировано-типажные работы Маттарнови, стоит обратиться к творчеству его старшего современника и популяризатора этого жанра Жана-Батиста Ван Мура, сформировавшего устойчивую иконографию подобных изображений. Сопоставление работ двух мастеров наглядно демонстрирует заимствования русского художника у французского мастера. Так, полотно Маттарнови «Молодой турок» (рис. 1) практически полностью повторяет работу Ван Мура «Неизвестный в саду» (рис. 2). Костюм обоих персонажей обнаруживает явное сходство и состоит из ярко-красных шаровар, длинной полосатой рубахи, выглядывающей из-под белоснежного халата, лилового камзола и белого муслинового тюрбана. Внешние приметы молодого турка Маттарнови также взяты

Рис. 1. И.Х. Маттарнови
Молодой турок. 1725
Холст, масло. 35×26,5
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Рис. 2. Ж.-Б. Ван Мур
Неизвестный в саду
Холст, масло. 41×29,5
Музей ориентализма в Дохе,
Катар

у Ван Мура, о чем говорят, например, такие же закрученные уски. Помимо этого, в работе Маттарнови чувствуется заимствование позы и жеста – полуразворот фигуры с руками за спиной. Определенное сходство обнаруживается также в построении пространства, где земля отделяется от пейзажного задника горизонтально архитектурных элементов.

Явное сходство обнаруживается и у «Знатной турчанки» Маттарнови (рис. 3) с «Неизвестной» Ван Мура (рис. 4). Costume эрмитажной героини почти полностью повторяет женский наряд в работе французского мастера. Единственная заметная разница – это котурны, или так называемые налын на ногах турчанки Маттарнови – распространенная в Османской империи женская обувь для бани, которая не давала ногам обжечься или поскользнуться на горячем мыльном полу. Фон в обеих работах также схож и представлен в виде условного интерьера, что характерно для женских костюмированных изображений – женщины, как правило, изображались не на улице, а во внутренних покоях сераля.

С точки зрения художественного стиля «турецкая серия» Маттарнови представляет собой неоднородное явление. Полотна «Молодой турок» и «Знатная турчанка», отмеченные явным сходством

Рис. 3. И.Х. Маттарнови
Знатная турчанка. 1725
Холст, масло. 38,2×28
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Рис. 4. Ж.-Б. Ван Мур
Неизвестная
Холст, масло. 47×33,5
Рейксмузеум, Амстердам

с работами Ван Мура, заметно тяготеют к рококо; от остальных картин серии их отличает большее декоративное изящество, грациозная пластика, колористическое разнообразие и игривое кокетство в облике персонажей. Эти рокайльные черты Маттарнови перенял, по всей видимости, у Ван Мура. Совсем иначе смотрятся полотна «Дервиш» и «Турок с посохом» – в их фигурах и лицах угадывается ощущение напряженности, мятежности, которое усиливается за счет темного колорита, резких динамичных линий и несколько агрессивных позировок. В отношении этих работ сложно говорить о принадлежности или даже о тяготении к какому-либо определенному стилю, что, впрочем, бывает довольно естественно для живописи петровского времени. Итак, несмотря на то, что Маттарнови удалось побывать в Константинополе и воочию увидеть его обитателей в их естественной среде, он тем не менее не сформировал своего независимого художественного высказывания, а поддался влиянию известного предшественника Ж.-Б. Ван Мура.

В эпоху правления «дщери Петровой» развитие русского искусства ускоряется под влиянием французских, немецких и итальянских художников. Последние занимают при дворе Елизаветы Петровны особенно прочные позиции; именно итальянцы прино-

сят в Россию «интернациональный стиль праздничной и велеречивой театрализованной культуры, обязательной для большинства европейских резиденций» [Евангулова 1986, с. 56]. Среди них – Пьетро Антонио Ротари (1707–1762), который при русском дворе работает преимущественно над портретами аристократии и множественным барышень в разнообразных костюмах. Уже после смерти Ротари, в 1763 г. Екатерина II приобрела более трехсот таких полотен для украшения Кабинета мод и граций в Петергофском дворце.

Ротари – энергичный проводник рококо в русской художественной среде, об этом особенно красноречиво свидетельствует игрушечное изящество его костюмированных барышень из Петергофского Кабинета, их веселый и вместе с тем гедонистический характер. Тем более необычно выглядит среди них полотно «Девушка-турчанка» (1756–1762, ГМЗ «Петергоф») (рис. 5). Примечательно, что именно «Турчанка» – один из самых экзотических персонажей для европейского сознания – явилась чуть ли не самым сдержанным образом среди остальных «головок» в Кабинете Ротари. Небольшое погрудное изображение восточной девушки действительно не похоже на кокетливых или томных барышень и крестьянок в Петергофском собрании – в ее глазах нет игривого блеска, наоборот, взгляд напряжен, даже строг, угадывается серьезное выражение губ, спрятанных за покрывалом. «Турчанку» Ротари также можно отнести к костюмировано-типажным изображениям *à la turque*, однако, в отличие от моделей Маттарнови, здесь нет столь откровенной демонстрации костюма. Платье девушки очень просто: на голове – капюшон, лицо наполовину закрыто покрывалом вроде чадры, ниспадающим на шею и плечи.

В Подмосковной усадьбе Архангельское находится полотно, издавна значащееся в музейном каталоге² под названием «Монахиня» (рис. 6). В сущности, эта работа является авторским повторением Петергофской «Девушки-турчанки», с той лишь разницей, что изображение из коллекции Юсуповых не погрудное, а поколенное. В том, что костюм, изображенный на картине из усадьбы Архангельское, действительно является типичным для османских женщин XVIII в. сомневаться не приходится – подобные женские одежды встречаются, например, в экспедиционных видах Константинополя, созданных художником Г.С. Сергеевым³ и являющихся

² ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Ед. хр. 132.

³ См. акварели Г.С. Сергеева «Вид на Босфор и город со стороны Скутари» и «Вид проспекта внутри Софийской мечети» (обе – 1793–1794, Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей).

Рис. 5. П.А. Ротари
Девушка-турчанка. 1756–1762
Холст, масло. 45×35
ГМЗ «Петергоф»

Рис. 6. П.А. Ротари
Монахиня. 1756–1762
Холст, масло. 106×88
ГМУ «Архангельское»

ся подлинными свидетельствами жизни турецкого общества в то время. Вероятно, что весьма скромное изображение турецкой обитательницы, отсутствие экзотических акцентов в ее облике в свое время ввели в заблуждение тех, кто принял ее за монахиню.

Непривычно сдержанный облик «Девушки-турчанки» Ротари повлек за собой и другой казус. В 1770 г. она копировалась русским портретистом, мастером Канцелярии от строений Г. Сердюковым (1744 – после 1785). В свое время работа Сердюкова попала в частную коллекцию некоего П.Ф. Симсона из Ржева, но в пылу революционных событий она бесследно исчезла. Сохранилось лишь фото картины (рис. 7), которое, впрочем, дает неплохое представление о ней – по уровню художественного мастерства эта копия сильно уступает оригиналу итальянского мастера. Владелец картины Симсон с уверенностью утверждал, что на ней изображена не кто иная, как княжна Тараканова [Курукин 2011]. Доказать непричастность полотна к знаменитой самозванке взялся знаток искусства А.А. Голомбиевский, еще в 1911 г. посвятивший этой картине статью в журнале «Старые годы» [Голомбиевский 1911]. По его замечанию, Тараканова в 1770 г. никак не могла встречаться с Сердюковым в Санкт-Петербурге, где, судя по надписи на обороте холста, и была создана эта работа. Голомбиевский предположил, что на картине изображен некий восточный персонаж, возможно, героиня французской оперы «Калмык», которую давали в Опер-

Рис. 7. Г. Сердюков
Портрет неизвестной. 1770
Холст, масло. Местонахождение
неизвестно. Фото из архива
Н.Б. Глинского. Союз театральных
деятелей РФ, Москва

Рис. 8. Неизвестный художник
Портрет молодой женщины
в богатой чалме. Конец XVIII в.
Холст, масло. 50,5×38,5
Государственный музей изобра-
зительных искусств Республики
Татарстан, Казань

ном доме как раз в это время. Впрочем, если бы автор публикации сравнил полотно Ротари из Петергофского собрания с картиной из коллекции Симсона, сомнений не осталось бы: перед ним – копия работы итальянского мастера, настолько точная, насколько это позволило скромное художественное дарование Сердюкова.

Последнюю четверть XVIII в. представляет работа неизвестного художника «Молодая женщина в богатой чалме» из собрания Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан (рис. 8). По всей видимости, она так же, как и «турчанки» Ротари, создавалась как «головка», призванная украшать кабинеты и гостиные. Это небольшое погрудное изображение девушки, облаченной в экзотический, но весьма условный наряд. Сведений о данной картине крайне мало, известно, что музей датирует ее XVIII в.⁴ В ходе исследования выяснилось, что работа является вольной живопис-

⁴ Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. Неизвестный художник. «Женский портрет. Портрет молодой женщины в богатой чалме». URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17863206> (дата обращения 8 июня 2020).

ной копией с некой картины Гвидо Рени из палаццо Спада в Риме. В XVIII в. итальянский мастер Паоло Фиданза гравировал эту работу Рени для двухтомного сборника копий «избранных голов»⁵ с картин Рафаэля, Джулио Романо, Тициана, Пуссена и др. Издание вышло в свет в 1785 г. и вскоре получило распространение и в России, вероятно, послужив образцательным источником для создания «Портрета молодой женщины в богатой чалме». В таком случае полотно неизвестного художника можно датировать не ранее 1785 г.

Костюмированный портрет à la turque

Вторую группу «восточных» костюмированных изображений в русской живописи XVIII в. составляют костюмированные портреты à la turque, или портреты «с двойным преображением» [Яблонская 1977, с. 134], где портретируемые представляют не только самих себя, но и некий условный восточный персонаж. Средством создания таких произведений является костюмизация – введение в изображение экзотического костюма, который либо, дополняя портретный образ, вносит в него восточный колорит, либо вовсе занимает центральное место в работе, «подавляя» индивидуальность модели [Яблонская 1977].

Как правило, костюмированные портреты в восточном вкусе далеки от глубокой психологической характеристики модели; на первый план здесь выходит любование экзотикой, декоративность, стремление нравиться и удивлять, а не обнажать душевный строй портретируемого. Это вполне согласуется с эстетическими представлениями эпохи рококо, поэтому подобные произведения получили широкое распространение, прежде всего во Франции XVIII в.: портреты à la turque создавали Антуан Ватто, Жан Марк Натье, Жан-Этьен Лиотар, Антуан де Фавре, Жак Андре Жозеф Авед и др. В России XVIII в. данная разновидность портретного жанра не сыскала такой популярности, как на Западе – на сегодняшний день известно менее десяти костюмированных портретов à la turque этого периода.

В России мода на перевоплощения в восточных персонажей явно обозначилась в середине XVIII в. Известно, что при дворе

⁵ *Fidanza P.* Recueil de tête choisies de personnages illustres dans les lettres et dans les armes de la grendeur des originaux par Paul Fidanza peintre Romain d'après les peintures de Paphaël d'Urbain et autres grand maîtres existantes au Vatican et dans plusieurs galeries de Rome. Ouvrage contenant 180 planches. Vol. II. Rome: Bouchard et Gravier, 1785.

Елизаветы Петровны, питавшей слабость ко всякого рода светским увеселениям, особенного размаха достигли всевозможные балы и маскарады. Художественная реализация этих мероприятий поручалась чаще всего художникам-иностранцам; оформляя придворные праздники на французский и итальянский манер, они становились проводниками европейских «галантных мод» и в немалой степени способствовали появлению в России костюмированного портрета, в том числе портрета в восточном вкусе.

Одним из первых европейских мастеров, кто взялся за создание подобных изображений при русском дворе, стал малоизвестный французский пастелист и миниатюрист Жан де Самсуа (работал в 1755–1808). На протяжении долгих лет фигура Самсуа почти не привлекала к себе внимания, и только в последние десятилетия в отечественном искусствознании периодически обращаются к творчеству мастера [Клементьев 1992; Комелова 1992]. В частности, интерес вызвала его серия пастельных портретов в Камерюнгферской зале Китайского дворца в Ораниенбауме – одиннадцать изображений фрейлин и статс-дам из штата наследника престола Петра Федоровича. Это аллегорические портреты: модели даны в образах времен года, природных стихий и четырех континентов (Европы, Азии, Африки и Америки). В рамках данной темы остановимся на пастели Самсуа «Азия» (1756 г.) – портрете княгини Александры Яковлевны Грузинской (рис. 9).

Аллегорические изображения Азии стали одними из первых репрезентаций мусульманского Востока в русском изобразительном искусстве [Горбунова 2020]. В них обозначилась и закрепились основная «восточная» атрибутика – чалма, курильница, из которой вырывается клубящийся дым благовоний, экзотические животные и растения. Соединение персонифицированного изображения Азии в окружении соответствующей атрибутики и портретного жанра – явление вполне закономерное для искусства XVIII в., проникнутого духом образности и иносказательности. В работе Самсуа воедино сливаются портретный образ княгини Грузинской и элементы традиционной иконографии изображения Азии – дымящаяся курильница и экзотический костюм. При этом черты лица модели приближаются к идеальным формам рокайльной «головки», портретность отходит на второй план, уступая место экзотическим мотивам.

Княгиня Грузинская предстает перед нами в нарядном костюме, который, однако, весьма условно можно назвать восточным. Поверх европейского корсажа модель облачена в бархатное болеро или халат с короткими рукавами, отороченный расшитой тесьмой. Голову украшает воздушная вуаль, жемчужная диадема и восточ-

Рис. 9. Ж.-Ф. де Самсуа
Портрет Марии Яковлевны
Грузинской в образе Азии, 1756
Бумага на холсте, пастель. 55,8×45,8
ГМЗ «Петергоф»

ный эгрет с пером черной цапли; крупные атласные банты на шее и затылке модели не имеют ничего общего с экзотическим нарядом и являются элементами европейского модного платья.

В художественном отношении портрет княгини Грузинской находится в рамках рокайльного стиля: в изгибах линий, в грациозной пластике, в кукольном лице модели, в мягких и изысканных красочных созвучиях читается характерное желание нравиться. Настроениям стиля вторит и техника исполнения – пастель, которая позволяет добиться мягкой матовой фактуры и богатых, но нежных, словно припудренных оттенков. Превосходно владея пастельной техникой, Самсуа умело сочетает живописные и графические возможности карандашей. Местами растушевывая красочный слой, художник достигает ощущения эфемерности натуры; где-то наоборот, используя четкие графичные штриховки (например, в волосах модели), добивается почти осязаемой конкретности изображения.

Портрет княгини Грузинской в образе Азии, вероятно, единственный дошедший до нас портрет à la turque, созданный в елизаветинское время. Остальные сохранившиеся произведения подобного рода были написаны в длительную эпоху Екатерины Алексеевны. Примечательно, что в первые годы ее правления восточный, в особенности турецкий костюм в русской придворной среде воспринимался скорее негативно; напряженные политические отно-

шения с Османской империей формировали образ турка как опасного врага. Вероятно, потому императрица наложила запрет на использование османского платья при дворе. Так, в преддверии бала 23 сентября 1764 г. Екатерина распорядилась:

Точию никто бы в Турецких и прочих Азиатских платьях не были бы, також не имели бы при себе сабель, кинжалов и прочего; а кто в оном платье или с оружием придет и ниже 13 лет с собою приведет, тот и сам с оным впущен не будет⁶.

Однако уже в 1766 г. на площади перед Зимним дворцом состоялась придворная карусель – состязание в верховой езде, где участвовали четыре кадрили: Славянская, Римская, Индийская и Турецкая [Вилинбахов 1994]. Участники последней были облачены в соответствующие восточные наряды – запрет предыдущих лет на турецкое платье здесь уже не действовал. Со временем, в особенности после подписания Кючук-Кайнарджийского мира, турецкий костюм становится все популярнее.

Османские мотивы эдакими военнопленными начали проникать в светскую моду, русские щеголи, надевая костюмы и аксессуары в турецком вкусе, чувствовали себя победителями, примеряющими трофеи [Хорошилова 2020, с. 94].

Одежда *de musulmane* распространялась все шире и нашла отражение в портретном жанре эпохи.

Продолжая говорить об иностранных мастерах в России, создавших «восточные» костюмированные портреты, стоит упомянуть имя австрийского художника Иоганна Баптиста Лампидо младшего (1775–1837). Его кисти принадлежат парные погрудные портреты Ламброса Качиони и его супруги Ангелины. Качиони – греческий корсар, присягнувший на верность Екатерине II и получивший дворянский титул за отличия в русско-турецкой войне. К сожалению, портреты не сохранились: до 1917 г. они находились в частном собрании И.И. Лемана, но были утрачены в пламени революции. Судить о них можно по вполне качественным снимкам, сделанным еще до 1917 г. для обширной публикации бар. Н.Н. Врангеля «Иностранные художники XVIII столетия в России» [Врангель 1911]. В связи с невозможностью ознакомиться с оригиналами произведений, мы не беремся говорить

⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1764 года. СПб., 1853. С. 168.

Рис. 10. И.Б. Лампи-младший
 Портрет Ангелины Качиони
 1795. Холст, масло
 Местонахождение неизвестно
 Фото [9, с. 49]

об их живописных свойствах, сошлемся лишь на слова бар. Врангеля, о том, что это

...такая великолепная характеристика полной неожиданностей жизни XVIII века, какой не оставил нам никто из русских художников. К тому же эти портреты, хотя и несколько пестрые по краскам, имеют совсем своеобразную и «ядовитую» живописную прелесть [Врангель 1911, с. 48].

В данном случае сосредоточимся на портрете супруги Качиони, облаченной в модный османский костюм XVIII в. (рис. 10). Чтобы нагляднее представить наряд портретируемой, приведем выдержки из описания турецкого женского платья, данного леди Мэри Уортли-Монтегю, путешественницей и женой британского посла в Константинополе:

Первая часть платья – это пара шаровар, очень пышных, которые доходят до моих ботинок и скрывают ноги с большей скромностью, чем наши нижние юбки... Поверх шаровар сорочка из тонкого белого шелкового марлевого полотна, отороченная каймой с вышивкой... Антери (*antery*) по форме напоминает камзол с очень длинными рукавами, он сшит из белого и золотого дамаска с голубой и золотой бахромой и имеет бриллиантовые или жемчужные пуговицы. Мой кафтан сделан из того же материала, что и шаровары – это длинный халат с длинны-

ми рукавами сидит по фигуре. Головной убор называется кальпак (*cal-pack*)... украшен либо бриллиантами, либо богато вышитым платком. И вот дамы уже могут дать волю своей фантазии: одни прикалывают цветы, другие – перья цапель или еще что-то, что им заблагорассудится. Но самое модное – это букет из драгоценных камней, сделанных как натуральные цветы... Волосы свисают сзади по всей длине либо делятся на косы, украшенные жемчугом или лентами⁷.

Это описание во многом сходится с нарядом Ангелины Качиони, представленном на снимке портрета: видна шелковая сорочка, камзол-антери или длинный халат, отороченный мехом. На голове высокий колпак-тюрбан, украшенный то ли букетиком живых цветов, то ли модным ювелирным изделием и пышным страусовым пером; пряди длинных распущенных волос свободно спускаются по плечам модели.

История жизни супруги Качиони весьма незаурядна. Гречанка по происхождению, урожденная Ангелина (Мария) Софианос в качестве турецкой пленницы оказалась на корабле, захваченном Ламбросом. Впоследствии, будучи его женой, она вместе с их сыновьями не раз попадала в плен, то к туркам, то к венецианцам, потеряла сына, оказалась на турецкой каторге и была освобождена супругом только после завершения русско-турецкой войны. В 1795 г. по высочайшему распоряжению императрицы семья Качиони прибыла в Санкт-Петербург, где за верную службу была благосклонно принята Екатериной. Именно тогда Лампи-младший выполнил их портреты. Длительное время Ангелина Качиони жила среди турок [Панайотис 2009; Широкоград 2013], и потому костюмизация ее портретного образа – не просто следование моде на экзотизмы, но скорее некая характеристика модели, прибывшей в Россию с Востока. В этом состоит специфика данного произведения, который с одной стороны – костюмированный портрет, с другой – правдивое отражение облика портретируемой.

От произведений иностранных мастеров, работавших в России, перейдем к работе неизвестного русского художника «Портрет молодой женщины в восточном костюме» из собрания Государственного Эрмитажа (рис. 11). Это камерное поясное изображение представляет модель, облаченную в курди – теплый халат из куньего меха с коротким рукавом, из-под которого виднеется шелковая белая со-

⁷ Описание турецкого костюма леди Монтегю приводится в переводе с английского по: Turkey: Being a description of the manners, customs, dresses, and other peculiarities characteristic of the inhabitants of the Turkish Empire. London: Printed for R. Ackermann, 1821. Vol. 6, pp. 29–32.

Рис. 11. Неизвестный художник
Портрет молодой женщины
в восточном костюме
Конец XVIII в. Холст, масло
87,5×66,5. Государственный
Эрмитаж, Санкт-Петербург

рочка и белый богато расшитый камзол (антери), застегнутый на золоченые пуговицы. Также видны края кушака, подпоясывающего наряд модели. Головной убор в виде высокого колпака-турбана, украшенного красным страусовым пером, цветком и драгоценными брошами, подобен тому, что мы видим на портрете Ангелины Качиони. С точки зрения этнографической достоверности костюм достаточно точно повторяет модные константинопольские одежды XVIII в.; выбивается, пожалуй, лишь крупный тафтяной бант на декольте – распространенный элемент женского европейского платья той эпохи. На сегодняшний день не представилось возможным определить, кто изображен на портрете: актриса в сценическом образе или знатная дама в маскарадном платье. Потому и назначение костюма остается неизвестным: он мог быть как театральным, так и маскарадным, или же вовсе не предназначался для увеселений, а служил лишь реквизитом для создания живописного образа.

«Портрет молодой женщины в восточном костюме» не имеет точной датировки, Государственный Эрмитаж относит его пред-

⁸ Электронный каталог Государственного Эрмитажа. Неизвестный художник. «Портрет молодой женщины в восточном костюме». URL: <https://hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/168236> (дата обращения 13 апреля 2020).

положительно к концу XVIII в.⁸ Попробуем рассмотреть его подробнее. Это изображение создано рукой, безусловно, профессионального мастера – об этом говорит в первую очередь лицо модели. Яркий грим – насурьмленные брови, нарумяненные щеки и накрашенные губы с первого взгляда создают впечатление маски. Однако при более пристальном рассмотрении лица портретируемой видятся ее весьма выразительные глаза с легким прищуром. Взгляд направлен прямо на зрителя, и в сочетании с легкой, чуть насмешливой улыбкой он создает впечатление живого, близкого общения с моделью, словно она сейчас о чем-то спросит вас, а в ответ рассмеется. Тщательная проработка лица модели, его гладкая фактура и выверенные линии соседствуют со свободным, местами размашистым мазком на costume. Но, несмотря на эту легкость, «беглость» письма, художнику удается очень точно передать детали и фактуру экзотического платья – показать, как блестит богатый дамаск в изгибах складок, как ложится пушистый мех на плечи модели, как лоснится розовый тафтяной бант на ее груди. Такая умелая передача фактур убеждает нас в хорошей профессиональной выучке мастера.

Вероятнее всего, эта работа принадлежит кисти художника, портретировавшего представителей высших слоев петербургского общества, ведь костюмированные портреты подразумевали, по выражению О.С. Евангуловой, «определенный тип если не образованности, то литературной и художественной осведомленности, достаточной самоувлеченности, ориентированности в том, насколько законным окажется в глазах света уподобление своей персоны тому или иному мифологическому или театральному персонажу» [Евангулова, Карев 1994, с. 30]. Представителям средних дворянских кругов запечатление в образе *à la turque* либо казалось нескромным, либо вовсе не приходило в голову, ведь «с точки зрения привычного отношения к портретированию как к занятию отнюдь не праздному и недешевому оно могло восприниматься как своего рода избыточная роскошь» [Евангулова, Карев 1994, с. 30].

Отталкиваясь от эрмитажной датировки портрета (конец XVIII в.), можно предположить, что его автор – современник таких блистательных мастеров, как Ф. Рокотов и Д. Левицкий. Конечно, несмотря на все художественные достоинства, «Портрет молодой женщины в восточном costume» уступает одухотворенным, глубоко лирическим рокотовским образам и блестящим в своей живости и непринужденности изображениям кисти Левицкого. Пожалуй, этот портрет оказывается ближе к работам так называемых малых мастеров или, другими словами, художников

«второго ряда» [Евангулова, Карев 1994, с. 125], среди которых – К.Л.И. Христинец, П.С. Дрождин, Е.Д. Камеженков, Л.С. Миропольский и др. Каждый из них по-своему оригинален и едва ли является автором интересующего нас полотна, но некоторые общие черты позволяют если не причислить, то, во всяком случае, приблизить неизвестного нам художника к кругу «малых мастеров». В частности, их роднит застылость фигур моделей, которым недостает внутренней динамики, витальности. Автор эрмитажной работы, как и названные мастера «второго ряда», использует давно выработанный академический канон камерного портрета, не привнося в него свежести человеческой индивидуальности, а сводя облик модели к набору общих черт, впрочем, достаточно выразительных. В данном случае такая выразительность достигается, во-первых, некоторой игривостью, кокетливостью, читаемой в лице модели, а во-вторых, ее травестированием, облачением в экзотический наряд. Это позволяет добиться яркости, «остроты» образа, однако не вполне соотносится со степенно-торжественными изображениями большинства «малых мастеров». Некоторые различия отмечаются и в живописной технике: эрмитажное полотно лишено той педантичной, «суховатой» манеры письма, которая свойственна работам, например, Христинека, Дрождина и Камеженкова. Отмеченный ранее уверенный беглый мазок неизвестного художника оказывается ближе всего к живописной манере одного из лучших учеников Д. Левицкого Л.С. Миропольского.

До сих пор речь шла только о камерных портретах в восточном вкусе, однако в русском искусстве XVIII в. существует и парадное изображение, отмеченное увлечением восточной экзотикой, – так называемый карусельный портрет графа А.Г. Орлова (рис. 12) кисти датского мастера Вигилиуса Эриксона (1722–1782). Будучи придворным живописцем Екатерины II, Эриксен создал два масштабных конных портрета Григория и Алексея Орловых в память об упомянутой придворной карусели 1766 г. Это первое в своем роде событие в России пышно проводилось на площади перед Зимним дворцом. В карусели состязались четыре кадрили: Славянская, Римская, Индийская и Турецкая; участники каждой были облачены в соответствующие национальные костюмы.

Обратимся к карусельному портрету графа А. Орлова в турецком костюме. По своему типу это произведение соответствует традиционной схеме парадного конного изображения, однако представительное облачение персоны здесь заменяет экзотический костюм «сарацина», которому вторит восточная упряжь коня. Вероятно,

Рис. 12. В. Эриксен
 Портрет графа Алексея Григорьевича Орлова
 1766–1772. Холст, масло. 398×356,5
 Государственный Эрмитаж
 Санкт-Петербург

полотно документально передает внешний вид графа в момент карусельных состязаний – на нем красные, расшитые золотом шаровары, серебристый парчовый кафтан с золотыми галунами, бахромой и драгоценными пуговицами, подпоясанный кушаком, а поверх – длинный халат, отороченный соболиным мехом; на голове его белый тюрбан, богато украшенный жемчужными сотуарами и плюмажами из черных перьев. Конь Орлова также украшен на восточный манер – на нем нарядная попона с кистями, богатая упряжь с драгоценными камнями, а голову украшает плюмаж из белого страусового пера.

Как уже отмечалось, в 1764 г., вероятно, в связи с напряженной политической обстановкой между Россией и Османской Портой Екатерина II постановила исключить османское платье из ряда возможных маскарадных костюмов. Появление участников Турецкой кадрили в соответствующих нарядах на карусели 1766 г. как будто бы снимало этот запрет. Г.В. Вилинбахов связы-

вает присутствие Турецкой костюмированной кадрили с идеологическим подтекстом карусели, которая несла на себе явный отпечаток внешнеполитических устремлений Екатерины, направленных против Османской империи, не зря Славянская и Римская кадрили выступали против Турецкой и Индийской [Вилинбахов 1994]. С замечанием Вилинбахова можно согласиться лишь отчасти: карусель 1766 г. действительно имела идеологический мотив, но явилась носителем несколько иной идеи. Национальный состав зрелища был во многом позаимствован из знаменитой парижской карусели 1662 г., проходившей на площади между Лувром и дворцом Тюильри. Эта карусель включала в себя пять кадрилией – Римскую, предводителем которой выступил сам Людовик XIV, а также Турецкую, Индийскую, Персидскую и Американскую кадрили, возглавляемые придворными персонами. Представляясь в образе римского императора, Король-Солнце декларировал идею величия и процветания Франции, поставив ее на одну ступень с Римом времен империи. А вокруг него – экзотические, неведомые, дикие народы, тянущиеся к нему как цветы к солнцу – не зря на их знаменах вышиты лозунги вроде «Взгляни на меня, я расцвету», «Он возрастает, когда тот обращается к нему», «Он сражается для одной звезды» [Боссан 2002, с. 45]. Как видно, состав петербургского конно-спортивного маскарада перекликается с составом французского – присутствует тот же Рим, Турция, Индия, отсутствует Персия и Америка, но зато добавляется Славянская кадрилией, представляющая, очевидно, Российскую империю. Становясь рядом с Римской кадрилией и выступая против Турецкой и Индийской, она выражает те же имперские амбиции, какие некогда заявил Людовик XIV. Отождествить великую Россию с великим Римом и противопоставить их дикому Востоку – представляется, что именно эта идея легла в основу программы петербургской карусели 1766 г. и ради такого пышного и зрелищного ее выражения турецкий костюм вернулся в праздничный оборот.

В последние годы XVIII в. ярко выраженная восточная экзотика на время покидает портретный жанр. Развитие романтизма уменьшает значение костюма в портрете, на первый план выходит личность модели, ее душевно-эмоциональный строй. Вместе с тем меняется и мода, что особенно сказывается в женском платье – в нем все больше чувствуется влияние стиля ампир. Впрочем, Египетский поход Наполеона дает новую жизнь восточным аксессуарам – тюрбанам и турецким шальям, однако они обретают такую широкую популярность, что уже перестают быть столь экзотическими.

Нельзя не заметить, что большинство костюмированных изображений à la turque принадлежит кисти иностранных мастеров,

бывших в России на государственной службе. Так, в первой четверти XVIII в. немец Маттарнови был одним из многочисленных европейских мастеров, выполнявших заказ для петровской Академии наук. Со второй четверти столетия все, что касалось понятия «мод и граций», в том числе моды на восточную экзотику, было отдано на откуп приезжим художникам, в первую очередь итальянским и французским. Вероятно, русские мастера не ощущали себя столь смело на этом «поле» европейской моды галантного века, поэтому подавляющее большинство «восточных» изображений являются произведениями «россики».

Итак, собранный и рассмотренный в настоящей работе материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Возникновение костюмировано-типажных изображений представителей мусульманского Востока в европейском искусстве относится еще к концу XV в. Однако широкое распространение подобные изображения получают в начале XVIII в., чему во многом способствовала популярная серия французского художника Ж.-Б. Ван Мура «Сто гравюр с изображением различных народов Леванта...». Изображения Ван Мура обрели популярность во всей Европе и послужили изобразительными источниками для последующих «восточных» костюмированных серий.

2. Единственной серией костюмировано-типажных изображений обитателей Востока, созданной в России, стали «Турки» И.Х. Маттарнови. Их появление обусловлено государственным заказом для Академии наук. По всей видимости, в дальнейшем запроса на подобные изображения не поступало, что сделало серию Маттарнови единственной в своем роде. Создавая «Турок», Маттарнови обращался к работам Ж.-Б. Ван Мура. На протяжении XVIII столетия в России создавались и отдельные, «вне-серийные» костюмировано-типажные изображения – турчанки П. Ротари и «Молодая женщина в богатой чалме» (ГМИИ РТ). Иконографическим источником последней явился гравированный лист Паоло Фиданза по живописному оригиналу Гвидо Рени (Палаццо Спада, Рим).

3. Появление костюмированных портретов *à la turque* в России относится к середине XVIII столетия. В это время создается аллегорический портрет княгини Грузинской в образе Азии; ее экзотический наряд пока что весьма условен. Этнографическая достоверность в передаче восточного (прежде всего турецкого) костюма возникает в русском портрете *à la turque* приблизительно с середины 1760-х годов. Карусельный портрет графа Алексея Орлова и портрет Ангелины Качиони можно считать примерами достаточно точной передачи константинопольских мод XVIII в.

4. С точки зрения художественного стиля костюмированный портрет à la turque, созданный в России в XVIII в., представляет собой неоднородное явление и зависит, прежде всего, от творческой манеры мастера, его профессиональной выучки и национальной художественной школы, к которой он принадлежал.

Источники

ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Ед. хр. 132.

Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. Неизвестный художник. «Женский портрет. Портрет молодой женщины в богатой чалме». URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17863206> (дата обращения 08.06.2020).

Электронный каталог Государственного Эрмитажа. Неизвестный художник. «Портрет молодой женщины в восточном костюме». URL: <https://hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/168236> (дата обращения 13.04.2020).

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1764 года. СПб., 1853.

Fidanza P. Recueil de tête choisies de personnages illustres dans les lettres et dans les armes de la grendeur des originaux par Paul Fidanza peintre Romain d' après les peintures de Paphaël d'Urbin et autres grand maîtres existantes au Vatican et dans plusieurs galeries de Rome. Ouvrage contenant 180 planches. Rome: Bouchard et Gravier, 1785. Vol. II.

Recueil de Divers Portraits des Principales Dames de la Porte du Grand Turc. Tirée au naturel sur les lieux, et Dediez a Madame la Comt esse de Fiesque. Paris, 1648.

Turkey: Being a description of the manners, customs, dresses, and other peculiarities characteristic of the inhabitants of the Turkish Empire». London: Printed for R. Ackermann, 1821. Vol. 6.

Литература

Андропова 2008 – *Андропова И.О.* Восточная тема в русском интерьере второй половины XIX – начала XX века. Опыт реконструкции: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008. 322 с.

Богатырев 1971 – *Богатырев П.Б.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.

Боссан 2002 – *Боссан Ф.* Людовик XIV, король-артист. М.: Аграф, 2002. 265 с.

Вилинбахов 1994 – *Вилинбахов Г.В.* Карусели в Петербурге в 1766 г. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1994. С. 18–22.

Врангель 1911 – *Врангель Н.Н.* Иностранцы художники XVIII столетия в России // Старые годы. 1911. Июль-сентябрь. 214 с.

Голомбиевский 1911 – *Голомбиевский А.А.* Княжна Тараканова и загадочный портрет Григория Сердюкова (об атрибуции «Портрета неизвестной» Г. Сердюкова) // Старые годы. 1911. № 5. С. 41–43.

- Горбунова 2020 – *Горбунова А.А.* Аллегория Азии: формирование образа мусульманского Востока в русском искусстве первой половины XVIII века // Культурное наследие России. 2020. № 1 (28). С. 84–90.
- Евангулова 1974 – *Евангулова О.С.* «Турецкая серия» живописца И. Маттарнови // Русское искусство первой четверти XVIII века: Материалы и исследования. М.: Наука, 1974. С. 158–167.
- Евангулова 1986 – *Евангулова О.С.* Русский портрет XVIII века и проблема «россики» // Искусство. 1986. № 12. С. 56–61.
- Евангулова, Карев 1994 – *Евангулова О.С., Карев А.А.* Портретная живопись в России второй половины XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1994. 200 с.
- Каганович 1963 – *Каганович А.Л.* Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1963. 380 с.
- Клементьев 1992 – *Клементьев В.Г.* Портреты Жана де Сампсуа в коллекции Китайского дворца-музея // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1992. Вып. 1990. С. 298–307.
- Комелова 1992 – *Комелова Г.Н.* Миниатюрист Франсуа Самсуа в России // Россия-Франция. Век Просвещения. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1992. С. 88–99.
- Курукин 2011 – *Курукин И.В.* Княжна Тараканова. М.: Молодая гвардия, 2011. 262 с.
- Нефедова 2009 – *Нефедова О.В.* Творчество Жана-Батиста Ван Мура (1671–1737) и проблема ориентализма в западноевропейской живописи XVIII века: Дис. ... канд. искусствознания. М., 2009. 183 с.
- Панайотис 2009 – *Панайотис Н.С.* Офицер Ламброс Кационис и легкая российская флотилия в Средиземном море: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 357 с.
- Саид 2006 – *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Хорошилова 2020 – *Хорошилова О.А.* Мода и гении: костюмные биографии Леонардо да Винчи, Екатерины II, Петра Чайковского, Оскара Уайльда, Юрия Анненкова и Майи Плисецкой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 382 с.
- Чежина 2006а – *Чежина Ю.И.* Костюмированный портрет в русском искусстве XVIII века как отражение духа эпохи: Дис. ... канд. искусствознания. СПб., 2006.
- Чежина 2006б – *Чежина Ю.И.* Костюмированный портрет в русской культуре XVIII столетия (к проблеме жанровой классификации) // «Золотой осмнадцатый...»: русское искусство XVIII века в современном отечественном искусствознании. Сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 174–182.
- Ширококорд 2013 – *Ширококорд А.Б.* Адмиралы и корсары Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. 480 с.
- Яблонская 1977 – *Яблонская Т.В.* Костюмированный портрет в системе русской живописи XVIII века // Советское искусствознание: сборник статей. 1977. Вып. 2 (1976). С. 134–150.
- Nochlin 1991 – Nochlin L. The Imaginary Orient // The Politics of Vision. Essays on Nineteenth-Century Art and Society. N.Y.: Harper & publishers, 1991. P. 33–59.
- Rosenthal 1982 – *Rosenthal D.A.* Orientalism. The Near East in French painting 1800–1880. New York: University of Rochester, 1982. 176 p.
- Vidmar 2005 – *Vidmar P.* Courage, power, beauty and luxury: The Vurberk gallery of 17th century paintings // Image of the Turks in the 17th century Europe. Istanbul: Sabanci University; Sakip Sabanci Museum, 2005. P. 78–104.

References

- Andronova, I.O. (2008), Oriental theme in the Russian interior of the second half of the 19th – early 20th century. Reconstruction experience, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Bogatyrev, P.B. (1971), *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of the theory of folk art], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Bossan, F. (2002), *Lyudovik XIV, korol'-artist* [Louis 14th, the Artist King], Agraf, Moscow, Russia.
- Chezina, Yu.I. (2006), Costume portrait in Russian art of 18th century as a reflection of age's spirit, Ph.D. Thesis, Saint Petersburg, Russia.
- Chezina, Yu.I. (2006), "Costumed portrait in the Russian culture of the 18th century (on the issue of genre classification)", "Zolotoi os'mnadsyati...": russkoe iskusstvo XVIII v. v sovremennom otechestvennom iskusstvoznanii, ["The Golden eighteenth...": Russian art of the 18th century in modern Russian art studies], Izdatel'stvo SPbGU, Saint Petersburg, Russia, pp. 174–182.
- Evangelulova, O.S. (1974), "'Turkish series' by the painter I. Mattarnovi", *Russkoe iskusstvo pervoi chetverti XVIII veka: materialy i issledovaniya*, [Russian art of the first quarter of the 18th century. Materials and researches], Nauka, Moscow, Russia, pp. 158–167.
- Evangelulova, O.S. (1986), "Russian portrait of the 18th century and the issue of 'Rossika'", *Iskusstvo*, no. 12, pp. 56–61.
- Evangelulova, O.S. and Karev, A.A. (1994), *Portretnaya zhivopis' v Rossii vtoroi poloviny XVIII v.* [Portrait painting in Russia in the second half of the 18th century], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Golombievskii, A.A. (1911), "Princess Tarakanova and the mysterious portrait by Grigory Serdyukov (about the attribution of the "Portrait of the Unknown" by G. Serdyukov)", *Starye gody*, no. 5, pp. 41–43.
- Gorbunova, A.A. (2020), "Allegory of Asia: the formation of the image of the Muslim East in Russian art of the first half of the 18th century", *Kul'turnoe nasledie Rossii*, no. 11 (28), pp. 84–90.
- Kaganovich, A.L. (1963), *Anton Losenko i russkoe iskusstvo serediny XVIII stoletiya* [Anton Losenko and Russian Art of the middle 18th century], Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR, Moscow, Russia.
- Khoroshilova, O.A. (2020), *Moda i genii: kostyumnye biografii Leonardo da Vinci, Ekateriny II, Petra Chaikovskogo, Oskara Uail'da, Yuriya Annenkova i Maii Plisetskoi* [Fashion and Geniuses. Costume Biographies of Leonardo da Vinci, Catherine II, Pyotr Tchaikovsky, Oscar Wilde, Yuri Annenkov and Maya Plisetskaya], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.
- Klement'ev, V.G. (1992), "Portraits of Jean de Sampsua (Jean-François Samsois) in the collection of the Chinese Palace Museum", *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'*. *Iskusstvo. Arkheologiya*, iss. 1990, pp. 298–307.
- Komelova, G.N. (1992), "Miniaturist Francois Samsunga (Jean-François Samsois) in Russia", in Komelova, G.N. and Novosel'skaya, I.N. (eds.), *Rossiya-Frantsiya. Vek Prosveshcheniya* [Russia–France. The Age of Enlightenment], Gosudarstvennyi Ermitazh, Saint Petersburg, Russia.
- Kurukin, I.V. (2011), *Knyazhna Tarakanova* [Princess Tarakanova], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Nefedova, O.V. (2009), The creation of Jean-Baptiste Vanmoor (Vanmour) (1671–1737) and the issue of Orientalism in Western European painting of the 18th century, Ph.D. Thesis, Art Studies, Moscow, Russia.

- Nochlin, L. (1991), "The Imaginary Orient", *The Politics of Vision. Essays on Nineteenth-Century Art and Society*, Harper & publishers, New York, USA, pp. 33–59.
- Panaiotis, N.S. (2009), *Officer Lambros Katsonis and the light Russian flotilla in the Mediterranean Sea*, Ph.D. Thesis, Saint Petersburg, Russia.
- Rosenthal, D.A. (1982), *Orientalism. The Near East in French painting 1800–1880*, University of Rochester, New York, USA.
- Said, E.V. (2006), *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the Orient]*, Russkii mir, Saint Petersburg, Russia.
- Shirokorad, A.B. (2013), *Admiraly i korsary Ekateriny Velikoi [Admirals and Corsairs of Catherine the Great]*, Veche, Moscow, Russia.
- Vidmar, P. (2005), "Courage, power, beauty and luxury: The Vurberk gallery of 17th century paintings", *Image of the Turks in the 17th century Europe*, Sabanci university and Sakip Sabanci Museum, Istanbul, Turkey, pp. 78–104.
- Vilinbakhov, G.V. (1994), "Carousels in St. Petersburg in 1766", *Ermitazhnye chteniya pamyati B.V. Piotrovskogo [Hermitage Conference in memory of B.V. Piotrovsky]*, Gosudarstvennyi Ermitazh, Saint Petersburg, Russia, pp. 18–22.
- Vrangel', N.N. (1911), "Foreign artists of the 18th century in Russia", *Starye gody*, July–September.
- Yablonskaya, T.V. (1977), "Costumed portrait in the system of Russian painting of the 18th century". *Sovetskoe iskusstvoznanie: sbornik statei [Soviet art history. A collection of articles]*, iss. 2 (1976), Moscow, Russia, pp. 134–150.

Информация об авторах

Анастасия А. Горбунова, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18; aagorbunova@rambler.ru

Римма А. Тимофеева, кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18; rimma.a.timofeeva@gmail.com

Information about the authors

Anastasia A. Gorbunova, postgraduate student, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia; bld. 18, Bolshaya Morskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 191186; aagorbunova@rambler.ru

Rimma A. Timofeeva, Cand. of Sci. (Art History), associate professor, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint-Petersburg, Russia; bld. 18, Bolshaya Morskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 191186; rimma.a.timofeeva@gmail.com

Орская яшма как объект экологии культуры Оренбуржья

Алла А. Васильченко

*Оренбургский государственный университет
Оренбург, Россия, vasilchenko.alla@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается орская яшма в рамках двух составляющих понятия «экология культуры» – экологии природной среды и культурного наследия. Анализируются художественные особенности орской яшмы как природного материала и одного из народных художественных промыслов Оренбуржья и центров камнерезного искусства Южного Урала. Рассматривается применение орской яшмы в различных сферах культурно-практической деятельности человека. Обосновывается необходимость комплексного экологически-культурного подхода в изучении, сохранении и развитии природно-культурного наследия Оренбуржья – природной среды и камнерезного искусства, как объектов экологии культуры.

Ключевые слова: орская яшма, художественное ремесло, природно-культурное наследие, экология культуры

Для цитирования: Васильченко А.А. Орская яшма как объект экологии культуры Оренбуржья // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 143–155. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-143-155

Orsk jasper (jashma) as an object of ecology of culture of Orenburg

Alla A. Vasil'chenko

Orenburg State University, Orenburg, Russia, vasilchenko.alla@mail.ru

Abstract. The article deals with the Orsk jasper within the two components of the “ecology of culture” concept – ecology of the natural environment and cultural heritage. It analyzes the artistic development of the Orsk jasper, as use of a natural material and as one of the folk art crafts of the Orenburg region and the centers of stone-cutting art of the Southern Urals. The author considers the actual place of Orsk jasper in different spheres of cultural and practical activity and substantiates the necessity of an integrated ecological and cultural

approach in the study, preservation and development of the natural and cultural heritage of the Orenburg region: the natural environment and stone-cutting art, as objects of cultural ecology.

Keywords: Orsk jasper, art craft, natural and cultural heritage, ecology of culture

For citation: Vasil'chenko, (2022), "Orsk jasper (jashma) as an object of ecology of culture of Orenburg", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 143-155, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-143-155

Введение

Проблемы своеобразия традиционного духовного наследия, связи природного окружения, истории и художественного ремесла – актуальные вопросы современной национальной культуры. Так, еще в 1918–1919 гг. советская власть определяла кустарное народное творчество и художественные промыслы как духовное явление и национальное достояние [Мусина 2018]. В 70–80 гг. XX в. были разработаны и внедрены государственные меры по сохранению и развитию кустарных промыслов и артелей, осуществлялась их научная и практическая поддержка в сфере теории и практики народного искусства и художественного ремесла. Вопросы сохранения и развития национальной материальной культуры, прообразом которой является ремесленное художественное творчество, на протяжении последних десятилетий рассматривались в трудах ряда видных специалистов – Д.С. Лихачева, К.А. Кондратьевой, М.А. Некрасовой, М.М. Мусиной и др. Проблемы изучения природных явлений и процессов в регионе, сохранения биологического и ландшафтного разнообразия Оренбуржья еще в XIX в. неоднократно поднимались в трудах русского писателя, общественного деятеля С.Т. Аксакова и др.; в настоящее время – в работах А.А. Чибилева, а также других оренбургских ученых, историков, краеведов.

Орская яшма и технологически близкие к ней изделия из поделочного камня относятся к произведениям камнерезного искусства, сформировавшегося на территории Южного Урала и получившего в трудах ученых особый статус уникального природно-культурного наследия и региональной народной культуры. Структурно-текстурные особенности орской яшмы как уникального природного материала рассмотрены в трудах А.Е. Ферсмана, Л.С. Путоловой и др.

Однако в силу социально-экономических условий времени, всеобщей коммерциализации всех сфер искусства и художественного ремесла, в настоящее время ощущается недостаток комплексного теоретического и практического осмысления проблем сохранения и развития объектов природно-культурного наследия Оренбуржья, в том числе орской яшмы. Поэтому актуальность темы истории орской яшмы и совершенствования камнерезного искусства Оренбуржья обусловлена, с одной стороны, рассмотрением ее как недостаточно исследованного природно-художественного явления, обусловившего историю развития камнерезного промысла. С другой стороны, назрела необходимость рассмотреть особые свойства природного материала – орской яшмы, определяющего типологические художественные свойства изделий из нее в синтезе их формообразующих и технологических решений.

В современном культурно-историческом наследии Оренбуржья уникальным явлением представляются народные промыслы и фактически относящиеся к ним, но не имеющие этого статуса кустарные предприятия. Издавна одним из таких промыслов являлось камнерезное искусство из орской яшмы, представляющее, наряду с оренбургским пуховым платком, один из брендов Оренбуржья. По словам А.А. Чибилева, вице-президента Русского географического общества, директора Института степи УРО РАН, орская яшма –

...это один из брендов Оренбургской области, наше достояние, которое мы не используем должным образом. Главным условием сохранения природного наследия является этическое отношение к природе, которое не может существовать без уважения и любви к тому, что создано в течение длительной истории развития Земли¹.

Как исторически сформировавшееся региональное, природно-географическое и культурное наследие, орскую яшму сегодня необходимо, в целях сохранения и развития, рассматривать в рамках двух основополагающих элементов научного направления – «Экологии культуры».

Это понятие сформировалось в нашей стране благодаря работам советского и российского филолога, культуролога, искус-

¹ Забытая красота: как хотят увековечить один из знаменитых брендов... [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/v-strane/3918245> (дата обращения 5 марта 2022).

ствоведа Д.С. Лихачева и его последователей – К.А. Кондратьевой и др. Расширяя содержание понятия «экология», Лихачев пишет:

Экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности [Лихачев 1975, с. 20].

Как подчеркивает признанный специалист в области истории и теории дизайна К.А. Кондратьева – экология, согласно учению академика Д.С. Лихачева,

...состоит из двух частей: части охранения природы и части охранения культуры. Человек есть часть природы, но он же есть и часть созданной тысячелетиями культуры. Проблемы экологии культуры ориентированы на отношение к культурным традициям, сосредоточенным не только в памятниках культуры, архитектуры, искусства, но и в ремесленной деятельности человека [Кондратьева 2000, с. 27–29].

«Обильный край, благословенный..» – так назвал Оренбуржье С.Т. Аксаков, русский писатель, чиновник и общественный деятель, литературный и театральный критик, мемуарист, много лет проживший в Оренбуржье (1821–1826 гг.). Оренбургская земля богата полезными ископаемыми – здесь открыты нефтяные и газовые месторождения, залежи горючих сланцев, бурого угля, каменной соли, металлов – медноколчеданных руд, железа, никеля, хрома и золота, а также орской яшмы.

По некоторым данным² название «яшма» многозначное: от греч. «яспис» – пестрый, крапчатый, «яшм» – у персов, «яшай» – по-афгански. Яшма –

...это кремнистая массивная и очень плотная осадочная порода, твердая, непрозрачная, сложенная мельчайшими кварцевыми зёрнами, спаянными кремнистым цементом, окрашенная преимущественно окислами железа и марганца в красные цвета различных оттенков.

² Уральская яшма и ее разновидности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bibliotekar.ru/2-9-37-kremen-i-yashma/1.htm>? (дата обращения 7 апреля 2022).

Первое открытие месторождения орской яшмы, вошедшего в число исторических месторождений «Каменного пояса» Урала, по времени совпадает с основанием современного города Орска. В 1734 г. по проекту сенатского секретаря И.К. Кирилова было построено на юго-восточной окраине тогдашней России несколько крепостей, и главной из них считалась крепость Орская, заложенная при впадении реки Орь в реку Яик³. Как писал академик А.Е. Ферсман,

Самое замечательное месторождение яшмы на Южном Урале – это район г. Орска; он изобилует яшмами совершенно исключительных качеств и потому заслуживает особого описания [Ферсман 1962, с. 222].

В районе современного города Орска издавна насчитывается около 20 уникальных месторождений яшмы. Наиболее известные из них: Крутороженское, Ворошиловское, Райское, Калиновское, Хабаровое, Калпакское и многие другие. Особую пестроцветную орскую яшму добывали также в горах: Преображенской, Казан-Чикан, Яшмовой. Самая знаменитая из них – это гора Полковник, расположенная на левом берегу реки Орь. В своих исследованиях академик А.Е. Ферсман, упоминая об орских месторождениях яшмы, пишет об «отдельных выходах превосходных яшм, которых здесь очень много» [Ферсман 1962, с. 217]. Так, многие места добычи яшмы, в том числе гора Полковник, выделяются глыбово-грядовыми выходами яшм по склонам и вершинам небольших возвышений, а также на площадях, «представляющих слабохолмистую степь, усеянную бесформенными глыбами и осколками разноцветных яшм» [Ферсман 1962, с. 223]. Выходы глыб цветных камней, как специфическая особенность месторождений орской яшмы, вносят разнообразие в равнинный степной ландшафт, а добыча ее открытым способом облегчает реактивацию мест добычи (рис. 1).

Однако не всегда восстановление природного ландшафта после карьерных работ носит систематический характер. То есть эта ситуация имеет самое прямое отношение к первой части понятия «экология культуры» – сохранение природы. Так, в карьере, расположенном южнее горы «Полковник», заметны признаки не только добычи камня, но и мусора, кострищ, несмотря на табличку, которая гласит, что гора является памятником природы областного значения. В связи с этим остро встает вопрос об охранных мероприятиях.

³ История уральской яшмы [Электронный ресурс]. URL: [http://perevalnext.ru/istoriya-uralskoy-yashmyi/\(lfnf](http://perevalnext.ru/istoriya-uralskoy-yashmyi/(lfnf) (дата обращения 7 апреля 2022).

Рис. 1. Выходы орской яшмы

Источник: <https://nashural.ru/mesta/orenburgskaya-oblast/gora-polkovnik/><https://nashural.ru/mesta/orenburgskaya->

тиях в местах добычи яшмы с целью сохранения уникальных природных ландшафтов Оренбуржья.

Установлено, что цветовое богатство и своеобразие рисунков орских яшм, их особую окраску обусловило разнообразие минерального состава окаменевшей породы: наличие множества тонкораспыленных примесей – пирита, магнетита, гематита, граната и других компонентов. В орской яшме встречаются практически все известные тона расцветок, однако, в основном преобладают красно-бурые, серовато-розовые оттенки. По определению академика А.Е. Ферсмана,

Эта яшма обладает большим разнообразием рисунков и цветов. На какой-либо четверти аршина можно наблюдать десяток оригинальных узоров, окрашенных в различные цвета [Ферсман 1962, с. 223].

При цветовом разнообразии орской яшмы выделяется основной тип камня – пестроцветный. Встречаются и одноцветные экземпляры, но чаще орская яшма – это пестрый камень с разноцветными пятнами и полосами, вкраплениями другого цвета, чем отличаются от яшмы других месторождений (рис. 2).

По классификации ученых, в частности, А.Е. Ферсмана, пестроцветные орские яшмы представлены несколькими основными разновидностями. По степени цветовой насыщенности часто встречаются яшмы, обладающие

...постепенными мягкими переходами, рисунок мягкий, «облачный», «акварельный», со сказочными облаками, наплывами, воздушными замками [Ферсман 1962, с. 225].

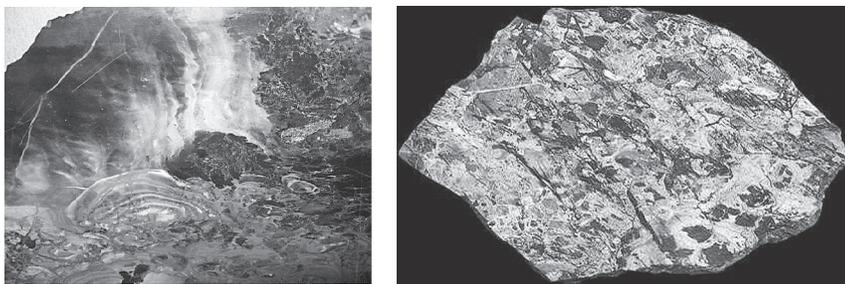

Рис. 2. Пестроцветная орская яшма

Источник: <https://www.livemaster.ru/topic/306563-takaya-neobyknovennaya-oraskaya-yashma>

По особенностям рисунка и цвета выделяются яшмы с концентрическим узором, состоящим из чередующихся кольцеобразных волокнистых форм, а по цвету – розовых, красновато-бурых, черных или зеленовато-серых оттенков. Рисунок брекчиевидных яшм напоминает сколы горной обломочной породы брекчии с пестрой мозаичной окраской разных цветов и оттенков. Флюидальные яшмы имеют рисунок в виде струящихся светлых, темно-красных и фиолетовых полос. Реже встречаются пейзажные яшмы – их рисунок напоминает природный пейзаж серого или коричневого цвета, образованный дендритами окисла железа⁴ (рис. 3).

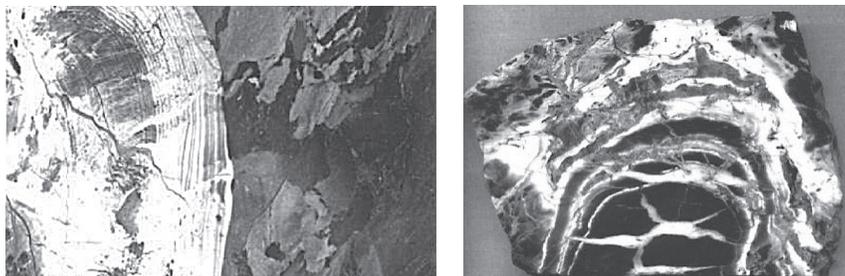

Рис. 3. Орская пейзажная яшма

Источник: https://go.mail.ru/search_images?fm=1&q=%20%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%

⁴ Орская пейзажная яшма: Презентация [Электронный ресурс]. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/priezentatsiia-oraskaia-pieizazhnaia-iashma.html> (дата обращения 7 апреля 2022).

Орская яшма – это не только уникальное полезное ископаемое, но и ценнейший, обладающий исключительными качествами природный материал для культурно-практической деятельности человека. Орскую яшму, обладающую исключительной цветовой гаммой в сочетании с высочайшими декоративно-практическими качествами, относят к группе декоративно-облицовочных, ювелирно-поделочных камней [Путолова 1991, с. 4, 14].

Уникальные художественные и практические свойства орских яшм нашли применение в различных сферах предметного творчества. В зависимости от индивидуальных свойств (твердости, цвета, рисунка) определяется характер ее применения и способ обработки. Яшма применяется в архитектурном оформлении интерьеров, а также в изготовлении ювелирных, сувенирных изделий.

Орскую яшму можно увидеть в оформлении станции метро «Маяковская» в Москве, в облицовке мавзолея Ленина. Лучшие образцы орской яшмы представлены в Горном институте Москвы, в музеях Москвы и Санкт-Петербурга, в Эрмитаже. Произведения из орской яшмы также хранятся в Музее ювелирного и камнерезного искусства в Екатеринбурге, в частных собраниях отечественных и зарубежных коллекционеров.

Камнерезное искусство из орской яшмы развивалось на территории Оренбуржья с давних времен. Изделия из орской яшмы как образцы художественного ремесла основаны на экспериментальном творчестве и ручном исполнении в материале и воспринимаются не только как особая форма творчества, но и ассоциируются с натуральным природным материалом, традиционными методами его обработки и отражают разнообразие регионального культурного пространства Оренбуржья. В числе произведений мастеров камнерезного искусства Оренбуржья, как и у многих камнерезов других регионов, присутствует сувенирная продукция различных наименований. Как считает известный искусствовед Р.Р. Мусина, главная особенность сувенира – содержать ассоциативно-памятное начало, быть «...художественно осмысленным предметом, поэтому в основу его разработок следует закладывать в качестве базового этот принцип» [Мусина 2020, с. 36–44].

В произведениях из орской яшмы главными являются материал, содержащий специфические выразительные средства – естественные цвет и рисунок камня (пестроцветный) как основу формообразования изделия, а также разнообразие приемов обработки камня. Однако можно согласиться с мнением Р.Р. Мусиной, которая отмечает, что «крайне мало стильных изделий в группе сувениров из камня на Урале и в Башкортостане» [Мусина 2020, с. 36–44]. Это замечание можно отнести и к сувенирам из орской яшмы.

Объясняется это многими причинами. Во-первых, в течение времени происходила неоднократная смена предприятий по добыче и обработке орской яшмы. Так, с 1960-х по 2011 г. месторождением занимались разные предприятия: «Уралкварцсамоцветы», «Восточная геолого-разведочная экспедиция», Санкт-Петербургская компания «Оптимальный ресурс» и т. д. Во-вторых, это не всегда высокий художественный уровень мастеров-камнерезов. Эти обстоятельства не способствовали формированию и преемственности региональной традиции камнерезного ремесла и стилистических особенностей произведений из орской яшмы.

Изделия из орской яшмы создаются разными методами. Так, объемные экземпляры – статуэтки, шкатулки и т. п., ювелирные изделия чаще выполняются из цельного камня, иногда в сочетании с металлом (бронзой). При этом форма и функция изделия определяются рисунком и цветом камня (рис. 4).

Наряду с этим мастера предпочитают работать в технике флорентийской мозаики – мозаичных наборов из тонких пластин камня. Работы из орской яшмы в технике флорентийской мозаики характеризуются несколькими направлениями. Одно из них – выбор цвета и рисунка фрагментов в соответствии с заданной композицией, например, в портретах известных людей, иконах, мифологических и литературных сюжетах. При этом задачи портретного сходства в портретах, изобразительности в сюжетных мотивах ограничивают диапазон подбора цвета и рисунка яшмовых пластин. Другой метод – выявление в работе с камнем образа, изна-

Рис. 4. Сувениры из орской яшмы

Источники: https://radugakamnya.ru/catalog/vazy_i_karandashnitsy_iz_kamnya/vaza_iz_yashmykolba_83_83_185mm-436459/;
<https://orsk.yamart.ru/product/dpdpuedum/>

чально созданного природой. Работая в этом направлении, художник добавляет, домысливает и корректирует природный натуральный мотив, увиденный им в камне. Основным художественным средством при этом является сочетание естественных природных элементов декора камня – цветowych переходов, прожилок, пятен, штрихов, полос, способствующих выявлению выразительно-изобразительной композиции.

В силу социально-экономических установок времени, к сожалению, количество мастеров, работающих с орской яшмой, в настоящее время сокращается; сейчас обработкой орской яшмы занимаются в основном немногочисленные кустарные мастерские и отдельные мастера. Обусловлено это тем, что у них нет больших заказов, так как бренд «Орская яшма» сейчас менее известен.

Один из мастеров – орский художник-камнерез Сансызбай Буркутбаев. Мастер, в свое время успешно трудившийся в нескольких фирмах по обработке яшмы, сегодня вынужден работать в мастерской в домашних условиях. В числе его работ сувенирная продукция из яшмы, портреты известных людей, иконы, сюжетные композиции (рис. 5) Камнерез работает в технике русской и флорентийской мозаики, сочетая естественные цвет и рисунок камня в поиске единого композиционного решения. С.К. Буркутбаев давно пытался организовать свое предприятие по обработке камня и школу камнерезного мастерства. Однако в настоящее время эта идея, к сожалению, пока не нашла поддержки.

Юрий Шевцов – также известный художник-камнерез Оренбуржья (г. Гай), участник многих выставок и лауреат конкурсов разного уровня. Его работы в технике флорентийской мозаи-

Рис. 5. Панно из орской яшмы в технике флорентийской мозаики Сансызбая Буркутбаева (*a*) и Юрия Шевцова (*б*)

ки хранятся в частных коллекциях Америки и Франции, Санкт-Петербурга. Мастер работает с уральскими камнями, используя около тридцати видов минералов, но в основном предпочитает применять уникальную орскую яшму (рис. 5).

Заключение

«Орская яшма» – это в недавнем прошлом один из ярких самобытных народных художественных промыслов Оренбуржья и центров камнерезного искусства Урала в целом. По словам знаменитого советского минеролога А.Е. Ферсмана,

Подводя итоги краткому описанию Орского района, можно признать его крупнейшей оригинальной достопримечательностью Урала: его яшмы являются, несомненно, национальным богатством нашей страны [Ферсман 1962, с. 224].

Своеобразный природный ландшафт, богатство и разнообразие полезных ископаемых, традиции материальной культуры, и в частности камнерезного искусства из орской яшмы, имеют прямое отношение к понятию «экология культуры» Оренбуржья. Комплексный экологически-культурный подход должен стать определяющим методом в изучении, сохранении и развитии природно-культурного наследия Оренбуржья. Призывая к сохранению уникальной природы и культуры Оренбуржья, А.А. Чибилев писал:

Нам необходимо выявить лучшие образцы природных творений края, ...способствовать тому, чтобы каждый желающий смог увидеть их в окружающей природе, дать минимум научных представлений о природных объектах и явлениях, обратить внимание на ценность и уникальность информации, которую содержат окружающие нас памятники природы...; мы, ныне живущие, ответственны за сохранение окружающего нас природного наследия, которое может исчезнуть и исчезает бесследно и безвозвратно [Чибилев 1996, с. 6].

Рассматривая орскую яшму в двух аспектах понятия «Экологии культуры» – в части сохранения природы и части сохранения культуры, мы видим острую необходимость восстановления и охраны регионального своеобразия Оренбуржья: ее окружающей среды, природных ресурсов, а также объектов культуры, в том числе промысла и произведений камнерезного искусства. Об этом писал

российский и советский энтомолог, зоолог, географ, первый председатель Всероссийского общества охраны природы Г.А. Кожевников, слова которого приводит в своей книге А.А. Чибилев:

Если мы не примем специальных мер по охране первобытной природы, то она исчезнет бесследно, и застывшая на ее место измененная культурой природа только обманет нас своим односторонним богатством, затушевав образ исчезнувшего прошлого⁵.

Произведения мастеров-камнерезов как часть материальной культуры и один из видов предметного творчества имеют самое прямое отношение к природному материалу, к народному творчеству Оренбуржья и, соответственно, входят в сферу интересов экологии культуры. Пути сохранения и развития камнерезного искусства в Оренбуржье достаточно разнообразны. Один из них – формирование стилового своеобразия изделий из орской яшмы. Сувениры из орской яшмы должны максимально выявлять ее специфические декоративные свойства, обладать региональной самобытностью, узнаваемостью, стилистической целостностью. Для этого на организационном, управленческом и экономическом уровнях индивидуальные мастера-камнерезы должны получать методическую и практическую помощь в овладении основами художественно-изобразительного мастерства и методами обработки орской яшмы, поддержку в организации спроса и предложений изделий из камня. При этом необходимо создать условия для организации новых предприятий и артелей по обработке орской яшмы и школу камнерезного мастерства.

Орская яшма и изделия из нее как уникальное природно-культурное наследие Оренбуржья по праву должны возратить признание в мировом камнерезном искусстве и стать почетным объектом экологии культуры Оренбуржья.

Литература

- Кондратьева 2000 – *Кондратьева К.А.* Дизайн и экология культуры. М.: МГХПУ им. С.Г. Строганова, 2000. 105 с.
- Лихачев 1975 – *Лихачев Д.С.* Великое наследие. М.: Современник, 1975. 366 с.
- Мусина 2018 – *Мусина Р.Р.* К проблеме современного бытования традиционного искусства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 102–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-102-111

⁵ Цит. по: *Чибилёв А.А.* Природное наследие Оренбургской области. Оренбург: Оренбургское кн. из-во, 1996. С. 5.

- Мусина 2020 – *Мусина Р.Р.* Сувенир. Разновидности и специфические особенности // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2020. № 4. Ч. 1. С. 36–44.
- Путолова 1991 – *Путолова Л.С.* Самоцветы и цветные камни. М.: Недра, 1991. 192 с.
- Ферсман 1962 – *Ферсман А.Е.* Избранные труды. Том VII. Изд-во Академии наук СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 604 с.
- Чибилев 1996 – *Чибилев А.А.* Природное наследие Оренбургской области. Оренбург: Оренбургское кн. из-во, 1996. 384 с.

References

- Chibilev, A.A. (1996), *Prirodnoe nasledie Orenburgskoi oblasti* [Natural heritage of the Orenburg region], Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, Orenburg, Russia.
- Kondrat'eva, K.A. (2000), *Dizain i ekologiya kul'tury* [Design and ecology of culture], MGKhPU im. S.G. Stroganova, Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S. (1975), *Velikoe nasledie* [Great heritage], Sovremennik, Moscow, Russia.
- Musina, R.R. (2018), "Towards an issue of contemporary functioning of traditional art", RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series, no. 2, pp. 102–111, DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-102-111
- Musina, R.R. (2020), "Souvenir. Varieties and specific features", *Decorative Art and environment. Herald of the MGHPA*, no. 4, part 1, pp. 35–44.
- Putolova, L.S. (1991), *Samotsvety i tsvetnye kamni* [Gems and colored stones], Nedra, Moscow, Russia.
- Fersman, A.E. (1962), *Izbrannye trudy* [Selected works], vol. 7, Izd-vo Akademii nauk SSSR Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алла А. Васильченко, кандидат искусствоведения, доцент, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия; 460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, д. 13; vasilchenko.alla@mail.ru

Information about the author

Alla A. Vasil'chenko, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia; bld. 13, Pobedy Avenue, Orenburg, Russia, 460018; vasilchenko.alla@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 25.03.2022.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 9,1. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1504

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru